

АНДРЕЙ КОРОБЕЙЩИКОВ

ПУСТЕНЬЕ

Смена тысячелетий, преддверие нового большого геокосмического цикла, который был предсказан как многими древними культурами, так и рядом современных ученых, знаменуется в первую очередь переменой в области сознания людей, их мироощущения. Кажется, что мир вокруг нас начинает сходиться с ума: катастрофы и перемена климата, изменение полюсов и временного цикла... Стремительно меняется не только политическая, но и геологическая карта мира. Появление людей с невероятными способностями, возникновение новых религиозных культов и учений мессианского толка, новейшие технологические открытия, потрясающие воображение... Все это говорит о том, что человечество стремительно вступает в новую фазу своего развития. Неудивительно, что в этих условиях человеку свойственно было растеряться, начиная все чаще задумываться о своем предназначении, о своих реализованных и нереализованных возможностях, о своей дальнейшей судьбе как в рамках этого мира, так и за его видимыми границами...

И чем больше человек задумывается над этими фундаментальными проблемами, тем отчетливее он понимает, что перед лицом Бесконечности он остается один. И поэтому ему нужно научиться принимать на себя ответственность за свою уникальную миссию, за свое бессилие и за свою силу, за свои ошибки и свои достижения. В условиях этого динамичного и нестабильного, меняющегося мира человек все чаще стремится к понятиям «Любовь», «Мир», «Добро», отворачиваясь от того, что обычно называют «темной стороной» или «обратной стороной медали». Такие понятия, как «Страх», «Война», «Вызов», отторгаются смятенным сознанием, негодующим на любое упоминание об этой мрачной и запретной области. А мир вокруг воюет: сильный пожирает слабого, хитрый обманывает доверчивого, коварный предаст честного. И можно отвернуться от всего этого, но лицемерие никогда не претендовало на объективность. Мы должны понять, что к светлому миру всеобщей любви и взаимопонимания можно прийти только через ломку жестких стен негативного осознания, через преодоление прежних ограничивающих рамок собственной системы жизненных приоритетов, иногда не способных обеспечить нам полноценную, яркую жизнь, наполненную переживаниями Силы и ощущением Свободы.

Настала пора честно взглянуть в лицо своим страхам, которые подобно раковой опухоли отравляют нашу жизнь, мешая нам реализовать свой могущественный потенциал. Настала пора честно посмотреть на свою истинную природу, принимая себя такими, какие мы есть, а не такими, какими мы себя рисуем в своем воображении. Сила заключается не в избегании своих Вызовов, а в их безупречном принятии. Именно поэтому я предлагаю вашему вниманию очередной роман из цикла «Войны Шаманов», в котором в неизменной форме мистического детектива поднимаются не только проблемы нравственного выбора, но и более глубокие, эзотерические пласты человеческого самосознания.

Роман «Пустень» является продолжением первого произведения данного цикла «ИТУ-ТАЙ. Темный Ветер с зеленых холмов». Уже знакомые по первой книге герои и новые персонажи продолжают развитие таинственной мистерии ИТУ-ТАЙ, разворачивающейся в контексте привычной повседневной жизни.

«Услышь глас разума, пребывающего в тебе.

Внемли разуму своему, гласу истины и света.

Уподобься ветру, выбирающему свет среди тьмы.

Путь ветра – видение действия в бездействии

и бездействия в действии.
Внешнее деяние – лишь иллюзия,
под маской действия скрыто бездействие.
Тьма скрывает свет и свет скрывает тьму.
Одно скрыто в другом...»

Г.Э. Адамович. «Белорусские асилки»,
серия «Славянские единоборства»

Автор не претендует на соответствие публикуемой им информации официальной науке или общепринятым мнениям, а предлагает исключительно свое видение и свои версии, часть из которых основана на личной мистической и обрядовой практике.

«Воинов света можно узнать по взгляду.

Они живут в нашем мире, они составляют часть нашего мира, в наш мир были они присланы и пришли сюда без посоха и сандалий. Нередко они испытывают страх. Не всегда они поступают правильно. Воины света порой терзаются из-за безделицы, огорчаются по пустякам, считают, что недостойны расти. Воины света время от времени думают, что недостойны ни чуда, ни благодати.

Воины света часто спрашивают себя и друг друга, что они делают здесь, и еще чаще приходят к выводу, что жизнь их лишена смысла. Именно поэтому они – воины света. Потому, что совершают ошибки. Потому, что задают вопросы. Потому, что неустанно отыскивают смысл. Ищут – и в конечном счете находят».

Пауло Коэльо

«Книга воина света»

Синяя тьма. Вязкая и холодная, могущественная и неумолимая. Она обволакивает человека, кружит его в своих объятиях, уговаривает впустить ее внутрь, позволить слиться с ней, стать единым целым – могущественным и неумолимым.

Человек пытается противостоять этому коварному шепоту, но тщетно. Синюю тьму невозможно превозмочь. Она повсюду. Шепчет, уговаривает, приказывает. Ее сказки звучат соблазнительно. Она предлагает человеку вечный покой и слияние с самой великой стихией в этом мире. Она говорит о бренности тела и окостенелости смерти. Она поет о тишине, покое и в то же время о вечном движении, рождающем жизнь.

Человек уже почти согласен впустить в себя эту вязкую Вселенную, он улыбается ей и пытается обнять ее в ответ, но она ускользает от его объятий, сжимая его еще крепче, будто приглашая к последнему поцелую, когда в разомкнутые уста вместо воздуха хлынет губительная, перерождающая заново синева.

Человек последний раз проговаривает мысленно свое имя, словно называя себя перед Вратами Вечности, и кричит, напрягая последний раз в этой жизни свое израненное и утомленное долгим сопротивлением тело. В скованную спазмом грудь мощной струей врывается... свежий воздух. Человек судорожно вдыхает его и открывает глаза.

Воздух. Он жив. Он дышит! Под онемевшим телом отчетливо ощущается приятная твердость лежака, выстланного оленьей шкурой.

Синяя тьма обманула. Она обещает растворить в себе боль от множества ран и ссадин и подарить тишину и покой. Но стоило проснуться, и иллюзии обещанного величия сменились ноющей болью, растекшейся по всему телу. Человек застонал и, приподняв голову, осмотрел себя. Раны были перевязаны чистым полотном, из-под перевязи выбивались стебли и листья каких-то лечебных трав. Превозмогая невероятную слабость, человек приподнялся и вскрикнул от боли, пронзившей тело десятком острых стрел.

Крик услышали. Спустя мгновение входной полог откинулся, и в жилище вошел невысокого роста старик.

– Лежи, тебе нужно время, чтобы набраться сил.

Человек подчинился мягкому давлению старческих рук, уложивших его обратно на лежак.

– Где я и кто ты такой?

Старик, улыбаясь, разводит в центре жилища небольшой огонь, дым от которого тут же уносится куда-то вверх, и садится рядом.

-Я-Юрг.

Израненный человек с наслаждением ловит кожей теплый воздух, перемешанный с

легким запахом дыма.

- Как я сюда попал? Старик смотрит ему в глаза.
- Я нашел тебя.
- Нашел?
- Ты должен вспомнить...

Человек закрывает глаза, не то прячась от настойчивого взгляда Юрга, не то просто пытаясь вернуть себе ускользающие воспоминания о минувших событиях. За закрытыми веками синяя тьма. Плещется и клокочет, мешая увидеть главное. Крики и стоны раненых. Жуткая ооченелость убитых. Дикая скачка и загнаннй конь, рухнувший в дорожную пыль с кровавой пеной на губах. Азартные окрики воинов, преследующих его подобно охотничьей добыче. Свист стрел и мучительное касание жалящей стали. Стремительный ток реки под горным обрывом и белая пена на острие бурунов. Синяя тьма.

- Я вспомнил. Вспомнил...

Старик кивает ему, словно понимая его чувства.

- Расскажи мне.
- Зачем?
- Расскажи. Я должен знать о тебе. Я тебя спас.

Человек не открывает глаз, чувствуя, как на смену воспоминаниям пришли слезы. Они словно растопили болтливую память, которая принесла боль, во много раз превосходящую телесные страдания.

- Они напали на нас поздно ночью. Наемники. Никого не осталось в живых. Только я успел ускакать. Но они настигли меня в ущелье. Мой конь упал, и я бежал от них через скалы. Но они догнали меня. Я сражался с ними, но они словно издевались надо мной – кололи саблями и ждали, пока я упаду. Им не нужна была моя смерть, они хотели получить мое тело, чтобы сделать одним из них. Когда я это понял, то прыгнул с обрыва в реку. Они стреляли в меня из луков, но течение унесло меня прочь...

Старик молчит, но глаза его ждут продолжения истории.

- Я не хотел жить, просто боролся с водой, пока были силы, а когда их не стало и я уже пошел на дно, ноги коснулись отмели, и меня вынесло на берег. Синяя тьма обманула, отказалась от меня...

Человек замолчал, потому что каждый вдох стал отдаваться в груди мучительными всплшками боли. Старик протянул ему флягу, сшитую из тонкой выделанной кожи.

Человек принял ее и сдержал несколько глотков, чувствуя, как по телу побежала огненная волна. Боль отступила.

– Потом я выполз на камни и упал без сознания. А когда пришел в себя, увидел перед собой двух волков. Они стояли совсем близко, но не подходили, а смотрели на меня, ожидая, наверное, когда я снова впаду в беспамятство. Я кричал на них, но они стояли на одном месте. И тогда мне стало все равно, я хотел тишины и покоя, и мне было безразлично, кто мне их даст: волки или синяя тьма на дне реки.

Старик слушал его не шелохнувшись, и только взгляд его утратил остроту и теперь был рассеян, словно он думал о чем-то своем.

– Юрг, а ведь я слышал человеческий голос! Где-то совсем неподалеку, в лесу. Он звал кого-то, и я подумал, что либо схожу с ума, либо это лесные духи зовут меня к себе. А потом я снова потерял сознание. Это был ты, Юрг?

Старик улыбнулся:

– Как тебя зовут?

Человек задумался, словно решая, произносить ли вслух имя, от которого он уже почти отказался, вверяя себя речному потоку.

– Мое имя Туан.

Старик заботливо похлопал его по руке.

– Я нашел тебя на речном берегу, Туан. Твое тело было покрыто ранами, и ты был похож на мертвеца. Я очень удивился, встретив тебя в тайге. Однако никаких волков я не видел.

– Значит, это были духи леса или призраки. Старик встал и неопределенно пожал плечами.

– Тебе нужен отдых. Ты много пережил, и сейчас тебе нужно восстановить свои силы. Ты должен много спать.

– Я не могу спать. Я теперь, наверное, больше никогда не смогу

спать.

Старик накрывает его второй шкурой – лисьей.

– Сможешь. Твоя память сейчас замолчит. Твой страх уйдет глубоко внутрь, а ты сможешь отдохнуть. Здесь ты в безопасности. Здесь не бывает людей. Уже давно не было. Ты можешь спать спокойно.

– Не бывает людей? – задумчиво пробормотал Туан. – Где же мы находимся?

Старик развел руки в сторону.

– Мы в горной тайге. Здесь нет людей, только звери, – он опять улыбнулся Туану, – и призраки... Спи.

***

Барнаул

«Ненавижу!» – что была его первая мысль после пробуждения. Он еще не успел осознать причину своей ненависти, но уже точно знал, что его тело и его воспаленный последними переживаниями разум клокочат от злобы и жажды отмщения. Каждая клеточка тела дрожала от нетерпения и предчувствия убийства. Каждая мысль была лишь об одном: ненависть, ярость, убийство.

Причиной его ненависти был человек. Не какой-то конкретный человек, а весь человеческий род, неприязнь к которому сконцентрировалась подобно лазерному лучу в одном человеке. Чох встал с кровати и затравленно осмотрелся по сторонам. Этот человек словно заслонял ему свет в конце тесного тоннеля, именуемого «жизнь». Разве это можно назвать жизнью? Обстановка комнаты, в которой Чох жил последние три месяца, больше напоминала ему барак в пригороде Горно-Алтайска, где он терпеливо существовал в течение трех лет, ожидая исполнения своих желаний, первым из которых было желание убить.

Выцветшие линялые обои отвратительного болотного цвета, обшарпанная штукатурка на потолке, запах затхлости и разрушения. Он всегда так жил, будто этот интерьер воссоздавался из его внутреннего пространства, где бы он ни появлялся. Но Чох обычно не обращал на это внимания. Он знал, что пространство внутри до краев наполнено разрушением, но вот вина за это захлестнувшее его чувство целиком лежала на нем, человеке, который отравил его жизнь.

Чох сжал кулаки и, метнувшись с кровати вниз, на грязный пол, вцепился ногтями в доски, сдирая с них опостылевшую грязно-оранжевую краску. Из его груди вырвался отчаянно-злобный рык, словно зашедшийся в агонии раненый зверь терзал в исступлении своего ненавистного противника. Он и был раненым зверем. Духом, запертым в проклятое тело.

Чох мучительно выгнулся и, перевернувшись на спину, замер, уставившись пустым взглядом в серый потолок, покрытый тонким слоем сажи. Его душа кровоточила. Боль, во много раз превосходящая физические страдания, распирала изнутри грудь, угрожая взломать грудную клетку и вывернуть наружу искореженные ребра. Было невыносимо держать внутри эту месть, ставшую уже неотъемлемой частью организма, пропитавшую каждую клеточку тела подобно едкому поту. Нужно было выплеснуть ее вовне, или, Чох это отчетливо ощущал, она взорвет его подобно воздушному шару, получившему избыточную порцию водорода.

«Я тебя убью! Убью... – он оскалил зубы в зловещей усмешке и погрозил потолку нервно сжатым кулаком, – я найду тебя и вырву тебе сердце!»

Он знал, ждать осталось уже совсем недолго. Азия сказала, что *это* случится не позже чем через две-три недели. А что такое две-три недели по сравнению с вечностью,

которую он потратил на возвращение ненависти в потаенных глубинах собственного существа?

Вспомнив об Азье, Чох уронил на пол расслабленную руку и закрыл глаза. Что бы он делал без нее? Его маленькая дочка... Возможно, он хотел для нее иного будущего, но этот ублюдок не оставил для них иного выбора. Для всей их семьи. Он всех их превратил в убийц, и теперь у них был только один стимул существования, только один принцип, объединяющий их семью наподобие невидимого клея, – месть.

Азья. Он даже имени ей дать не смог. Все, как всегда, сделала за него его мать, эта старая ведьма, вдохнувшая в них дух разрушения. Она всегда все решала за него и за его дочку. И имя это она придумала для нее сама. Могло показаться, что в нем слышится упоминание их древней родины, места их рождения – Азии, но Чох знал, что это не так. Для него в этом имени отчетливо слышалось иное название – Айза, злой дух. Эта ведьма уже тогда знала истинное предназначение для каждого своего выродка. Она проложила для них четко очерченный путь, свернуть с которого было невозможно. Они стали для нее мрачными ангелами смерти, духами-мстителями, ее грозным и неотвратимым оружием.

Стремительным движением Чох разорвал на себе рубашку и вонзил хищно изогнутые пальцы себе в грудь, так, как это он только что делал с полом под собой. Кровь хлынула по коже тонкими красными ручейками, заливая рубашку, но Чох не чувствовал боли. Наоборот,

он испытывал какое-то странное наслаждение, которое притупляло душевные муки. В глазах замелькали вспышки света и тьмы, накладываясь на опостылевший интерьер комнаты.

«Азья! Где ты, доченька? Мне плохо без тебя!»

Чох уже знал, что он будет делать после того, как выполнит возложенную на него миссию отмщения. Сначала он убьет всех, кто был связан с этим последним тайшином, затем он прикончит его самого, а потом он вернется к своей матери и убьет и ее. Это будет последним шагом к его свободе, его и его дочери. А потом они с Азией уедут далеко-далеко, так далеко, что никто из людей даже поверить не сможет в само существование подобных мест. Уже скоро. Это произойдет очень скоро.

«Ты слышишь меня? – злобно прошептал Чох, проведя липкими руками по лицу, оставляя на нем кровавые следы, наподобие боевой раскраски индейца, вышедшего на тропу войны. – Скоро! Я уже иду. Молись своим убогим богам, я и их убью. Убью. Никто не сможет меня остановить...»

В тесном пространстве обшарпанных стен возник и забился рикошетом хриплый торжествующий смех, похожий на рык и на стон одновременно. Он бы непременно напугал соседей Чоха, но они уже привыкли к подобным звукам, списывая их на выходку нелюдимого придурка-алкаша, впавшего, по всей видимости, в очередной запой или в его крайнюю фазу – приступ белой горячки, наполненной бредовыми видениями и образами.

***

ЗАПИСИ В ДНЕВНИКЕ

Максим Ковров – 29 лет.

«19.04.00 г.

Прошлое... Как ускользающие обрывки яркого сна. Как ключья тумана, тающего

поутру. Если бы не эти записи в дневнике, я уже не смог бы отличить иллюзию и явь, перемешавшиеся за моей спиной в зыбкий и текучий узор. Время обучения стерлось из моей памяти, став похожим на одну из тех сказок, которыми наше сознание украшает нашу личную историю. Было ли это на самом деле? Мой разум говорит, что нет, мое тело уверяет меня в обратном. В любом случае я опять погружаюсь в то отвратительное состояние, когда тело и разум вступают в опустошительный конфликт, разрушающий меня день за днем. Из всего, что осталось у меня от прошлого, – это мои записи и мои воспоминания. Тайшины ушли, и я цепляюсь за воспоминания о них с отчаянием человека, обреченного на одиночество.

Когда я жил в Барнауле, я почти ежедневно ездил на обгоревшие остатки Темной Усадьбы. Но именно это зрелище скорее всего и надломило меня. Я наконец с предельной очевидностью понял, что остался один. Один во враждебном для меня мире. Я вспомнил слова Айрука: «Как левая рука может напасть на правую? Как дерево может испытывать вражду по отношению к своей ветви? Мир враждебен только для того, кто изолировал себя от него, кто вступил с ним в изнурительную битву, в которой не бывает победителей». Это воспоминание добило меня окончательно. Я понял, что замкнулся в непроницаемую сферу, отгородившую меня от окружающего плотным непроницаемым пологом. Мне хотелось спрятаться в спасительной внутренней Пустоте, сжаться в комок, закрыть глаза. Возможно, именно эта слабость и спасла меня от срыва: я ушел глубоко внутрь своего существа, в мерцающую Пустоту, растекшуюся гигантским аморфным океаном на дне моего утратившего свои границы Я. Там я обнаружил нечто, заставившее меня испугаться и обрадоваться одновременно. Я нашел там сумерки, остудившие мое отчаяние и скрасившие боль одиночества. Но в них было также и что-то устрашающее. Какая-то темная сторона, скрывающая в себе причину всех моих страхов...»

«23.04.00 г.

Я решил покинуть Барнаул и сменить среду обитания. Мне необходимы встряска, новые впечатления, новый круг знакомств, новое жилье. Вчера позвонил Авилов из Новосибирска и сообщил хорошую новость: его рекомендации были приняты, моя кандидатура уже одобрена и меня ждут со дня на день. Крупная торгово-промышленная компания, отличная зарплата, свободный график работы и полная независимость в принятии решений. Завтра выезжаю в Новосибирск».

***

Новосибирск

Обжигающе горячий воздух не видимой глазу лавиной хлынул с крыш города вниз, на людные улицы, удушающе плотным маревом, встречая на своем пути лишь слабое сопротивление окон, охлажденных прохладой, создаваемой кондиционерами. Тяжелое июньское пекло безраздельно господствовало в Новосибирске уже четвертые сутки, навевая горожанам неуловимую ностальгию по майской свежести или даже по апрельскому легкому холодку.

– Опять сегодня будет жара, – генеральный директор торгово-промышленной компании «СИУС» Евгений Алексеевич Воронцов раздраженно вытянул из-под воротника сорочки надоевший галстук и, вернувшись к своему столу, взял с гладкой полированной поверхности

миниатюрный пенал пульта дистанционного управления системой «климат-контроля». Через несколько секунд в кабинет хлынул прохладный воздух, а на окна неслышно опустились затемненные светофильтры. В помещении возник приятный, овеваемый свежестью полумрак.

Максим деликатно кивнул, соглашаясь не то с раздражающим климатическим фактом, не то с метаморфозами, произошедшими в кабинете. Он сидел в мягком кожаном кресле, расположенном напротив кресла гендиректора, и ждал продолжения разговора, инициатором которого был Воронцов. Максим уже два месяца работал в «СИУСе» и уже был готов поделиться со своим шефом первыми результатами своих исследований. Формально он был приглашен в фирму для создания корпоративной миссии организации, но на самом деле спектр выполняемых им функций оказался более широким. Воронцову рекомендовали его как высококлассного специалиста по информационно-психологической безопасности. И хотя само определение подобных изысканий было несколько расплывчатым и туманным, Воронцов четко обозначил ему векторы желаемого результата: сведение к минимуму любой утечки стратегической информации «СИУСа», поиск и нейтрализация деструктивных элементов в коллективе и замена их на более надежные и функциональные, создание корпоративной культуры, позволяющей объединить воедино первые два пункта. Максим окунулся в работу с каким-то необъяснимым чувством наслаждения. Это не было похоже на бегство от себя, наоборот, это было великолепной возможностью опробовать свои силы, пробудить себя к действию, развернуть вовне крылья своего обостренного восприятия. Работая, он чувствовал себя демиургом, видоизменяющим огромную, отлаженную годами торговую империю. Его не заботил результат как финансовый или имиджевый фактор. Он чувствовал, что от его успеха будет зависеть не только его дальнейшая адаптация в социуме, но скорее его уверенность в собственных силах, ощущение того, что он жив и многое может сделать. И поэтому его деятельность в «СИУСе» больше напоминала не методичное и взвешенное исследование, а стремительное движение вперед набравшего скорость локомотива, когда обострены до предела все инстинкты и решения принимаются мгновенно и бесповоротно.

– А что это за термин: «эгрегор»?

Максим задумался на секунду, словно решая, продолжать эту тему или свернуть ее под благовидным предлогом и перевести разговор в другое русло.

– Это несколько специфический термин. Вошел в широкое употребление после публикации «Розы Мира» Даниила Андреева. Слышали?

Воронцов отрицательно качнул головой.

– Был такой известный философ, – Максиму не хотелось вдаваться в подробности, и он решил ограничиться общей информацией, – написал в тюрьме свое самое значительное произведение и назвал его Метаисторией... Так вот, там термин «эгрегор» используется для определения некой общности энергетических полей, которые объединяются в один автономный невидимый организм. То есть, попросту говоря, несколько насыщенных эмоциями и информацией идей могут образовать эгрегор, который в свою очередь начинает существовать в пространстве самостоятельно, трансформируя данные идеи в соответствии со своими целями.

– Ну-ка, ну-ка, подробнее... – Воронцов явно заинтересовался темой, – что-то подобное я

действительно слышал...

– Это может быть недолговечное, зыбкое образование, а может быть очень мощной и влиятельной системой. Все зависит от потенциала, породившего данный эгрегор, и от его энергетической структуры. В качестве структурных элементов эгрегора выступают люди, подпитывающие его своей энергией. Поэтому эгрегоры могут подразделяться на политические, социальные, религиозные, профессиональные.

– А фирма тоже имеет свой эгрегор?

– Безусловно. Вот тут-то и возникает ситуация взаимоотношений директора фирмы, ее сотрудников и эгрегора. Дело в том, что, создавая любую организацию, ее основатель автоматически создает и ее эгрегор, который в свою очередь вступает во взаимодействие с другими эгрегорами, окружающими его: эгрегором государства, эгрегорами контролирующими и курирующими органов, эгрегорами клиентов и конкурентов данной организации. Кроме того, внутри эгрегора тоже идет постоянная деятельность: сотрудники фирмы также находятся в постоянном взаимодействии – подсиживают друг друга, карабкаются по карьерной лестнице, продаются конкурентам, да мало ли что... И вот во всей этой кутерьме возникает один очень важный вопрос: управление эгрегором. Потому что аксиомой

является непреложное правило: если директор фирмы не управляет эгрегором, эгрегор начинает управлять им.

– Интересно, – Воронцов с явным интересом рассматривал Коврова, прищурившись и подперев голову широкой ладонью, – Макс, я вот все хочу у тебя спросить, откуда такие познания? В вузах, насколько я знаю, таким вещам не обучают? Когда Авилов рекомендовал тебя, он обмолвился насчет того, что ты якобы обучался шаманизму в Горном Алтае. Это правда?

Ковров откинулся на кожаную спинку кресла и провел рукой по деревянному отполированному подлокотнику.

– Шаманизм невозможно изучать, это не наука и не учение. Шаманизм – это стиль жизни. Его можно только пережить. И эти переживания не имеют ничего похожего на те аналогии, которые люди обычно подбирают для описания шаманизма.

Воронцов хмыкнул и покачал головой.

– Но ты же встречался с шаманами? Ковров кивнул.

– Да, встречался.

– Насколько я знаю, в Горном Алтае сейчас каждый третий алтаец – шаман. Деградирующая нация. Выживает за счет воровства и туризма. А для туризма мифотворчество и фольклор – первое дело. Вот и объявляет себя каждый, кто посмекалистей, шаманом.

Ковров вздохнул и развел руками:

– Да, алтайцам сейчас нелегко, но это их боль, и то состояние, в которое они себя загнали,

имеет под собой очень глубокую основу. Это древнее наследие, которое спрятано под землей Алтая. Оно влияет на его жителей, делая их либо невероятно сильными, либо ничтожно слабыми. Последних, как вы понимаете, всегда будет больше.

Воронцов опять изобразил на лице неподдельный интерес.

– А что же это за наследие?

– Это очень объемная тема. Если вы не возражаете, Евгений Алексеевич, то я не хотел бы сейчас касаться ее.

Гендиректор наклонился к пульту селектора и попросил секретаря приготовить им чай, затем улыбнулся и понимающе кивнул.

– Хорошо, Макс, но тема для меня действительно интересная, и я бы хотел как-нибудь вернуться к ней. А сейчас давай продолжим беседу об эгрегорах. Ты остановился на управлении эгрегором. Как я понимаю, это

имеет отношение к тем выводам, которые ты сделал относительно «СИУСа»?

Дверь в кабинет неслышно отворилась, и секретарь, красивая рыжеволосая девушка, впорхнула в помещение подобно легкому летнему ветерку. В руках она держала поднос с двумя тонкими фарфоровыми чашечками, тарелочкой с лимоном и вазой с печеньем и конфетами. Через несколько секунд девушка так же неслышно исчезла. Собеседники перешли за сервированный стол.

– Корпоративный эгрегор очень сильно отличается, например, от эгрегора религиозного. Его инициатор, то есть генеральный директор, – это предельно конкретное лицо, со своими слабостями, желаниями, возможностями. Но эгрегор имеет тенденцию расти, он включает в себя все большее количество людей, и чаще всего случается так, что директор перестает контролировать все происходящее в организации. Вот тогда-то и возникает потребность в корпоративной культуре. Любому директору необходимо иметь инструмент, с помощью которого он мог бы контролировать как отдельные сегменты, так и весь эгрегор в целом. Но для управления эгрегором этого недостаточно. – Максим сделал выразительную паузу.

– Директор, который хочет управлять эгрегором своей фирмы, должен обладать знаниями, значительно превосходящими знания обычного человека.

Воронцов присвистнул и поставил дымящуюся чашечку на салфетку.

– Круто, Макс, ты загибаешь. И что же это за знания?

Ковров повернул голову в сторону светофильтров, на которых ярким круглым пятном завис в небе диск солнца.

– Эти знания не имеют ничего общего с информацией в привычном для нас понимании этого слова. Это сфера знаний, основанная на сверхчувственном восприятии, которое срывает с окружающего нас мира покровы иллюзии и позволяет увидеть все в истинном свете.

Воронцов удивленно изогнул брови.

– Это как? Ковров улыбнулся.

– Я могу показать...

***

Горный Алтай

Незнакомец появился на ведомственной территории лесника Сомова в день его рождения. Вечером неподалеку от своего домика лесник увидел смутный человеческий силуэт, мелькающий среди серо-зеленых стволов, и сначала подумал, что это кто-то из Поселка. Так называли свое импровизированное поселение из пяти рубленых домиков странные ребята с непонятным названием «дуэнерги». Сомов сначала отнесся к ним настороженно: мало ли сектантов обживало в последнее время Горный Алтай. Но люди оказались мирные и, даже более того, интересные. Они всегда были рады принимать лесника у себя в гостях, и его «режимные» посещения Поселка постепенно переросли в приятные визиты, повторяющиеся несколько раз в неделю. Лесник навдывался к поселенцам, обязательно прихватив с собой какой-нибудь импровизированный сувенир: грибы, ягоды, мед, вязанки душистых трав к чаю, садок со свежими хариусами.

Посторонние в этом районе были редкими посетителями, и лесника насторожило появление незнакомца.

Сомов окрикнул его, но человеческая фигура с необыкновенным проворством, молниеносно исчезла в зарослях кустов. Лесник взял в руки охотничий карабин и быстро пошел к кустарнику, стараясь разглядеть среди стволов загадочный силуэт. Но незнакомец словно испарился, не оставив после себя ни единого следа и не издав при этом ни единого звука. По своему опыту лесник Сомов знал, что так бесшумно не могут передвигаться даже звери. Инцидент он списал на вечерние сумерки и полбутылки водки, принятой по поводу торжественной даты.

***

Новосибирск

Воронцов внимательно следил за действиями своего нового консультанта. Он был немного странноватым, но вносил некую свежую струю в его мировоззрение. Об этом его предупреждал в свое время Авилов, когда рекомендовал ему этого молодого парня. «Ты узнаешь много нового, Женька. Прежде всего о себе, а также о своем бизнесе и вообще о мире, который нас окружает, но который мы упорно не хотим замечать...»

Авилов тогда о чем-то недоговорил, да это и неудивительно – у него возникли большие проблемы, связанные с его агентством. На него даже страшно было смотреть последние месяцы.

Однако выпутался, причем скорее всего не без помощи этого Коврова: они, оказывается, знали друг друга уже давно и тесно работали в области информационной безопасности. Именно после своего чудесного воскрешения в деловой среде Авиллов как-то обмолвился во время их совместного отдыха в сауне о своем товарище. Воронцов заинтересовался в первую очередь именно тем фактом, что этот парень якобы обучался у какого-то шамана в горных районах Алтая и теперь применяет эти знания в современном бизнесе. А так как Воронцов считался в бизнес-среде Новосибирска своеобразным новатором в области инноваций и перспективных технологий, сама идея использования сакральных языческих знаний в сфере деловых отношений показалась ему небезынтересной. Он попросил Авиллова познакомить его с этим человеком и даже предложил ему участие в разработке корпоративной миссии, которую уже заказал в одном информационно-консалтинговом агентстве. И вот сейчас, глядя, как консультант выкатывает на середину огромного кабинета два передвижных кресла, он думал о его реальных и вымышленных возможностях и о той роли, которую он сыграл в ситуации с Авилловым.

– Садитесь вот сюда, Евгений Алексеевич, напротив меня. – Ковров сел в одно из кресел, показывая собеседнику на второе.

– У нас будет сеанс гипноза? – Воронцов сел в кресло, ожидая дальнейших инструкций. Все происходящее казалось ему несколько забавным и в то же время интересным – ни разу еще с ним не беседовал так открыто и непринужденно ни один из его подчиненных.

– Гипноз – это прошлый век, – Ковров смотрел на директора «СИУСа» с легкой улыбкой, словно давая понять, что причин для беспокойства и напряжений нет и происходящее между ними не больше чем безобидная игра, демонстрационный элемент тренинговой субкультуры, ставшей в последнее время весьма популярной среди бизнесменов. – И гипноз, и НЛП, столь модное и эффективное в деловых коммуникациях, – это все уже безнадежно устарело, хотя только сейчас стало активно завоевывать информационный рынок.

– Ты считаешь, что нейролингвистическое программирование – это вчерашний день? – Воронцов, только что финансировавший большой НЛП-проект в рамках создания экспериментального сектора продаж, удивленно посмотрел своему консультанту прямо в глаза. Но тот глаз не отвел, хотя обычно пристального взгляда гендиректора не выдерживал никто из его знакомых и уж тем более из его подчиненных. На Коврова же он не произ-

вел привычного эффекта, более того, Воронцов пожалел об этой своей манере: периодически смущать своих подчиненных или коллег по бизнесу остро отточенным, словно клинок, взглядом. Консультант сидел, совершенно спокойно выдерживая визуальный контакт, и, даже более того, Воронцову показалось, что он ждал его, а теперь зацепил этот взгляд своими темными глазами, и между ними возникла тонкая неуловимая связь, разорвать которую было очень сложно.

– НЛП эффективно только в рамках линейной сферы восприятия. – Ковров говорил тихим, уверенным голосом, и Воронцову показалось, что все-таки это очень похоже на наведение гипнотического транса. – Все это – элементы второй импульсной системы, вербальной системы,

которой активно пользуется человек. Оно и расшифровывается: «нейро» – нервная система, первая сигнальная система нашего организма, и «лингвистическое» – то есть активно использующее речевые воздействия – вторая сигнальная система. Но, когда мы говорим об эгрегорах, мы не можем оперировать элементами линейного восприятия. Все, что связано с ощущением эгрегора, его подключением и управлением, имеет отношение к нелинейной сфере восприятия, к вибрационному уровню субсенсорного взаимодействия. А с этим уровнем может работать только третья импульсная система, о которой многие люди даже не слышали, не говоря уже о ее инициировании и развитии.

– Что это за система такая? – Воронцов задал этот вопрос, скорее инстинктивно чувствуя, что консультант уже что-то делает с ним на незнакомом, непривычном уровне ощущений.

– Я покажу... – произнес Ковров тихо, и Воронцов понял, что консультант смотрит не на него, а в него. Куда-то вглубь особого пространства личности, скрытого за глазами. Ощущение было такое, будто на только что смеющиеся глаза Максима набежала легкая тень и они превратились в два лучистых буравчика, ввинчивающихся в голову и обвивающих позвоночник холодным, покалывающим электрическим полем. Воронцов качнулся и попытался отвернуться или закрыть глаза, но взгляд консультанта не позволял сделать ни того, ни другого. Он затягивал все внимание в себя подобно двум черным воронкам и в то же время был уже где-то внутри гендиректора, растворяясь в сумерках его сознания. Время остановилось и заструилось вспять.

Через мгновение все закончилось. Ковров смотрел на Воронцова своим обычным взглядом и улыбался.

– Что... это было? – Воронцов прислушивался к новым, не знакомым доселе ощущениям, пытаясь проанализировать их и понять механизмы их возникновения.

– Это была демонстрация нелинейного уровня восприятия – третьей импульсной системы. Но это лишь примитивное, поверхностное касание. Если человек, владеющий этим методом, попытается воздействовать на вас более основательно, он зайдет гораздо глубже.

– Что значит – глубже?

– Гораздо глубже. В такие пространства, о которых специалисты по НЛП даже представления не имеют. Именно в этих пространствах человеческого существа лежат механизмы, управляющие волей и намерением человека. Воздействуя на человека посредством этих невидимых рычагов, можно без особого труда воздействовать и на эгрегор, возглавляемый этим человеком, а следовательно, незаметно влиять и на всю организацию. И соответственно, наоборот, воздействуя на вибрационном уровне на тот или иной эгрегор, можно манипулировать любым его элементом, то есть человеком, составляющим с этим эгрегором энергоинформационный симбиоз.

– Как это возможно практически? – озадаченно спросил Воронцов.

– Поверьте, возможно. Более того, в самое ближайшее время исследования в этом направлении станут приоритетными в сфере бизнеса и личной жизни. Представляете, что значит для бизнесмена научиться чувствовать намерения своего собеседника? Это значит чувствовать ложь еще в самый момент ее зарождения, чувствовать агрессию и нейтрализовать ее еще до того, как она будет выплеснута на вас, влиять на принятие решения своего оппонента... Спектр третьей импульсной системы безграничен. Но у нее есть и обратная, темная сторона. И эта сторона обладает поистине гигантским разрушительным потенциалом, в случае если ею пренебречь или не уравновесить ее с созидательным аспектом.

– Как давно ты этим занимаешься? – Воронцов избегал смотреть на консультанта, чувствуя, что ему необходимо сделать перерыв в разговоре: во всем теле ощущался невероятный всплеск бодрости, словно Ковров разбудил потаенные, скрытые в глубине психики источники силы и

энергии. Но именно к этому состоянию и необходимо было привыкнуть, в одиночестве проанализировав события последнего получаса.

Ковров почувствовал состояние своего шефа и деликатно поинтересовался:

– Может быть, продолжим этот разговор позже?

Воронцов кивнул, и Ковров удалился, неслышно ступая по ковровому покрытию, устилающему пол кабинета. Гендиректор «СИУСа» задумчиво посмотрел ему вслед и произнес еле слышно:

– Вот оно что, господин Авилов. Теперь понятно... Информационная безопасность...

***

Горный Алтай

Но незнакомец появился опять. Лесник видел его в бинокль, но, помимо плащ-палатки неприятного болотистого цвета, не смог ничего разглядеть. Незнакомый сидел на камне, омываемом прибрежной речной водой, и, не отрываясь, смотрел на пробегающие мимо волны.

Сомову почему-то сразу пришел на память прочитанный где-то и по случайности запомнившийся коан – высказывание мудрецов Дзен:

«Сидя на берегу реки, наблюдая, как течет вода, ты рано или поздно увидишь, как мимо тебя пронесут труп твоего врага».

Ему почему-то пришла аналогия именно с трупом врага, хотя зачарованный течением чужак мог думать о чем угодно.

Лесник еще рассматривал его в мощную оптику в надежде увидеть лицо, но тут то ли подул ветер, уносящий в направлении чужака его запах, то ли он просто учуял его каким-то невероятным, сверхзвериным чутьем, но спина незнакомца напряглась, и он, медленно встав, небрежно прыгнул на берег, легко преодолев трехметровое расстояние до песка. Затем он постоял еще несколько мгновений, будто прислушиваясь к пространству и подтверждая свои опасения, и опять стремительно исчез в прибрежных кустах. На этот раз лесника Сомова объял какой-то необъяснимый, мистический страх, который, несмотря на предостерегающие вопли разума о немедленном бегстве, приковал его к месту выплывшими из подсознания ледяными гвоздями ужаса.

Ночью у Сомова поднялась температура, и его сильно тошнило. Он даже поставил эмалированный тазик к кровати, с которой почему-то никак не решался встать, даже несмотря на ободряющую близость карабина, который он тоже захватил с собой в постель. Люди, долго живущие в Горном Алтае, знают, как ничтожна иногда бывает мощь человеческого оружия перед лицом Незнаемого, безраздельно царящего в этих краях.

***

Новосибирск

Максим неподвижно сидел на изящной скамье, красиво врезанной в каменную окантовку искусственного пруда, заросшего декоративной ряской. Пруд был центральным украшением огромного зимнего сада, занимавшего почти целый этаж в девятиэтажной империи «СИУСа». Под неподвижным слоем аквариумной зелени

угадывались смутные силуэты больших рыб, барражирующих вдоль самого дна, на глубине трех метров. Максиму нравилось бывать здесь. Во-первых, в саду было сказочно красиво: обилие зелени вызывало ассоциации с фрагментом каких-то экзотических джунглей, словно вырезанным в загадочных странах и перенесенным неведомой рукой в самый центр сибирской столицы. Из причудливых кустов, увенчанных невероятно красивыми цветами, раздавались скрипящие выкрики волнистых попугаев и переливчатые трели маленьких разноцветных птичек, снующих с ветки на ветку и пестревших в темных зарослях подобно передвигающимся фонарикам гирлянд. От пруда веяло прохладой и ощущением невидимой потаенной жизни, проистекающей в фиолетовой глубине.

Во-вторых, здесь практически не бывало людей: праздный отдых в «СИУСе» негласно считался дурным тоном и сотрудники заходили сюда лишь во время обеденного перерыва, и то ненадолго. Поэтому Максим был единственным посетителем оранжереи, что позволяло ему спокойно предаваться медитации, зыбкому субстрату умственной тишины и телесного покоя. В эти минуты он улетал далеко-далеко, лишь каким-то периферическим зрением отслеживая границы своей уединенности. Плеск мини-водопада и мерцающие блики на поверхности воды уносили его дух за многие километры, позволяя насладиться ощущением полета и свободы. Стена, отгораживающая дендрарий от коридора, была стеклянной, но случайные посетители, любующиеся садом, не могли видеть Коврова, настолько неподвижной была его фигура в зеленой стене кустарника, лиан и мха, окружающей со всех сторон пруд. Человек у воды казался неотъемлемым элементом флородизайна, его структурной частью, статуей, вросшей в каменный берег озера. Да его и не было здесь на самом деле, осталось только тело, впитывающее в себя экзотические ароматы редких цветов. Светлый дух его скользил на крыльях ветра по заснеженным отрогам гор, струился по диким лугам с кристальными озерами и ручьями, тек по верхушкам остроконечных сосен и кедров, проникая сквозь полог листвы

и падая на зеленые холмы, переливающиеся упругими волнами высокой травы. Хоть ненадолго, но Максим возвращался туда, куда неотвратимо притягивали некую часть его существа непреодолимая ностальгия священной страны, могущественный зов предков и природных духов, древняя, завораживающая сила Алтая.

Огромный карп выныривает на поверхность воды и тут же уходит обратно в глубину, оставив за собой легкий всплеск и расширяющуюся череду концентрических кругов, колышающих зеленые кляксы ряски. Это сигнал. Максим улыбается и возвращается назад. Он знает, что мир никогда не будет подавать необоснованные знаки. И если его полет был прерван, значит, ему пора возвращаться в деловую атмосферу офисной части, где кто-то наверняка искал его. Это мог быть кто угодно: PR-менеджер, начальник информационно-аналитического отдела, руководитель отдела продаж, генеральный директор. Максим не хотел сейчас думать об этом. Он просто ловил последние мгновения недолговременного отдыха, напоследок насыщая себя вибрациями этого чудесного уголка, зная цену каждой секунде и наслаждаясь красотой окружающего его в данный момент ландшафта. Айрук говорил: «То место, где ты находишься сейчас, и те люди, с которыми ты сейчас общаешься, являются отражением твоего внутреннего мира». Максим всегда помнил об этом и старался приходить сюда как можно чаще, размышляя о той силе, которая притягивала к себе эту яркую природу в самом центре промышленного мегаполиса. Сейчас же нужно было вернуться в офис и выяснить, какая сила выдернула его из этой наполненной

грезами и видениями дремы. Максим провел рукой по илистой глади пруда и, стряхнув воду с ладони и улыбнувшись, посмотрел на входные двери оранжереи. Через мгновение скамейка была пуста.

Воронцов сидел за большим дубовым столом в своем кабинете, когда появился начальник службы безопасности «СИУСа» Виталий Филатов.

– Евгений Алексеевич, материалы по Коврову.

Воронцов оторвал взгляд от лежащей перед ним аналитической записки, пестреющей графиками и диаграммами, и посмотрел на вошедшего. Филатов был, пожалуй, единственным человеком в «СИУСе», имеющим самый высокий уровень доверия руководства. Обусловлено это было, во-первых, личным и давним знакомством с Воронцовым, во-вторых, одной очень волнующей память историей, когда майор ФСБ Филатов не только спас Воронцову жизнь, но и сохранил его «лицо» в деловой среде, уничто-

жив ряд компрометирующих его документов и «отмазав» его от давления со стороны крупной криминальной группировки. Это обстоятельство позволило Жене «Ворону» впоследствии не только остаться на плаву в беспокойном океане финансовых взаимоотношений, но и создать корпорацию, выросшую за несколько лет в крупнейшее предприятие города Новосибирска. Филатов получил предложение возглавить службу безопасности будущего промышленного спрута и, не задумываясь, покинул Контору, замыкая на себе не только полезные связи в силовых структурах, но и информационные потоки, и наработанные за время службы знакомства в коммерческой среде. На базе ТПК им была организована мощнейшая охранная структура, сочетающая в себе два ЧОПа, информационно-аналитический отдел, группу частных детективов, сектор технического оснащения. Естественно, Куратором «СИУСа» выступала некая федеральная служба, с которой Филатов был связан со времени своей прошлой трудовой деятельности, что позволяло ТПК чувствовать себя уверенно во время любого финансового или политического шторма. Поэтому начальник СБ был, скорее, близким другом гендиректора, нежели наемным сотрудником, что определяло свободную манеру общения между двумя известными в Новосибирске, каждый в своей области, людьми.

– Ну и что там интересного?

Воронцов взял в руки протянутую ему кожаную папку и кивнул Филатову на кресло, давая понять, что материалы потребуют комментариев и будут обсуждаться.

***

Горный Алтай

Когда Сомов обнаружил в ельнике окровавленный труп оленя, первой мыслью почему-то была мысль о незнакомце. Лесник не мог объяснить, почему этот образ неотступно преследовал его последние несколько дней. Возможно, потому, что в поведении этого странного человека прослеживались откровенно пугающие качества: его невероятная быстрота, сверхъестественное чутье и нечеловеческая сила и ловкость. Сомов чувствовал, что этот невидимка появился в его местах неслучайно, но именно это и создавало атмосферу нервозности и постоянного напряжения: мотивы незнакомца оставались для лесника загадкой, а все неизвестное порождает опасение или даже страх. Неприятно было ощущать, что, возможно, имен-

но сейчас незнакомец прячется где-то неподалеку и даже у матерого охотника нет

возможности отследить его незримое присутствие.

Сомов наклонился к оленю и внимательно изучил нанесенные ему раны. Странно, лишь одна из них была нанесена ножом, остальные были рваными и напоминали больше следы от лап и острых зубов. Некоторые внутренности были извлечены, но поблизости их не было видно. Создавалось впечатление, что животное убили не столько в качестве пищи, сколько для какого-то зловещего ритуала. Что же это: все-таки загнанное хищным зверем животное, убитое впоследствии подоспевшим к месту нападения человеком? Или, наоборот, животное, убитое человеком и отданное на растерзание какому-то зверю: волку или собаке? Следов сопротивления вокруг не было видно, а это могло означать только одно – атакующий, будь это зверь или человек, напал на животное неожиданно, подкравшись незаметно и стремительно набросившись на свою жертву. Лесник озадаченно провел рукой по щеке, представляя себе это невероятное зрелище. А в голове назойливо вспыхивали и гасли образы четырехдневной давности: напряженная спина незнакомца, его небрежный прыжок, преодолевающий трехметровое расстояние до берега, стремительное исчезновение в кустах, так напугавшее Сомова, который знал по опыту: *человек так передвигаться не может!*

Внезапно подул легкий ветерок, и деревья в лесу зашумели, шурша зеленой листвой. Лесник вздрогнул и затравленно осмотрелся по сторонам. Это уже превращалось в навязчивую идею, ему постоянно казалось, что страшный незнакомец находится где-то неподалеку и внимательно следит за каждым его движением. Блуждающий взгляд лесника бегло осмотрел ближайшие заросли кустов и непроизвольно остановился на распластанном, окровавленном теле оленя.

***

Барнаул

Оскал. Хищный оскал, парализующий волю и надрывающий нервы. Кривые крепкие зубы, на острие которых торопливо зашептала ритуальную скороговорку алчная смерть. Мутная слюна, тягучей каплей скользящая по уголкам оскаленной пасти и падающая на землю. Дрожание воздуха, вскипевшего около оборотня клопочущей массой ярости и злобы.

Оборотня!?

Еще недавно это существо было человеком или, вернее, казалось им. Человеком, который нашел тропу в его сновидение.

Конечно, сновидение. Это все лишь сон, бессистемная деятельность подсознания, высвобождающего скрытую в себе и непереработанную информацию.

Бросок!!!... Зубы...

Синаев судорожно выгнулся и проснулся, глубоко и часто вдыхая спертым воздухом комнаты:

«Господи. Все тот же сон. Безумие...»

Этот сон повторялся с пугающим постоянством последние пять дней: сначала в том или ином контексте сновидения появлялся неизменный персонаж – странный человек в грязно-сером балахоне. Затем перспектива сновидения менялась, текла, словно превращаясь в зыбкий утренний туман, разгоняемый во все стороны дуновением ветерка, и оставался только этот устрашающий силуэт. Обычно существо в балахоне сразу понимало, что его обман раскрыт и ему больше нет смысла прятаться, и тогда

оно скидывало с себя ненужную уже для этого маскарада одежду и показывало свой истинный лик: чудовищную смесь человека, рептилии и волка. Жуткий конгломерат, созданный неведомым демиургом только для одной цели – убивать.

Санаев облизал пересохшие губы и, машинально помассировав затекшую руку, посмотрел сначала на мирно спящую Анну, а затем в окно. За пыльным стеклом раскинулась во все стороны тихая, безлунная ночь.

Этот оборотень пришел первый раз именно в такую ночь несколько недель назад, когда серп луны был на ущербе и безграничная небесная чернота готова была поглотить его подобно океанской волне, присваивающей себе перевернутую лодку.

«Странно. Обычное время оборотней – полнолуние, а этот приходит в полной темноте. Почему и, самое главное, зачем он вообще приходит?»

Санаев осторожно, чтобы не разбудить жену, откинулся на мокрую от пота постель и попытался расслабить напряженные до предела мышцы живота:

«Что же ты за тварь-то такая?»

Судя по силе воздействия и качеству восприятия, существо во сне не было заурядным ночным кошмаром, который обычно является источником какой-то негативной информации, высвобождаемой из подсознания во время пребывания человека во сне.

Это было мощное постороннее воздействие, причем воздействие, завуалированное и направленное на уничтожение воспринимающего субъекта. Последствием подобной атаки могла быть смерть уснувшего человека или, что еще хуже, его полное или частичное подчинение воле атакующего: когда человек просыпается, но управляет его действиями совсем чужая воля. Человек двигается, дышит, кушает, ходит на работу или общается с друзьями, но в подкорке у него притаился коварный пришелец, направляющий его действия в нужном для себя русле. Санаев читал об этом и даже слышал про подобные случаи, но никогда не думал, что такое действительно возможно.

Адучи говорил, что возможно...

Санаев почувствовал, как волна холодного ужаса пробежала по сжавшемуся в комок телу.

Адучи... Иногда он рассказывал страшные вещи. Темное наследие тайшинов. Не о нем ли предупреждал он его тогда, год назад, когда Санаев создал общину дуэнеров «Темный Ветер»?

Странные духи с темной половины осознания. Неведомые существа из самых мрачных уголков нашей души.

«Интересно, из какой трещины души выполз этот монстр?»

Он уже почти задремал снова, когда почувствовал на своей груди ласковое прикосновение женской руки – проснулась Анна. Жена всегда прижималась к нему, просыпаясь посреди ночи, словно спасаясь от детских страхов, обретающих зыбкую плоть в темных углах комнаты и пугающих разум на границе яви и сна. Санаев улыбнулся и накрыл ее руку своей, чувствуя, как дрожат от недавних переживаний его пальцы. Но стоило ему прикоснуться к нежной коже жены, дрожь тут же растворилась в ее обволакивающей теплоте. Сразу стало спокойно и хорошо.

Он наклонился к ее лицу и поцеловал, сначала в щеку, а затем в губы, раскрывшиеся ему навстречу подобно цветочному бутону, подставляющему лепестки солнцу. Она потянулась и прижалась к нему всем телом. Но это прикосновение не было похоже на бегство от темноты, заполнившей комнату. Санаев вдруг понял, что очень хочет эту

женщину, именно сейчас, хочет, как никогда. Он несильно сжал ее в своих объятиях, чувствуя, как необходима ему не столько сексуальная разрядка, сколько живое тепло женского тела, которое поможет ему сбросить с себя наваждения, оставленные тревожными снами.

Рука Анны скользнула по его груди вниз, по направлению к животу, и Всеволод выгнулся, чтобы максимально усилить это движение.словно сквозь пелену тумана он ощутил, как жена освобождает его от трусов, касаясь пальцами самой чувствительной области на теле. Тьма в комнате загустела от волны томительного желания, всколыхнувшей пространство, и сомкнулась над ними непроницаемым защитным пологом, словно губка, впитывая в себя нежность, страсть и легкое безумие двух молодых и влюбленных друг в друга супругов.

***

Новосибирск

– Здесь написано, что он два года работал с новосибирским Центром Экономической и Информационной Безопасности. Ты проверял? – Воронцов вопросительно посмотрел на Филатова, который сидел напротив него и ждал, пока шеф ознакомится с принесенными им материалами.

– Конечно. Речь идет о радиоэлектронном контршпионаже: поиск, локализация утечки и защита информации. Ковров, будучи специалистом по информационным технологиям, является их региональным представителем в Барнауле. Все чисто. Нормальный бизнес.

– Понятно, – Воронцов задумчиво пробежался взглядом по следующему листу резюме. – А что это за «Темный Ветер»?

Филатов хмыкнул и, чуть наклонившись вперед, помотал в воздухе указательным пальцем:

– Вот тут интересно. В прошлом году в Барнауле был создан некий закрытый клуб – «Темный Ветер», объединяющий в своих стенах людей, занимающихся самосовершенствованием и развитием скрытых возможностей психики. Причем социальный статус членов общества разносторонен: там есть и ученые, и видные бизнесмены, и врачи...

– Это что же, секта какая-то? – Воронцов удивленно вскинул брови, слушая своего зама по безопасности.

– Да нет, почему секта? – Филатов пожал плечами, – насколько мне удалось собрать сведений об этом Клубе, там все без излишеств. Занимаются психотренингами, реализуют экологические программы, инновационные проекты. В основе их мировоззрения лежит так называемая Концепция Миротворчества, которая гласит, что, изменяя себя, ее адепты могут изменять мир вокруг. Себя они называют «дуэnergами» – людьми, развивающими в себе две энергии, из которых состоит все сущее вокруг.

– Это типа «Инь-Янь»? – директор «СИУСа» изобразил руками нечто, видимо, долженствующее обозначать двух черно-белых «рыбок», сплетенных в один эзотерический Круг.

– Типа, – улыбнулся Филатов, – только у них это называется по-другому.

– Подожди, Виталий, – Воронцов кивнул ему на резюме, лежащее на столе, – а причем здесь Ковров?

Филатов бросил взгляд на принесенную им папку с документами и, сделав загадочное выражение лица, тихо пробормотал:

– Вроде бы ни при чем. Официально он там нигде не засвечен. Более того, фамилию Коврова не знает ни один из членов «Темного Ветра». Но есть сведения, что именно его считают создателем и основным идеологом этого Клуба.

Воронцов задумчиво погладил рукой гладко выбритый подбородок и озадаченно посмотрел на начальника службы безопасности.

***

Барнаул

– Ты кричал ночью, и я подумала, что тебе приснился страшный сон, – Анна раздвинула шторы на окнах, и в комнату хлынул яркий утренний свет. Всеволод зажмурился и, улыбнувшись, поманил ее к себе. Они провели поистине безумную ночь, заснув лишь под утро, но ни он, ни она не ощущали сонливости или усталости: секс тонизировал их обоих, что, вероятно, свидетельствовало о физиологической совместимости и гармоничном сочетании темпераментов.

Жена присела на кровать и запустила свои изящные красивые руки ему в волосы.

– Это был сон, да?

Всеволод молча кивнул, вспоминая оскаленную пасть ночного гостя.

– Расскажи мне его.

Когда они познакомились на международном конгрессе по энергоинформационным технологиям, сфера их общих интересов оказалась некоей связующей силой, которой невозможно было пренебречь. Санаев уже возглавлял «Темный Ветер», а Анна Арамова была психоаналитиком и практикующим экстрасенсом в «Центре духовного роста». Им просто невозможно было не встретиться и не влюбиться друг в друга с первого взгляда: высокий, уверенный в себе Санаев и белокурая красавица с глазами

эльфийской принцессы, которая сразу сказала ему, что чувствует спрятанное в его груди солнце. С момента их первой встречи Анна стала его персональным психоаналитиком, консультантом, толкователем снов и сексуальным идолом, затмившим все существующие представления о женской красоте. Уже через несколько недель она стала одним из самых инициативных членов «Темного Ветра», а через несколько месяцев вошла в руководящий состав Клуба. На самом деле влияние Арамовой на движение дуэнеров сложно было переоценить: она курировала самые ответственные направления Клуба, справляясь со своими обязанностями, как никто иной. Можно было сказать, что с ее приходом «Ветер» обрел дополнительные силы и новые горизонты развития. И, конечно же, это обстоятельство только усиливало обожание ее со стороны оглушенного счастьем мужа.

– Сева, расскажи мне этот сон, и тебе сразу станет легче.

Санаев блаженно закрыл глаза, наслаждаясь се умиротворяющей аурой. Меньше всего ему сейчас хотелось ворошить события прошлого сновидения и вспоминать этого отвратительного злобного оборотня.

– Кто-то пытается воздействовать на меня. Через сны. Анна удивленно изогнула брови.

– Воздействовать? Санаев покивал головой.

– Кто-то присылает ко мне психофантома.

– Психофантома? – Для практикующего экстрасенса подобная терминология была не нова, тем более что именно Анна являлась инициатором использования в клубной среде современных терминов, часто употребляемых в тематической литературе. Психофантомом дуэрги называли специально сформированный видеообраз, который один человек мог проецировать в эмоциональную сферу другого человека. Конечно, при условии, что проецирующий человек обладал значительными экстрасенсорными способностями и необходимыми знаниями в области суггестии. Таких людей в крае было немного, и практически все они были известны дуэргам. Санаев активно включал подобных сенсов в разработку совместных экспериментальных программ. И насколько ему было известно, самый мощный психофантом, которого только удалось создать и спроецировать на другого человека в результате этих напряженных экспериментов, был непродолжительный видеообраз природного ландшафта, который передавали другому человеку на расстоянии на протяжении нескольких минут. Ни один человек, умеющий создавать «долгоживущие» управляемые пси-

хофантомы да и к тому же проецируемые на сновидение, ни разу не попадал в сферу внимания дуэргов, и именно это было самым тревожным фактом.

– Психофантома? – еще раз переспросила Анна, словно пробуя на вкус завораживающее слово.

– Да, причем очень искусно смоделированного. Никто из известных мне людей на подобное не способен.

– Отследить образ удалось? Когда он появился, в каком окружении, в каком облике?

Санаев отрицательно покачал головой.

– Он был слишком агрессивен. Слишком. Он просто не оставил мне времени, чтобы хоть что-нибудь предпринять. Одно я запомнил совершенно точно: из человека он превратился в нечто ужасное, какого-то монстра, похожего на волка и человека одновременно.

– М-да, – жена напряженно смотрела на него, словно пытаясь проникнуть внутрь его воспоминаний и самолично увидеть этого, наведенного чужой волей, призрака.

– Кто-то хочет нас прощупать?

С тех пор как «Темный Ветер» начал эксперименты по виртуальному моделированию, они уже привыкли к этому: не проходило и недели, чтобы какой-нибудь спонтанный экстрасенс не попробовал свои способности на дуэргах. Но теперь эти чужеродные вмешательства удавалось отслеживать именно благодаря методу виртуального моделирования, привнесенного в практики Клуба Анной Арамовой. Она научилась этой методике в Китае, где стажировалась по направлению от своего Центра. Санаев внес в систему кое-какие коррективы, дал ей новое название, и она была принята для экспериментальной разработки в рамках перспективных исследований «Ветра». Санаев, вообще, очень быстро освоил практические навыки прикладной виртуалистики, опираясь, вероятно, на свой богатый опыт в сфере эзотерических изысканий. Слышать из его уст информацию об управляемом психофантоме Анне было не только непривычно, но и немного страшновато.

– Да нет, Анечка, не прощупать. Это был особенный «гость», этакий психотерминатор. Он хотел уничтожить меня. Причем именно не убить, а уничтожить. Я только сейчас понял эту большую разницу в определениях.

– В чем ты видишь разницу?

Санаев облизал вдруг пересохшие губы и, посмотрев в глубокие и мерцающие глаза жены,

веско произнес:

– Убить – это убить. Спровоцировать инфаркт миокарда, асфиксию, спазм да все, что угодно. Убить – это значит сделать так, чтобы объект атаки просто перестал жить, биологически. Бить, бить и убить его в хлам, понимаешь?

Анна пожалала плечами. Она чувствовала, о чем хочет сказать ей дуэнерг, но специально промолчала, чтобы Санаев мог выговориться, вербализировать свои полуночные ощущения.

– А уничтожить, это значит у-ничи-жить. Сделать совсем маленьким «то, что живет», превратить его в «ничто», нейтрализовать сознание. То есть попросту забраться в биологический носитель и притаиться там, превратив нервную систему жертвы в этакого «троянского коня».

Анна встала и опять подошла к окну, вспыхнув в лучах молодого солнца бело-желтым сиянием, заструившимся по просвечивающемуся сквозь тонкую ткань шелковой комбинации телу.

– Ты полагаешь, такое возможно? Санаев неопределенно кивнул головой.

– Не думаешь же ты, что я сошел с ума или, чего доброго, тебя мистифицирую?

– Нет, не думаю.

– Адучи мне рассказывал про нечто подобное, но я не могу вспомнить, что именно.

Анна стремительно обернулась и пристально посмотрела на мужа. Непривычное имя прозвучало как гром среди ясного неба.

– Адучи? Кто это? Тот самый тайшин? Ты все обещаешь рассказать мне о нем, но все время уходишь от этой темы.

Санаев улыбнулся.

– Я не рассказываю тебе про Адучи не потому, что не хочу, а просто потому, что не знаю, что рассказывать. Можно сказать, что именно он создал «Темный Ветер», но это будет не совсем правильно, потому что изначально он был против его создания.

– Но почему ты не хочешь рассказать мне о нем? Это что, запретная тема?

Санаев задумчиво нахмурился и, пожав плечами, повторил:

– Да потому, что я не знаю, что тебе рассказывать. Он постоянно ускользает от меня. Видишь ли, это человек, который ходит между двумя

мирами, двумя эпохами. Иногда мне даже кажется, что он становится подобным призраку, растворяясь в окружающей нас реальности, ускользая, тая, словно метущийся морок, и снова возникая в человеческом обличий, неистово хватаясь за жизнь во всех ее проявлениях. Очень сложное состояние. Наверное, все адепты ИГУ-ТАЙ рано или поздно проходят через это, через мучительную ломку стен осознания, через выращивание двух крыльев и превращение в Дракона, «видящего».

Анна опять вернулась к кровати и села рядом с дуэнергом.

– А почему ты его так странно называешь? Он что, алтаец? Или это его прозвище?

– Его зовут Максим Ковров, но они называли его Адучи.

– Сева, ты знаешь, что-то мне подсказывает, что это имя выплыло в нашей беседе неслучайно. Давай попробуем поискать связующие нити?

Санаев откинул в сторону легкое одеяло и сел рядом с женой, положив голову на руки, упертые в колени.

– Я тоже подумал об этом. Мне кажется, что визит психофантома как-то связан с той концепцией, которую мы практикуем.

– Ты говоришь про Мироформизм?

– Нет, его предтечу – ИТУ-ТАЙ.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю, но мне кажется, что психофантом пришел из прошлого, того же прошлого, из которого пришел Адучи.

– Сева, – Анна задумчиво терла пальцами виски, напряженно думая о чем-то, – вот ты говоришь, а я думаю... а он может обладать такими способностями?

– Кто? – не сразу понял Санаев, поднимая голову и искоса посмотрев на жену.

– Адучи, – тихо сказала она, покусывая губу и сжимая пальцы обеих рук в замок.

– Ты что? – Координатор «Ветра» криво усмехнулся, – ты что же это, хочешь сказать, что это Макс?

Анна пожала плечами.

– Я ничего не хочу сказать, просто предлагаю для обсуждения все возможные варианты.

– Ты ничего не знаешь о нем.

– Вот именно, – она встала и прошла по комнате, – я ничего не знаю ни о нем, ни о ваших с ним отношениях, ни о его возможностях и способ-

ностях. Но ты же сам только сказал: психофантом, который напал на тебя сегодня ночью, имеет что-то общее с тем прошлым, откуда пришел Адучи. Ни один из известных тебе людей не способен на создание подобных психофизических образов, а этот Адучи, ты ведь сам это только что сказал, до сих пор остается для тебя загадкой. Что ты сам знаешь о нем? Он связан с культом, философия которого замешана на магии и боевых искусствах. Он не хотел, чтобы ты создавал «Темный Ветер», он сторонится дуэнбергов. И вот теперь это странное нападение на тебя. Ты не видишь связи?

Всеволод обхватил руками колени и теперь раскачивался, сидя на кровати, как неваляшка, напряженно размышляя об услышанном. Он доверял своей жене и понимал, что она говорит это не со зла, у нее просто не было мотивов испытывать по отношению к Коврову какой-либо неприязни. Она сопоставляла факты, не более. Факты... Он и сам давно задумывался об отношении Коврова к «Ветру». Прорвавшийся в сновидение оборотень действительно давал пищу для размышлений.

Анна молча вышла из спальни, позволяя мужу обдумать и взвесить ее предположения в одиночестве. Через несколько минут на кухне зашумел чайник и загудела вытяжка над электроплитой: первые сигналы приготовления завтрака. Санаев наклонился к тумбочке спального гарнитура и, выдвинув ящик, извлек из него блокнот и шариковую ручку. Он был визуалом и упорядочить разрозненные мысли мог только так: нарисовав на бумаге схему, где все элементы этой головоломки можно было зафиксировать, отследить векторы их взаимодействия, прочертить линии возможных пересечений.

«Итак. Где-то поблизости появился человек, обладающий незаурядными энергетическими

возможностями. Назовем его – Суггестор».

Санаев вывел это название на бумаге.

«Он испытывает к лидеру общества «Темный Ветер» явное чувство неприязни. Ничего себе – неприязни».

Санаев с содроганием вспомнил отвратительную морду монстра, оскалившего свою злобную пасть.

«Хорошо, даже не неприязни, а ненависти. Эту ненависть он изливает в виде управляемого психотрансформера, которого условно можно назвать Обратнем».

На схеме появилось еще одно название, соединенное стрелкой с предыдущим.

«Дуэнерги используют символ волка, перенятый у тайшинов. Один из переводов слова «тайшин» означает «воин-волк», или «воин-оборотень». Тайшины...»

Санаев подумал минуту, а потом вывел на листе третье имя – Адучи и поставил рядом с ним огромный знак вопроса.

«Будучи тайшином и обучаясь у них, Максим вполне мог научиться чему-нибудь подобному. Во всяком случае, Искусству Сновидения он обучался точно. Хорошо. Пойдем дальше. Адучи не хотел, чтобы я создавал «Ветер». Тоже довольно веский мотив. Может, он все-таки посчитал, что Клуб не имеет права на существование, и решил уничтожить свое нежелаемое детище? Или ему приказали это сделать. Ведь что бы там Максим ни говорил, сейчас могли остаться и другие тайшины, которые посчитали, например, существование «Ветра» невозможным. Как бы то ни было, он один из них, и мне действительно ничего неизвестно ни об их целях, ни об их намерениях, ни об их средствах реализации своих целей и намерений. И наконец самое главное».

Это была мысль, которую Всеволод старался отогнать от себя, но сейчас решил вписать ее в свою схему. Последний раз он видел Коврова за несколько дней до первого появления Обратня. С тех пор Адучи никак не давал о себе знать.

Анна ждала его на кухне, раскладывая по тарелкам дымящуюся яичницу. Всеволод сел за стол и задумчиво постучал себя по губам вилкой.

– Никак не лезет в голову, – пробормотал он и посмотрел на жену. – Этого просто не может быть. Тайшины – не убийцы. Клан Волка создавался для охраны Алтая.

Анна сочувственно кивнула и, разлив по чашечкам обжигаящий кофе, тоже села за стол.

– А кто спорит, но вполне может быть, что создание тобой «Темного Ветра», с их точки зрения, может представлять для Алтая вполне конкретную угрозу.

Эта фраза была подтверждением его недавних мыслей, и Санаев вдруг почувствовал страх. Он грустно усмехнулся и обреченно проговорил:

– Анна, а ведь если хозяин этого фантома Ковров, тогда все теряет смысл. Все наши усилия, все наши идеалы, все...

Арамова отпила кофе из фарфоровой чашки, напоминающей изящный лепесток розы, объемно изогнувшийся от налитого в него кипятка.

– Нужно поговорить с ним. Выяснить все.

– Невозможно, – Санаев бросил вилку на стол, даже не притронувшись к еде. – Он исчез, и я не знаю, где он может сейчас быть.

– То есть как это, исчез? – жена удивленно посмотрела на него.– Давно? Всеволод шумно вздохнул и произнес слегка охрипшим голосом:

– Недавно. Он пропал за несколько дней до первого визита Оборотня.

– Первого? А что, визит был не один?

– Да. Оборотень приходил ко мне несколько раз. Первый раз это случилось несколько недель назад. Но тогда он не был таким агрессивным. Он просто прятался в сновидении и как будто следил за мной. Последние два раза его намерения были предельно конкретны – он нападал на меня, все время усиливая свои атаки. И я с ужасом думаю, что будет, когда он придет в мой сон в следующий раз.

Они оба замолчали, обдумывая ситуацию. Первой паузу нарушила Анна.

– И что, нельзя найти его? Давай сегодня соберем ребят в Клубе, попробуем поискать его дистанционно.

– Ребят? – Санаев полузакрыв глаза. – Ты знаешь, а ведь он неслучайно избегал любых встреч с дуэnergами. Он словно опасался кого-то из нас. Однажды он проговорился про какого-то «мерцающего шамана», который охотится за ним. Я спросил его тогда, кого он имеет в виду, но он перевел беседу в другое русло. Сказал что-то про умение обманывать глаза. Я тогда подумал, что он опасается даже не столько кого-то из нас, а самого своего детища – «Темного Ветра».

– Так «Ветер» все-таки его детище?

– В самом широком смысле этого слова.

– Как это?

– Он дал мне свои дневники и материалы по Мироформизму. Зачем дал, непонятно, но он сказал тогда, что на сохранение. Он должен был уйти вместе с тайшинами в их монастырь, далеко в горы. Но что-то произошло, и он вернулся. Попросил назад бумаги.

–А ты?

– Ну, я отдал, естественно, но... Понимаешь, я ему тогда столько глупостей наговорил. И о том, что он не имеет права скрывать эти знания от ищущих, и о том, что он трус, и о том, что я не могу позволить, чтобы наследие тайшинов кануло в историю, и о том, что я беру на себя ответственность за дальнейшее развитие ИТУ-ТАЙ.

Анна грустно усмехнулась.

– Короче говоря, понесло?

Санаев энергично кивнул головой, чувствуя, как внутри закручиваются в тугий узел растерянность и отчаяние.

– Ты что, я – Санаев Всеволод Геннадьевич, великий экстрасенс всех времен и народов, десять лет занимавшийся энергетикой и эзотерикой! Ничего, правда, особенного за эти десять лет не добившийся, но я знал –Избраннику необходимо время, чтобы вызреть. И я вызрел – получил доступ к Информации! И какой Информации! Представляешь, я изъездил вдоль и поперек Индию, Мексику, побывал на Тибете и даже в Японии! А тут – на тебе, оказывается, Сила, которую я все эти годы искал, просто бьет ключом в городе моего детства – в Барнауле! Я уцепился за это обеими руками. Я чувствовал себя очередным Проводником Древних Знаний, носителем фактически эксклюзивной информации!

– А он?

– Он посмотрел на меня как на придурка и сказал мне, что я придурок и есть.

Анна еле сдержала улыбку. Настроение у обоих было тревожным, но представить, что загадочный и нелюдимый Ковров обзывает Координатора «Ветра» придурком, было забавно.

– И правильно, между прочим, сказал. Я только сейчас это начинаю понимать.

– Сева, давай обойдемся без пароксизма самобичевания. Что лежало в основе этого утверждения?

Санаев криво усмехнулся и нервно посмотрел на своего зама.

– Что я – придурок?

– Именно, – на этот раз Анна сдержала улыбку, настраивая мужа на конструктивный разговор.

– Он сказал, что я слишком спешу, что он вообще жалеет, что дал мне материалы по ИТУ-ТАЙ, что мне еще многое предстоит понять, прежде чем вести за собой других.

– А ты не хотел тормознуться?

– Точно! Я сказал, что эта информация попала ко мне неслучайно, может быть, даже в обход мнения на этот счет самого Коврова. Тогда он просто спросил, что мне известно об ИТУ-ТАЙ, кроме упоминания его в концепции Мироформизма? И вот тут мне стало страшно. Я испугался, что он уйдет и никогда не придет снова и порвется единственная нить, соединяющая меня с этим Наследием. А он почувствовал этот мой страх и

сказал, что пока он будет жить во мне, ИТУ-ТАЙ останется для меня тайной за семью печатями.

– Что он имел в виду?

– Он имел в виду, что знание, передаваемое вербально, – мертвое знание и что пока я не смогу почувствовать ИТУ-ТАЙ, это равносильно тому, что для меня ИТУ-ТАЙ не существует. Понимаешь, ИТУ-ТАЙ невозможно понять, его можно только ощутить! И если бы это произошло, мне было бы абсолютно все равно, существует ли на самом деле последний тайшин Адучи, существует ли на самом деле само ИТУ-ТАЙ и будет ли существовать уже создаваемый тогда в моем воображении «Темный Ветер». Я это начал понимать только сейчас, а тогда у меня была одна цель – во что бы то ни стало поучаствовать в этом проекте, причем желательно не на последних ролях.

– Комплекс нереализованности?

– Да, маленький, но жутко амбициозный демон внутри, который постоянно ноет о незавидном положении, нереализованных возможностях и великом предназначении. Оказалось, что мы с этим демоном однофамильцы, и я, знаешь ли, иногда так вот запросто и называю его – Сева, демон Сева. Так вот, когда ко мне попали бумаги Коврова, его дневники, а сам Ковров попрощался со мной и я думал, что его уже больше не увижу, – демон Сева так раззявил свою необъятную пасть, что слопал сразу все. А когда снова появился Ковров и потребовал бумаги назад, я уже не смог исторгнуть из себя переваренное – демон Сева забаррикадировался где-то глубоко внутри и все гундел, что вот он – Шанс! Не упusti его! Случайно таких вариантов не бывает! И даже если Ковров не хотел, чтобы информации был дан ход, невидимая рука вручила мне эти знания, может быть, даже игнорируя требования Макса. Я увидел Силу в двух шагах от себя и твердо решил бросить ей вызов, вступить с ней в Битву и взять ее! Первый шаг был мной сделан – я организовал «Темный Ветер». Второй же шаг несколько затянулся, и я никак не могу

добраться до этой Силы.

Анна понимающе кивнула, разглядывая возбужденного Всеволода.

– Зачем же он тогда появлялся, беседовал с тобой, даже, согласно твоим рассказам, появлялся в районе Поселка и смотрел на дуэнеров издали?

– Не знаю. Может, пытался хоть как-то повлиять на ход событий, контролировать их. А может, наоборот, выслеживал своего «мерцающего шамана» и исчез, почувствовав его появление.

– Ты думаешь, этот шаман действительно появился? Среди нас?

– Возможно. Ответить на этот вопрос может только, вероятно, сам Ковров, но его нет, и, как его найти, я не знаю.

– Ну, хорошо, но почему тогда он нападает на тебя? Он что, думает, что этот «мерцающий шаман» – ты?

– Мы не можем говорить об этом наверняка. Причастность Коврова к моим ночным кошмарам не доказана. Это только одно из предположений.

Договорить Санаев не успел – зазвонил его мобильный телефон. Оба дуэнера вздрогнули, потому что в тишине квартиры пронзительная трель непривычно резко ударила по напряженным нервам.

– Алло? – у Санаева был странный, блуждающий взгляд, свидетельствующий об изрядном эмоциональном смятении. – Когда это произошло? Его нашли? Хорошо, я перезвоню через десять минут.

Координатор растерянно посмотрел на Анну.

– Что случилось?

– Звонил Николаев. Сегодня ночью в Поселке произошло ЧП.

– Что случилось? – повторила вопрос Анна, чувствуя, как что-то обрывается внутри, какая-то невидимая нить, державшая на себе до сих пор весь груз возникших внезапно проблем.

Санаев облизал пересохшие губы.

– Ночью. Во сне. Кто-то приходил к дуэнерам. Они почти все видели его во сне.

– Кого «его»?

– Какого-то человека. Он звал их за собой, в сновидение. Обещал что-то...

– И что?

– Двое поддались.

– Они ушли?

– Одного поймали на границе Поселка. Елену. Она впала в истерику, пришлось связывать ее и нести в дом.

– Кто второй?

– Станислав Антипов. Его найти не удалось.

– Что будем делать? – тихо спросила Анна после недолго молчания.

– Не знаю, сейчас нужно будет поехать в офис. Что-то начинается. Что-то очень страшное...

***

Горный Алтай

Сомов все-таки выследил незнакомца, несмотря на всю его дьявольскую ловкость и осторожность. Правда, поюзаться пришлось изрядно, но для лесника это было уже вопросом чести и профессиональной гордости. Он понял одну простую особенность их странных пересечений – незнакомца невозможно было увидеть вблизи, невозможно было встретить в лесу лицом к лицу, видимо, сказывались эти его невероятные полужвериные повадки. Но с помощью хорошей оптики оказалось достаточно легко обнаружить эту подозрительную личность.

Переборов в себе свой непонятный страх перед незнакомцем, Сомов решил все-таки прояснить для себя личность этого таинственного лесного скитальца. Обостренное чувство опасности заставило лесника очень тщательно подготовиться к этой странной охоте на человека. В качестве одежды он выбрал специальный камуфлированный комбинезон, который ему подарил во время одной из ведомственных охотничьих кампаний очередной генерал, возглавляющий какое-то силовое ведомство. В этом комбинезоне можно было не только сливаться с местностью, но и закрепляться на ветвях деревьев, превращаясь в своеобразный автономный кокон, в котором можно было находиться несколько дней, не демаскируя себя и ведя прицельный огонь по противнику. В качестве оружия Сомов выбрал свой охотничий карабин, снабдив его мощным оптическим прицелом. Он вообще питал слабость к высокоточному оружию, в свое время даже отслеживая новинки на оружейном рынке и изучая специализированные справочники. Упаковав в специальный камуфлированный рюкзак пищу, флягу с водой, бинокль, аптечку, дополнительный боекомплект и короткий охотничий нож, Сомов покинул свой дом, отправившись на поиски своих неожиданных страхов. Он не планировал покидать его надолго, поэтому не стал отягощать себя лишней ношей. Зона появления незнакомца была им примерно очерчена, и оставалось только занять удобную стратегическую позицию, чтобы обнаружить чужака и выяснить его личность. Сомов знал, где ему нужно будет ждать, чтобы незнакомец сам появился неподалеку от места предполагаемой засады. Это была местность, где чужак появлялся чаще всего: поселение из пяти деревянных домиков, заселенное чудаковатыми и жизнерадостными людьми со странным названием – «дуэнерги». Сомов неслышно двигался по лесу, держа па всякий случай карабин в руках и внимательно осматривая окрестности. Ощущение чужого присутствия

по-прежнему создавало внутри живота избыточное напряжение мышц пресса, которое подгоняло лесника к месту его странной охоты. Но Сомову казалось, что в его походе нет и намека на страх, только охотничий азарт и отчаянная решительность человека, бросившего вызов неизвестности.

***

Новосибирск

безопасности. – Средних лет широкоплечий мужчина с атлетической фигурой и открытым, располагающим к общению лицом улыбнулся Коврову и протянул ему руку. Независимый консультант тоже улыбнулся и ответил на рукопожатие.

Они сидели у Воронцова в кабинете, по-прежнему погруженному в полумрак, создаваемый светофильтрами на окнах. Генеральный директор закончил процедуру представления и теперь молчал, предоставляя инициативу разговора Филатову. Начальник СБ внимательно и с интересом разглядывал барнаульского эксперта.

– Максим Анатольевич, Евгений Алексеевич много рассказывал о вас, в частности, о вашем интригующем мировоззрении. Видите ли, я в некотором смысле тоже большой знаток ряда восточных религиозных течений, так что, вполне возможно, наше знакомство будет полезно и интересно нам обоим. В частности, он рассказывал про ваше увлечение эгрегориальными воздействиями и о вашей весьма эффектной демонстрации возможностей в области внушения. Я тоже уже давно занимаюсь чем-то подобным, и мне бы хотелось, чтобы вы поделились со мной своим исключительным опытом. Это возможно?

Ковров вопросительно посмотрел на директора. Воронцов энергично наклонился вперед и увлеченно проговорил:

– Макс, покажи ему что-нибудь... ну подобное. Ковров улыбнулся и робко пожал плечами:
– Евгений Алексеевич, я же не артист... Воронцов смущенно переглянулся с Филатовым.
– Да не, Макс, я же не в этом смысле. Мы не хотели тебя выставить клоуном. Просто понимаешь, то, что ты говорил, ну про эгрегоры, про внушение, про безопасность, для нас является актуальной темой. Ну, а Виталий Олегович как раз курирует подобные сферы наших интересов. К тому

же вы некоторым образом коллеги, и, если твои разработки по психоинформационной безопасности впишутся в стратегию деятельности «СИУСа», работать в этом направлении вам придется вдвоем.

– Максим, – Филатов, улыбаясь, тоже подался вперед своим мощным корпусом, – Евгений Алексеевич и я, мы оба считаем, что твоя деятельность будет крайне полезна для «СИУСа». Мало кто сейчас занимается подобными вещами. Раньше да и в общем-то сейчас чему-то подобному обучали и обучают в засекреченных спецшколах, но фактически вся информация преподается под подписку о неразглашении, и поэтому сейчас очень мало специалистов, которые могут позволить себе открыто применять свои познания в этой области в обычной жизни. Кроме того, насколько я знаю эту специфику, здесь необходимо самому обладать определенными способностями. Что касается тебя, то, как я понимаю, ты не связан какими-либо обязательствами со спецслужбами и в основе твоих возможностей лежат совершенно иные источники, нежели закрытые спецшколы? Но самое главное, на мой взгляд, что на фоне неких языческих практик ты прекрасно ориентируешься в психологии и современном бизнесе. А подобный синтез в наше время является крайне редким и невероятно эффективным сочетанием двух взаимодополняющих систем знаний. И в этой связи вполне закономерен наш интерес к твоей персоне. Я хочу, чтобы ты правильно понял наши намерения относительно демонстрации твоих возможностей. Если нам предстоит работать вместе, я думаю, тебе тоже будет небезынтересно познакомиться, например, с моими скромными достижениями в этой области.

Ковров неподвижно сидел и слушал его, рассеянно разглядывая своих собеседников расфокусированным взглядом, отчего создавалось впечатление, что одним глазом он смотрит на Воронцова, а другим на начальника СБ. Эта странность в его поведении не осталась незамеченной Филатовым, который внимательно следил за выражением его лица.

– Я вас понял, – Ковров согласно кивнул, возвращаясь к привычному способу восприятия. – На самом деле это даже приятный сюрприз: мало кто из бизнесменов в наше время

задумывается о психофизической безопасности – своей, своих близких, своего коллектива. А между тем это основа основ любого бизнеса, любой семьи, любого коллектива. И то, что вы проявляете интерес к этой области знаний, безусловно, говорит о вашей исключительной прозорливости. Хорошо, чтобы не отвлекаться на разговоры, я вам покажу кое-что интересное. А после этого мы сможем обсудить

лить наши дальнейшие действия в этом направлении. Если не возражаете, предлагаю вам зайти в какой-нибудь из отделов «СИУСа».

Воронцов встал и, взяв со стола крошечный пенал мобильного телефона, молча направился к двери. За ним, негромко переговариваясь друг с другом, последовали Филатов и Ковров.

***

Горный Алтай

Утренний лес просыпался от удушливо жаркой ночи, наполняясь криками птиц и стрекотом кузнечиков, прячущихся в высокой траве на небольших таежных полянках. Сомов осмотрелся по сторонам и решительно направился к высокому кедру, покрытому развесистыми мохнатыми ветвями. Именно в этом сплетении хвойной растительности можно было устроить себе идеальную засаду. В двухстах метрах от намеченного дерева стояли, на границе леса и цветочного луга, домики дуэнбергов. Где-то здесь должен обнаружить себя рано или поздно загадочный объект охоты, появляющийся в непосредственной близости с домиками практически каждый день. Он придет сюда, как тщательно выслеживаемая на живца жертва, управляемая своими притупляющими осторожность желаниями добычи, предсказуемая и ожидаемая. Цепляясь за узловатые ветви и сучки, Сомов преодолел две трети длины ствола и, сделав предварительную рекогносцировку, зацепил за ствол широкий фиксирующий ремень комбинезона. Через пятнадцать минут его невозможно было рассмотреть в густой хвое, спецкомбинезон превратил человека в неотъемлемую частичку окружающего его ландшафта: маскировочная ткань сплела воедино древесный ствол, охотника и колкую зелень сосновых игл. Сомов прислонил к шероховатой коре свой карабин, тоже предварительно зафиксировав его в специальном крепежном кронштейне, и принялся тщательно изучать окрестности, рассматривая их через многократно усиливающую визуальный обзор оптику армейского бинокля. Согласно расчетам лесника незнакомец должен был появиться неподалеку от поселка во второй половине дня, сразу после начала падения солнца к линии горизонта.

***

Новосибирск

– Вот здесь, – Ковров остановился перед дверями, табличка на которых информировала о том, что за ними находится одно из подразделений финансовой службы. Он повернул дверную ручку и вошел в офис. Реакцией на его появление были удивленные и вопрошающие лица трех девушек, что-то увлеченно обсуждавших у одной из этажерок, заполненных специальной литературой и технической документацией.

– Добрый день, – произнес Максим, отходя в сторону и пропуская в кабинет начальника службы безопасности и директора ТПК. Метаморфозы, происходившие на лицах девушек, могли послужить наглядной демонстрацией практически всех мимических состояний лицевых мышц,

отвечающих за ту или иную эмоциональную реакцию: удивление и ожидание сменилось легким неуловимым испугом, затем озадаченностью, подобострастием, наносной радостью и наконец деловой сосредоточенностью, демонстрируемой высокому руководству.

– Здравствуйте, – Филатов подмигнул девушкам, которые тут же разошлись по своим рабочим местам. Воронцов, уже заходивший в финансовую службу, ограничился легким кивком. Оба выжидательно посмотрели на Максима. А тот вышел на середину комнаты и, обращаясь к начальнику СБ, произнес, осматривая кабинет.

– В этом офисе проводятся мероприятия по поиску и локализации каналов утечки информации?

Филатов утвердительно кивнул:

– Да, стандартные процедуры технической диагностики. Ковров прошелся по помещению.

– То есть помещение защищено от утечки информации? Филатов улыбнулся.

– Специальных защитных мероприятий в данном помещении мы не осуществляли. Но поиск технических средств съема информации проводится нами раз в три дня.

Ковров кивнул и, посмотрев на Воронцова, веско произнес:

– Демонстрация первая: «Информационная безопасность – мифы и реальность, или скрытые возможности человека». Использование сложной высокотехнологичной аппаратуры для промышленного шпионажа – это один из путей получения перспективной информации. Второй путь – работа с персоналом, вот с этими тремя очаровательными девушками: лезть,

подкуп, шантаж, запугивание – то есть все методы целенаправленного воздействия на потенциальный источник информации. Минусы первого пути – исключительная дороговизна спецтехники, сложность в ее установке и реальная возможность потери спецтехники и обнаружения своей инициативы и своего присутствия сотрудниками отдела информационной безопасности. Верно? – он повернулся к Филатову, у которого не сходила с лица доброжелательная улыбка.

– Все точно.

– Минусы второго – работа с информаторами обусловлена целым комплексом проводимых мероприятий: выявление кандидата, его разработка, изучение, установление контакта, вербовка, определение эффективных способов связи. То есть целая цепь последовательных действий, каждое звено которой может оказаться слабым. Помимо этого, работа с посредниками чревата неправильной интерпретацией получаемой информации. Я имею в виду искажение исходной информации, достоверность и надежность получаемых данных, переменчивый характер личных мотивов выдачи информации. Все это порождает единственный вопрос: существует ли механизм, пользуясь которым человек может получать желаемую информацию в обход посредничества с другими людьми и в обход использования сложных технических средств?

Воронцов сел на одно из передвижных кресел-стульев и, бросив искоса взгляд на замолчавших девушек, осторожно спросил:

– Существует?

Максим тоже посмотрел на притихших финансисток и тихо проговорил:

– Я покажу...

От этой фразы директор ТПК почувствовал, как закручивается внутри солнечного сплетения пружина знакомого возбуждения. Он вспомнил пронзительный взгляд эксперта и подумал про себя, что следующим объектом его языческих манипуляций однозначно будет не он, а Филатов – для чистоты эксперимента...

Троица поднялась на лифте на один этаж выше и, пройдя по длинному коридору, остановилась у одной из дверей, ведущей в совершенно пустой офис, – здесь только недавно закончили делать ремонт, подготавливая помещение к переезду одного из отделов.

Максим вышел на середину комнаты и потер руки.

– Ну, достаточно слов. Слова только запутывают. Виталий Олегович, прошу вас, присядьте вот здесь, прямо в центре.

Филатов снял с себя легкий льняной пиджак и протянул его Воронцову, который с явным любопытством наблюдал дальнейшее развитие событий.

– Я ничего не буду сейчас объяснять, обсудим все после. Садитесь, вот так, примите удобную позу.

Филатов сел прямо на пол, выстланный совершенно новым ковровым покрытием. Ноги он согнул и сел в классической позе айки-дзина – на пятки. Руки расслабленно легли на колени, ровная спина выдавала в нем профессионала боевых искусств.

Максим достал из кармана сложенную шелковую повязку темно-синего цвета и протянул ее экспериментатору.

– Вот, повяжите на глаза. Теперь расслабьтесь, постарайтесь погасить мысленный диалог и абстрагироваться от всех каналов восприятия, кроме слухового. Ваша задача – слушать звуки, окружающие вас. Только звуки, больше для вас ничего не должно существовать. Тихие и громкие, знакомые и незнакомые – не стоит их классифицировать. Вы должны слушать и слышать все доступные вашему восприятию звуки. Просто слушайте, и все. А мы с вами пойдем, Евгений Алексеевич.

На лице Филатова, наполовину закрытом повязкой, по-прежнему светилась неизменная улыбка. Он покрутил головой, словно адаптируясь к этому новому состоянию, и весело спросил:

– Долго сидеть?

Уже в дверях Ковров обернулся и тихо проговорил:

– Не имеет значения. Время перестало существовать для вас, только звуки...

Воронцов вызвал Коврова к себе в кабинет в половине десятого утра. Кроме генерального директора в офисе присутствовал Филатов. Увидев входящего Максима, он приветливо махнул ему рукой с дивана, на котором сидел, читая журнал. Воронцов находился за своим шикарным массивным столом, разговаривая с кем-то по телефону и одновременно сверяя какую-то информацию на жидкокристаллическом дисплее портативного «ноутбука», стоявшего перед ним.

– Присаживайся, Макс, – Филатов покачал головой, – ну, слушай, я там вчера чуть с ума не сошел: только под вечер из офиса этого проклятого

выбрался. Но эффект – потрясающий! Через полчаса я как зверь стал звуки ловить, через стены! Тут и правда никакая спецтехника не нужна, ухо круче радара пространство сканирует! Я каждое слово в финслужбе слышал. Говорят, в застойные годы так в СМЕРШе полевых разведчиков и контрразведчиков тренировали.

– Самые эффективные техники всегда самые простые. Просто мы сами себя ограничиваем в наших возможностях, загроуляя сенсорные каналы восприятия. А ведь слуховой аппарат является аналогом электронного волновода, воспринимающего разночастотные излучения окружающей среды. Его возможности при определенных тренировках на самом деле становятся схожи со звериными. Я уже не говорю об обонянии и осязании.

– Слушай, а как это связано с твоей концепцией психологической безопасности? Ну, промышленный шпионаж, это понятно. А вот тренировка органов восприятия...

Максим мельком взглянул на журналы в красочных глянцевых обложках, беспорядочной кипой лежащие на столе.

– Это лишь первые буквы алфавита концепции, которая говорит на языке ощущений. Это первый шаг к высвобождению инстинктов, необходимых человеку, чтобы выжить в этом сходящем с ума мире.

Филатов усмехнулся:

– Это точно. В мире, где люди мутируют в зверообразных хищников, для выживания необходимы первобытные инстинкты и крепкие зубы, пусть даже стальные. Имею в виду не металлическую улыбку Джэмбо из одного индийского фильма, а пули и образчики коротколинкового оружия, – начальник СБ наклонился к Коврову и тихо проговорил:

– Тут Алексеич под впечатлением от твоих идей. Сейчас освободится, сам тебе все расскажет.

Воронцов проговорил по телефону еще минут семь и, закончив беседу, присоединился к сидящим на диване.

– Макс, мне тут Виталий Олегович такие вещи понарасказывал: и сквозь стены он слышать научился, и сны какие-то странные видел, и видения у него были. Короче, мы оба теперь с ним шаманы. А если серьезно, Максим, то у меня к тебе появилось очень серьезное дело, напрямую связанное с твоей системой психофизической безопасности. Дело в том, – он замолчал, не зная, как сформулировать свое предложение, – ну, в общем, на меня кто-то воздействует. Я не владею терминологией, можно назвать это порчей, сглазом, наговором, но смысл такой: со мной стали происходить

очень странные и непонятные дела. И если с обычными недоброжелателями мы справляемся без особых проблем, то тут мы столкнулись с чем-то совершенно нам не известным. У меня возникли подозрения, что кто-то нанял какого-нибудь дедушку-лесовичка или бабушку в деревне и они мне тут поганят потихоньку. В общем, вероятно, это твоя компетенция, Макс. Возьмешься помочь?

Максим почувствовал, как холодный ветер подул ему в спину, вырываясь из темных глубин внутреннего пространства. Это было предчувствием, ощущением чего-то витающего в воздухе и принимающего смутные очертания какой-то призрачной фигуры.

– Для начала мне необходимо более детально изучить обстоятельства данного дела, чтобы представлять, о чем идет речь.

Воронцов переглянулся с Филатовым.

– Это разумно. Тогда слушай. Это началось примерно около двух месяцев назад...

***

Горный Алтай

С вечерними сумерками пришел туман, вползший в лес подобно исторгающему дым невидимому дракону. Кусты и трава почти полностью скрылись под плотным пологом белесых клубов, в которых спрятался и незнакомец, нырнувший в дымчатое тело дракона, словно хищная рыба в спасительную гладь реки.

Сомов потерял из вида его мелькающую среди стволов фигурку и теперь тщетно пытался обнаружить ее вновь, напряженно всматриваясь усиленным оптикой зрением в густую пелену тумана, возникшую из ниоткуда, словно это и вправду было мистическое существо.

Лесник знал, что в вечернее время в этих местах подобные капризы природы бывают крайне редки и в сочетании с мрачной личностью выслеживаемого им фигуранта это обстоятельство опять всколыхнуло в нем необъяснимый, глубинный ужас, основанный на инстинктах, предчувствиях и еще чем-то неуловимом, выплывшем из темной пучины подсознания.

В памяти всплыли слова деда, егеря, который часто брал с собой в лес маленького Сомова, рассказывая ему о невидимой, потаенной жизни тайги:

– Туман – это тонкая пелена, отделяющая наш мир от мира духов. В тумане открываются двери в чужие миры.

Сейчас одна часть лесника истошно кричала внутри черепной коробки:

– Беги! Спасайся! Уноси свои ноги из этого проклятого места! Скорее! Слезь с дерева, пока не поздно, и прочь, прочь!

Другая часть замерла от ужаса, притаившись в спасительном коконе маскирующего спецкомбинезона и шепча:

– Тихо. Замри. Только здесь ты в безопасности. Только здесь ты сможешь отсидеться и незамеченным вернуться поутру в свой дом. Внизу он расправится с тобой без труда. Потерпи немного, скоро все кончится, скоро...

А туман продолжал заливать окрестный лес бурунами клубящихся испарений, в которых исчезли испуганные неожиданным природным явлением звери, замершие в своих норах и берлогах, трава и кусты, превратившиеся в одно мгновение в водоросли огромного белесого озера, а с ними вместе и незнакомец, который был где-то неподалеку, под толщей микроскопических кристаллов воды, плавно парящих над землей.

Сомов убрал в сторону бинокль и взял обеими руками карабин, который сразу придал ему уверенность в своих силах. Все-таки это был весомый аргумент в любой, даже самой неприглядной ситуации. Аргумент, которым невозможно пренебречь. Даже тому существу, притаившемуся где-то внизу.

Лесник знал: опытный охотник всегда выследит свою добычу не потому, что он более изощрен в искусстве выслеживания, а потому, что он более терпелив. Туман не вечен. Скоро он

растает, и незнакомец вновь обнаружит себя. Нужно лишь подождать.

***

Новосибирск

– Несколько недель назад мы отказали одной из барнаульских фирм в очень крупной сделке. Фирма сделала нам предложение, от которого за версту пахло авантюрой, на блатном языке попросту называемой «кидаловом». Мы собрали материалы по этой конторе: явный криминальный след, причем даже не особенно скрываемый, подставные директора, сомнительные счета в банке, отсутствие финансового обеспечения сделки, короче – примитивная подстава. Начальник торгового отдела отказал противоположной стороне в контракте без объяснения причин отказа: и так все было очевидно. Умные люди бы это поняли, но ребята оказались то ли

слишком тупыми, то ли слишком борзыми. Последовали телефонные звонки с требованиями объяснений, встреч, потом последовали угрозы. Сотрудники нашей службы безопасности, – Воронцов кивнул головой на Филатова, – связались сначала с некоторыми компетентными службами в Барнауле, а потом и с этими ребятами и объяснили им суть происходящего, высказав встречные пожелания – больше никогда ничего не слышать об этой фирме. Звонки прекратились, но неделю назад в отдел мониторинга пришел странный факс.

Воронцов протянул Максиму скрученный рулон факсовой бумаги, на котором угрожающе чернел на белом фоне какой-то символ, напоминающий иероглиф. Максим расфокусировал глаза и посмотрел на этот знак, воспринимая его по-другому, нежели чем это делают человеческие глаза. В этом восприятии участвовало все тело, реагируя на геометрические линии тончайшими ощущениями, позволяющими увидеть то, что скрыто за гладкой поверхностью бумаги, в глубине, на уровне потаенных, не известных современной науке пространств. Иероглиф отчетливо излучал очень мощный энергетический поток, заставивший Максима закрыть глаза и, отпрянув, бросить факс на стол. Руководители «СИУСа» внимательно следили за его реакцией.

– Что это за чертовщина? Ковров пожал плечами.

– Не знаю. Какая-то психографика. Причем с деструктивной полярной структурой. Этот факс – нечто вроде «информационной бомбы», воздействующей на человека, получившего его. Нужно убрать его, немедленно.

Филатов стремительно взял бумагу с загадочным символом и положил в толстую кожаную папку, убрав ее в тумбочку стола. Воронцов выжидательно посмотрел на Коврова.

– Что это за бомба?

– «Информационные бомбы» – это оружие третьего тысячелетия. Мощное, эффективное, невидимое, разрушительное и самое главное – не подпадающее ни под какие запрещающие законы.

Максим прикрыл глаза, разглядывая ярко-алый силуэт иероглифа, отпечатавшийся на черном фоне закрытых век. Деструктивная программа начинала действовать. Нужно было трансформировать эту разрушительную информацию в нечто иное. Воронцов что-то сказал, но Максим сделал предупреждающий жест рукой, давая понять, что ему необходимо время, чтобы разобраться в механизме этой энергетической мины.

Вот иероглиф изменил очертания и стал закручиваться в какую-то другую фигуру, ускользая

от ненужного внимания, растворяясь в калейдоскопе цветных вспышек, превративших черноту виртуального пространства сознания в сверкающий калейдоскоп. Как компьютерный вирус, вгрызающийся в упорядоченную систему файлов, мутирующий и разрушающий ее. Но линейное сознание Коврова перестало функционировать в привычном режиме, уступая место древним инстинктам, дремлющим на дне чувственной сферы. Маскирующие образы стали меркнуть, теряя насыщенность, и вот иероглиф опять алел на темном фоне грозным символом чьей-то злой воли. Максим отследил область в теле, где ощущалось чуть заметное напряжение, практически неотличимое на общем фоне мышечной динамики. Это напряжение возникло в тот момент, когда визуальный образ знака с бумаги соскользнул в область восприятия. Значит, негативная информация осела там, в области печени. Обычный человек даже не обратил бы на это никакого внимания до тех пор, пока вирус не начал бы свою разрушительную психосоматическую деятельность. Но Максим оттачивал эти способности изо дня в день, потому что подобная манера работы со своими ощущениями лежала в основе метода сенсорного осознания, практикуемого им уже несколько лет.

Через несколько минут от вируса не осталось и следа. Информационный лазутчик был обнаружен и нейтрализован, оставив после себя лишь легкие фантомные ощущения.

Ковров открыл глаза и, кивнув на ящик стола, где лежала злополучная папка, хмуро проговорил:

– Она осталась в вас. Информационная мина. Нужно будет ее удалить. Позже я покажу, как.

Оба собеседника мрачно посмотрели на стол.

– Макс, а что это значит – «информационная мина»?

– Это оружие будущего. В одних руках – это грандиозный созидательный потенциал, в других – страшная разрушительная сила. Дело в том, что нанести вред физическому телу человека не всегда просто: человек может защитить себя, нанять телохранителей, спрятаться, прибегнуть к защите государства и определенных законов, регулирующих жизнь в социуме. На вибрационном уровне это тоже сделать довольно сложно: энергетическое тело человека обладает естественными защитными коммуникациями, пробить которые может только специально обученный профессионал вибрационных воздействий. Но вот сознание человека очень уязвимо, более того, оно обладает печальной особенностью само инициировать подобные программы. Представьте себе крепость, защищенную со всех сторон неприступными стенами. Неприятель сталкивается с сопротивлением и вынужден либо идти напролом, либо отступить, либо склоняться к длительной осаде. Но если хозяин крепости сам открывает врагу ворота и впускает его внутрь? Сознание как раз и является подобным хозяином. Что такое информационная мина? Это что-то, что проникает в сферу нашего восприятия посредством глаз, слуха, обоняния, ощущений. Здесь речь идет о совершенно новом отношении к информации как таковой. Это что-то не причиняет нам никаких явных беспокойств, но, внедрившись в информационную среду нашего тела, оно начинает свою разрушительную работу. Человек может заболеть, умереть, сойти с ума, совершить определенные действия, ожидаемые хозяином вируса. И притом он делает это сам, через дни, месяцы, годы после закладки информационного деструктора, без всякой видимой связи с тем, кто этот вирус заложил. Идеальные, «чистые» убийства, пули которых не видно, мины, которые разрывают человека изнутри без каких-то явных причин. Просто человек взял и умер ночью, или заболел раком, или сошел с ума, или слег в больницу, оставив на необходимое время управление своей фирмой. А иногда просто пугается человек чего-то и выполняет предьявленные ему условия, и все...

В кабинете воцарилось тягостное молчание. Несколько раз звонил телефон на директорском столе, но на это никто не обратил внимания.

– Что произошло дальше? После того, как пришел факс? – спросил Ковров.

– Я стал чувствовать постоянное, ничем не мотивируемое беспокойство. – Воронцов встал, прошелся по кабинету и, вернувшись к столу, сел в кресло. – Можно сказать, что я стал чего-то смутно бояться. Во сне стали появляться какие-то мрачные фигуры, которые виделись мне и после пробуждения, словно между сном и явью не было более никакой границы. Когда ты стал рассказывать про управление эгрегорами, я подумал, что, возможно, это как-то связано: кто-то пытается воздействовать на меня на уровне энергетики. Ну, я не знаю: вытеснить меня с рынка, отомстить за что-нибудь, причин меня ненавидеть может быть множество – бизнес, это сфера постоянного противостояния интересов. Но кто может позволить себе нанять специалиста по созданию вот таких «информационных закладок», а, Макс? Много таких людей может быть здесь, в Сибири?

Максим развел руками.

– Не знаю. Но они наверняка есть. Я же говорю – настало время оккультных воздействий.

Воронцов перегнулся через стол и, посмотрев на Коврова в упор, прищурившись, спросил:

– Максим, а ты бы мог создать такую «закладку»? Консультант улыбнулся и холодно спросил:

– Вы намекаете на мою возможную причастность к этому делу? Воронцов замолчал, а на вопрос ответил Филатов:

– Дело в том, Максим, что предложение от этой долбаной фирмы мы получили через несколько дней после того, как ты приступил к своим обязанностям в стенах «СИУСа». Учитывая данный факт и твои способности, мы просто сделали очевидные выводы.

– Чем же они такие очевидные? Филатов усмехнулся:

– Ты думаешь, такие совпадения бывают? Я вот сколько лет в безопасности работаю, а о «информационных закладках» и о воздействии на сознание только слышал. И когда такой специалист появляется в стенах организации и в этой организации тут же начинают твориться невероятные вещи, по-моему, выводы напрашиваются сами собой.

***

Горный Алтай

Чох неподвижно стоял под деревом подобно застывшей горгулье, идолу, вырезанному из этого же ствола. На его лице блуждала странная улыбка, придающая лицу устрашающее выражение. Воздух вокруг загустел. Туман уползал так же стремительно, как и появился, повисая на ветвях рваными белесыми клочьями.

Чох поднял глаза вверх и увидел охотника, который выслеживал его, притаившись в ветвях этого огромного кедра. Обычный глаз ни за что не смог бы выделить человека, закутанного в маскировочную ткань комбинезона на фоне густой хвои. Но Чоху не нужно было зрение, чтобы обнаружить опасность. Он чувствовал лес. Он почувствовал и этого снайпера в ветвях высокого дерева.

Охотник не заметил его присутствия, потому что не мог представить себе, как можно исчезнуть в одном месте, а потом неслышно появиться в другом. Именно это превосходство над вооруженным противником и вызвало улыбку у Чоха. Как мало

человеку нужно, чтобы почувствовать

себя защищенным: специальная одежда и ружье. Но, когда дичь выбивается из привычной охотничьей схемы, все эти предметы становятся бесполезными.

Чох высунул язык и подобно варану попробовал на вкус мглистый воздух сумерек, сгущающихся в лесу. Пусть этот горе-охотник растерянно ищет его в округе, напряженно вглядываясь в свою оптику: когда наступит ночь, жертва охоты обнаружит себя. Чох закрыл глаза, вслушиваясь в тончайшие звуки засыпающего леса. Темнота вокруг стремительно окрашивала воздух в краски ночи. Когда стало совсем темно, Чох все так же неслышно прижался к дереву и медленно стал подниматься вверх по стволу, словно это и вправду был не человек, а полутораметровый удав, выслеживающий в ветвях дерева свою добычу.

Сомов не видел его до последнего момента, когда неведомая сила обрушилась сзади и выбила из рук карабин. Лесник закричал от ужаса и, выгнувшись, попробовал сопротивляться, но то, что напало на него, было похоже на кусочек ночи, скрещенный с хищным зверем. Кто-то бесшумный и невероятно сильный сжал его сзади, не позволяя сделать ни единого телодвижения. Сомов захрипел и в отчаянии инстинктивно потянулся к ножу, закрепленному на поясе. Но противник, прекрасно видевший в темноте, среагировал мгновенно, он сжал в своих объятиях снайпера, выполняя удушающий прием, от которого шейные позвонки разошлись с оглушительным хрустом, нарушающим тишину ночного леса. Лесник выгнулся и обмяк, подчиняясь непреклонной воле напавшего на него существа.

Чох отсоединил фиксирующие кокон комбинезона карабины и сбросил мертвое тело вниз, к основанию дерева. Через несколько мгновений он сам оказался на земле, склоняясь над изломанной веткой кедра окровавленным телом. Ввалив его на плечи, Чох так же бесшумно растворился в ночной темноте, унося с собой заслуженный охотничий трофей.

***

Новосибирск

– Вы же профессионал, – внешне Ковров выглядел спокойным, но внутри у него царили смятение и тревожные предчувствия: произошедшее действительно мало походило на череду случайностей, и все это предстояло тщательно обдумать и проанализировать, – вы же должны понимать, что все это слишком напоминает фарс. Я тоже профессионал, я занимаюсь информационной безопасностью не один год. и если бы все было так, как вы себе это представляете, то в первую очередь в связи со мной в меньшей степени проглядывался бы барнаульский след. Слишком уж все примитивно, белыми нитками шито. Какая-то фирма с явным, заметьте – явным криминальным подноготной. Безумное предложение с ее стороны, заранее обреченное на отказ. Факс с психографикой опять же, заметьте, с барнаульским номером отправителя. И тут я со своей концепцией вибрационных взаимодействий. Бред какой-то. Меня подставляют, это же очевидно.

– Кто подставляет? – Филатов говорил с ним мягко, без нажима, словно давая понять, что они с Воронцовым тоже прекрасно понимают абсурдность происходящего и разговор с Ковровым является не более чем проформой, необходимой для выработки совместной оценки происходящего.

– Не знаю. Пока не знаю, – задумчиво произнес Максим, делая несколько незаметных для присутствующих глубоких вдохов и выдохов.

– Именно – пока! – Воронцов выглядел возбужденным, очевидно, события последних дней послужили для него сильной эмоциональной встряской. – Как ты понимаешь, Макс, и мы, и, как оказывается, в первую очередь ты, заинтересованы в скорейшем разрешении данной ситуации. Поэтому узнать придется. И времени у нас на выяснение всех обстоятельств дела осталось немного.

Ковров удивленно посмотрел на гендиректора.

– Вчера был еще один звонок из Барнаула. Было произнесено только одно слово – число, которое, как я понимаю, должно послужить финалом для всей этой чертовщины. Так что у нас осталось ровно шесть дней, чтобы выработать план действий и нейтрализовать причину этих нападков. С нашей стороны: физическая поддержка, денежное и техническое обеспечение. С твоей стороны, Максим, – твои способности, которые, как мне кажется, имеют некоторое отношение к данной истории. Через час вы с Виталием выезжаете в Барнаул. У тебя есть вопросы?

Ковров закрыл глаза, чувствуя, как усиливается внутри ощущение фигуры, витающей в воздухе, и холодный ветерок в глубине сознания превращается в порывистый ветер, угрожающий стать ураганом. Какая-то неведомая сила опять возвращала его в Барнаул, город, из которого он сбежал в надежде на передышку и осмысление предыдущей жизни. А это значило, что прошлое опять тянулось к нему через время и расстояния, требуя, чтобы он повернулся к этому прошлому лицом, встречая его как подобает воину, а не человеку, опять надевшему на себя одну из тысячи социальных масок, так сильно похожих на человеческие лица. Максим вспомнил слова Айрука, одного из своих учителей:

«В ИТУ-ТАЙ есть и темная сторона, которая таит в себе особенную опасность. И через это тебе тоже придется пройти. Ты не сможешь жить спокойно, пока будешь избегать своей Битвы. Воин обретает спокойствие лишь тогда, когда поворачивается лицом к своему противнику. Обычный человек пытается обрести спокойствие в извечном бегстве от своего темного Я, в результате жизнь его наполняется кошмаром».

Zurdha. «Зеркальщик». Темный дух, пришедший из прошлого, наполненного тенями. Ганшины говорили, что встреча с ним неизбежна. Он может принимать тысячи обликов, но суть его остается неизменной – отражение теневой стороны, демон непроявленного. От него невозможно спрятаться и невозможно убежать. И вот сейчас он снова бросал свой вызов, ожидая Адучи в Барнауле.

Максим открыл глаза и тихо произнес:

– Я готов. Но боюсь, что на мои вопросы у вас не найдется ответов, Евгений Алексеевич.

***

Горный Алтай

Поляна была залита призрачным лунным светом, отчего казалось, что трава на ней была сделана из сверкающего серебра. В освещенное пространство из леса вышел темный силуэт, бросая на серебристый ковер свою страшную ношу. Чох склонился над трупом лесника, раскладывая его определенным образом, ориентируя расположение

тела по сторонам света. Это обязательное условие ритуала. В вопросах магии необходимо точное соблюдение условностей, без этого ритуал теряет свое внутреннее содержание, а следовательно, и силу, основанную на традициях.

Одним резким движением Чох разорвал одежду на груди своей жертвы и, достав из внутреннего кармана маленький изогнутый нож, воткнул его в труп. Его обучила этой традиции мать, перенявшая мастерство у учителей, имеющих весьма отдаленное родство с представителями человеческого рода. При одной мысли об этих существах Чох испытывал сильные смешанные чувства ужаса и возбуждения, граничащего с восторгом. Рано или поздно ему придется столкнуться с ними, и вот тогда он покажет им, что шагнул в овладении этим искусством гораздо дальше этой ненавистой женщины, когда-то давшей ему жизнь. Он не только видоизменил древнюю некромагию, он внес в нее новую философию, более пластичную и соответственно более эффективную. Он ощущал себя волшебником, которому удалось превратить неподвижную монолитную скалу в сметающую все на своем пути реку. Но поймут ли его, примут ли его те, кто веками охраняет незыблемые основы этой древней традиции, не имеет значения. Они с Азией создадут свой мир, основанный на их видении пространственно-временных связей. И если их не примут под землей, они вывернут эту землю наизнанку, заставляя считаться с собой.

Сунув руку в разрез на теле. Чох стал методично доставать из окровавленных внутренностей органы, раскладывая их вокруг себя в определенной последовательности. Вот печень, она содержит в себе ярость этого человека. Она обеспечит запас энергии, необходимой для вхождения в неведомое. Вот сердце, оно откроет ему двери в сновидение.

Чох улыбнулся. Некроманты действительно нашли самую короткую дорогу на Ту Сторону Дня. Они уходили туда по тропинкам, залитым кровью своих жертв. Излучения мертвого тела обладали невероятной динамикой. Вспышка, предшествующая умиранию, просто взрывала границы этого мира, уводя в приоткрывшиеся двери не только душу умирающего человека, но и жреца Смерти, идущего рядом с ним. Но в отличие от первого некромант мог вернуться назад, взяв то, что намеревался, в таинственном мире непознанного.

Чох принял ритуальную позу и замер среди окровавленных внутренностей, разложенных по поляне в форме жуткого узора. Настало время отправиться в Царство Сна, в котором его ждет еще более увлекательная охота. Но на этот раз его жертвой должен стать кто-нибудь из людей, живущих в Поселке. Сомов не был намеченной целью предстоящей охоты. Он просто оказался рядом, и это решило его судьбу. Ему суждено было стать приманкой, не более.

Зазвучали слова древнего заклинания, и через несколько минут невидимое тело колдуна заскользило над серебристой травой, не касаясь ее, по направлению к нескольким деревянным домам, где спали в своих кроватях ни о чем не подозревающие дуэрги. Охота началась.

«Воин света – помимо своей воли – делает неверный шаг и погружается в бездну. Одиночество терзает его, призраки пугают его. Когда он искал Праведный Бой, то не предполагал, что подобное случится с ним. Однако же случилось. Окутанный тьмой, вызывает он к своему наставнику.

«Учитель, я погружаюсь в пучину, – говорит он. – Воды так темны, так глубоки».

«Помни одно, – отвечает тот. – Захлебывается и тонет не тот, кто погрузился, а тот,

кто остался под водой».

И воин напрягает все свои силы, чтобы выбраться из положения, в котором он оказался».

Пауло Коэльо

«Книга воина света»

Они сидели около тихо потрескивающего костра и смотрели на пляшущие язычки пламени, выжигающие из сгорающей древесины капли желтой смолы. Смолистый запах поднимался вверх вместе с дымом и растекался над небольшой поляной, перемешиваясь с острыми запахами вечернего леса, вставшего вокруг непроглядной стеной. Туан смотрит, как на неподвижном лице Юрга мерцают алые отсветы, а взгляд его теряется где-то далеко-далеко, будто старик смотрит не на пламя, а в самую его суть, туда, где открываются совершенно непостижимые для человеческого глаза загадочные миры.

– Юрг, я благодарен тебе за то, что ты спас меня.

Старый охотник улыбается кончиками губ, но сознание его по-прежнему витает по ту сторону огня.

– Я должен уходить. Идти дальше. – Туану тяжело даются эти слова, но он должен их произнести. Ему неохота уходить отсюда, но они найдут его и здесь, в этой таежной глуши. А это значит, что нужно бежать, оставаться на одном месте нельзя. Для них не существует расстояний, они могут быть везде.

– О ком ты подумал сейчас? – старик, казалось, прочитал его мысли, а может, это огонь открыл ему тайные помыслы Туана. Он слышал, что есть шаманы, которые могут читать будущее по водной глади, по поведению зверей, по пламени костра, по облакам...

– Юрг, ты – шаман? Старик опять улыбается.

– Те люди, кто знает меня, считают так.

– А здесь есть люди?

– Есть. Но не здесь. За несколько дней пути. Здесь живу только я. Люди боятся.

Туан внимательно приглядывается к своему спасителю.

– Боятся чего?

Юрг показывает рукой вокруг.

– Тайги. Лес пугает их.

– А ты почему не боишься леса?

Старик ворошит длинной палкой костер, из которого вылетает сноп искр, поднимаясь в темно-синее небо и смешиваясь с желтыми точками звезд, усыпавших небосвод.

– Я – часть леса. Как можно бояться самого себя или какую-то часть себя?

Туан зачарованно смотрит вверх, запрокинув голову. Старик упирается концом палки ему в грудь, продолжая смотреть таким оке странным взглядом, которым он только что смотрел на костер.

– Ты не ответил мне. О ком ты думал и почему они так пугают тебя?

Вспомнив о своих преследователях, Туан поежился и затравленно осмотрелся вокруг. Деревья в одно мгновение превратились в угрожающие темные силуэты, за которыми могли находиться притаившиеся враги.

– Они пугают меня, потому что они не люди.

– О ком ты говоришь?

– Об ургудах.

Лес вдруг перестал шуметь и замер, словно услышав страшное слово. Замолчали ночные птицы, и даже ветер утих в листве, притаившись до поры.

– Почему они охотятся за тобой? Туан растерянно пожал плечами.

– Не знаю. Они ненавидят людей. Они убивают всех, кто попадает на пути.

Взгляд Юрга отчетливо ощутил даже в сгущающихся сумерках.

– Но не за каждым они охотятся. И если они появились на поверхности земли и преследуют тебя, значит, им приказали это сделать. Почему?

Туан смотрит в сторону, не в силах выносить прожигающий насквозь взгляд старого охотника.

– Я не знаю. Они напали на наше поселение...

– Поселение? Люди, которые одеваются так, как ты, не живут в поселениях.

Он все знает. Охотники не могут так смотреть. Этот взгляд может принадлежать разве что колдуну.

– Да, ты прав, я жил не в поселении. Я жил в храме.

– Какой вере ты поклоняешься?

– А ты? Я отвечу только после того, как ты расскажешь мне про себя.

Юрг смеется, и в темноте его смех напоминает уханье филина или совы.

– Моя вера – вокруг тебя, вокруг нас. Я – часть этой веры, и мы сидим сейчас в одном из ее храмов, а этот костер – мой жертвенный огонь, на котором я ожигаю свое восхищение этим миром вокруг. Это лучшее, что я могу преподнести богам, создавшим это великолепие.

Он замолчал на мгновение, а потом продолжил, подбросив в огонь несколько крупных веток.

– Немногие из людей, которые знают обо мне, считают меня шаманом. Одни называют меня – Ярлакчи, белый шаман, а другие, утверждают, что я «Кара Жанг» и якшаюсь с темными духами. Эти называют меня – «Темный Юрг». Одни меня боятся, другие уважают. Но я – простой охотник, и меня не интересуют ни их страхи, ни их уважение. Если бы они поняли мою веру, то поняли бы также, что я ни то и ни другое. Я – просто охотник, живущий в таежной глуши.

Туан встал и, потянувшись, встряхнул затекшие ноги. – Хорошо, ты спас меня. Если бы не ты, меня бы уже не было в живых. Поэтому я расскажу тебе, кто я такой. Я принадлежу к древней вере, почитающей Будду. Но наше Учение не похоже на традиционное. Мы почитаем особого Будду, который не является ни Белым, ни Черным. Поэтому мы вынуждены скрывать свои знания.

– Ты – Тэнг?

Туан изумленно посмотрел на старика, но в смещении бликов от огня и ночной мглы смог разглядеть только его темный силуэт.

– Ты знаешь?!

– Я слышал о вас. В лесу слухи распространяются гораздо быстрее, чем на равнинных полях и на горных отрогах. Кроме того, ты много говорил в беспамятстве. Значит, Серый Будда?

Туан вдруг ощутил беспокойство. То самое беспокойство, которое родилось в нем за несколько дней до нападения наемников. Но старик сидел неподвижно, и в голосе его не было

угрозы. Туан помотал головой, стряхивая с себя наваждение.

– Да, Серый Будда, но об этом нельзя говорить вслух. Ты сам сказал, что в лесу слухи распространяются быстрее ветра.

– Ты боишься, что ургуды найдут тебя здесь?

– Да. Они нашли наш храм и напали на нас ночью, перебив стражу. Это было ужасно, – Туан сел, потом опять встал и снова сел, протягивая дрожащие руки к огню.

– Мы отчаянно сражались, но силы были неравны. Мы слишком поздно заметили нападавших. Возможно даже, что кто-то из Тэнгов помогал им, иначе непонятно, как эти демоны преодолели наши стены.

– Храм Серого Будды был неприступен?

– Он специально был построен таким образом, чтобы его невозможно было заметить среди заснеженных скал и уж тем более захватить. С одной стороны – бездна, с другой – горы. Но ургуды как-то проникли в храм. Они были многочисленны, потому что с ними были наемники, которые были даже более безжалостны, чем нанявшие их дьяволы. Тэнги сражались, но на каждого воина приходилось по три-четыре наемника.

– Как спасся ты?

– У меня был отличный конь. Я прорвался сквозь гущу нападавших и поскакал в горы.

– Ты бросил своих братьев в беде? Ты не похож: на труса. Или страх смерти затмил твой разум?

Туан встал и, чувствуя, как дрожь охватывает все его тело, твердо сказал:

– Я должен уходить. Мне нельзя медлить.

– Ты хочешь уйти сейчас? Ночью? В тайгу? – спросил насмешливый голос из темноты.

Туан почувствовал, как липкий страх окутывает все его тело. Что-то не так было вокруг. Уж очень подозрительно вел себя этот странный охотник, который умеет читать мысли и задает слишком много вопросов.

– Да, я пойду прямо сейчас. Я найду дорогу. Я не боюсь леса. После того как река чуть не забрала мою жизнь, я уже ничего не боюсь.

Рядом с затухающим костром опять послышался смех.

– Ну-ну, леса ты не боишься, а старика боишься? Твой страх выдает тебя, потому что больше леса и реки ты боишься ургудов. Ты можешь бежать от них куда угодно – земли вокруг много. Но от того, что скрывается под землей, сбежать можно только став птицей. Ты можешь стать птицей?

Туан задыхался от ужаса, не в силах даже ответить старику.

– Ты боишься леса даже меньше, чем меня, потому что думаешь, что я как-то связан с ургудами, потому что я знаю о том, что ты Тэнг, я вижу твою ложь, и я знаю, почему ты покинул свой Храм, оставив своих друзей умирать там.

Туан развернулся и побежал прочь от этого страшного места. Вслед ему послышалось гулкое уханье старика.

«Прочь! Прочь! Куда угодно, только прочь от людей и от тех, кто может выдавать себя за них».

Дикий, неуправляемый ужас гнал Туана сквозь непролазную лесную чащу вперед, в

неизвестность. Гибкие ветви кустов хлестали его по лицу, но он не обращал на это внимания. Он бежал, словно раненый зверь, оставляющий последние силы в борьбе за собственную жизнь. Ургуды страшнее смерти. Этот старик... Он ждал его, они специально загнали его к нему, чтобы он околдовал его и забрал то, ради чего ургуды выползли на поверхность земли. Люди, скрестившие себя с черными духами. Воинство Черных Властителей. Прочь! Прочь...

Туан выбежал наконец на участок леса, свободный от кустарника. Здесь можно недолго передохнуть. Старик остался далеко позади. Его слабые ноги ни за что не справились бы с подобным темпом бега. Он и передвигался-то опираясь на длинный древесный посох, выточенный из небольшого цельного ствола. Темный Юрг... Кто он? Один из них или тоже очередной наемник, раб, продавший свою душу Черным?

Невдалеке хрустнула ветка, и Туан стремительно вскочил, напряженно вглядываясь во тьму леса. Из-за дерева на освещенную слабым светом луны поляну вышел человек. Туан отшатнулся от него, но человек одним неуловимым движением оказался рядом с ним. Призрачные лунные отсветы высветили щуплую фигурку старого охотника.

– Ты думаешь, что можешь убежать от этого? Это все равно, что бегать от своей тени. И то, что ты несешь с собой из монастыря Серого Будды, невозможно спрятать за широким поясом или под одеждой.

Туан сделал вперед стремительный выпад, но старик неуловимым движением уклонился от него, и рука Тэнга, сжатая в форме орлиных когтей, вспорола пустоту. А старик стоит уже позади него, по-прежнему ухмыляясь, окутанный призрачным светом луны, похожий на лесного духа или призрака.

– Это так ты отплатил несчастному, одинокому Юргу за помощь? В клане Серого Будды учат обижать старых и беспомощных?

Туан опять бросился на противника, подобно коршуну, атакующему свою жертву. Но охотника опять не оказалось на месте, куда пришли страшные, но бесполезные удары Тэнга.

– Если ты не можешь справиться с дряхлым и немощным стариком, как ты убережешь свою ночь от ургудов?

Юрг спрашивал откуда-то из темноты, словно он сам был темнотой, частью леса, вопрошающей растерянного и подавленного страхом человека.

69

– Кто ты? – Туан озирался по сторонам, тщетно пытаясь разглядеть в непроницаемой мгле, склеившей в одну сплошную массу кусты и деревья вокруг того, кто еще недавно накладывал на его раны целебные травы.

Движение сзади. Туан разворачивается, но ничего не успевает сделать – деревянный посох Юрга врезается в нервный узел в верхней части живота. Ночной лес врывается в голову Тэнга черной стремительной рекой, путая реальность и призрачные сны...

***

Горный Алтай

Погружение в сновидение подобно добровольному умиранию, когда человек не сопротивляется своей смерти, а, наоборот, желает ее, расслабляясь и доверяя себя всего ее завораживающим грёзам. Болтливое сознание становится зыбким, хаотичным. Все дневные дела погружаются в безграничный, темный океан внутреннего

пространства, где возникают и гаснут образы подобно резвящимся электрическим скатам, создающим в глубине череду световых образований, перемещающихся, вспыхивающих, тающих...

Человек чуть заметно улыбается. Он знает, это совсем не смерть. Это сон, а из сна люди возвращаются. Иногда озадаченными, иногда восхищенными, иногда перепуганными, а иногда наделенными невероятными сокровищами, которыми изобилует пространство за гранью бодрствующего сознания. Мир снов и в самом деле подобно великому океану содержит в себе все: жизнь и смерть, радость и горе, страх и приключения. Нужно только научиться определять что есть что, потому что в сновидении это очень трудно сделать.

Человек смотрит своим внутренним зрением на завораживающую череду цветных вспышек, загоревшихся в темноте и перетекающих одна в другую подобно детскому калейдоскопу. Вот возникло какое-то давление в районе живота, мешающее погрузиться в мерцающую глубину. Нужно расслабиться. Полное расслабление – вот ключ к осознанным сновидениям. Глубокое дыхание и концентрация на точке чуть ниже пупка позволяют быстро снять блокирующее напряжение. Вместо неприятного давления по животу потекло во все стороны умиротворяющее тепло. Вот так. Человек чувствует – до погружения осталось несколько мгновений. Вот возникло яркое, но неслепящее оранжевое пятно – прямо перед глазами. Нужно использовать специальную технику, чтобы погрузиться в него, оставаясь в полном сознании. Вот и все. Все... Все...

Стремительный полет во тьме и затягивающее ощущение падения вверх, на самое дно безграничного звездного неба...

Огромный лес, мерцающий сине-зеленой флюоресценцией. Голубые и зеленые искры на листьях деревьев, кустах, в траве. Дуэнерг осмотрел свое тело и понял, что сегодня качество осознания намного превосходит все предыдущие практики Сновидения. Несмотря на то, что с сегодняшнего дня им запретили практиковать это искусство, невозможно было отказаться от очередной попытки увидеть изнанку привычного трехмерного пространства. Прошлой ночью, когда все увидели во сне Его, пропал Стас Антипов, а Елену успели поймать и затащить в дом. Никто не понял, что произошло. А ведь все было так очевидно. Тот, кто впустил их всех в мерцающий мир сновидений, звал их за собой в таинственные дали, в которые отваживались отправляться разве что мифические тайшины. А может. Он и был одним из них. Неважно. Важно было то, что раскинуло свои загадочные земли перед замершим на опушке цветного леса дуэнергом. Стас не пропал, он просто сделал шаг навстречу Тайне. И кто знает, как далеко он уже ушел в эту незнакомую, но неумолимо влекущую к себе потустороннюю тайгу.

Из чащи мигающих сине-зелеными сполохами искр деревьев послышался тот самый Голос. Дуэнерг вздрогнул и прислушался. Тишина. Вязкая, глухая тишина, в которой беззвучно осыпаются с веток каскады голубых и зеленоватых светлячков.

– Влад! Вла-а-ад... – эти резкие звуки непривычно резанули по обостренному слуху сновидца. Кто-то звал его по человеческому имени со стороны Поселка, а это значило, что его пропажу обнаружили и его хотят вернуть. Так же, как и Елену. И тогда пропадет Голос и пропадет этот Некто, зазывающий к себе и дающий возможность открыть истинные тайны Сновидения, а не тот суррогат, которым «кормит» их Санаев.

Дуэнерг опять повернулся к лесу. В неоновом свете потусторонней тайги кто-то двигался. Из-за темных колонн высоких деревьев вышел сияющий мягким лимонно-желтым светом силуэт и призывно помахал дуэнергу рукой. Это был Он, тот, кому принадлежал Голос.

– Влад, не двигайся. Назад! Назад! – со стороны Поселка к нему бежали люди. В сновидении их тела были грубыми и неуклюжими, во всяком случае, такими их видел сновидец, замерший на самой границе опушки и леса.

– Иди за мной... – силуэт шепчет без нажима, тихо и вкрадчиво, но его Голос проникает в глубины зачарованного сознания. Он опять делает призывный жест рукой и, поворачиваясь, медленно уходит в залитую светом и тенями чащу. Дуэнерг последний раз обернулся на бегущих к нему людей и, улыбнувшись, решительно зашагал вглубь леса, следуя за мелькающим невдалеке силуэтом, навстречу Неизведанному...

– Пропал еще один дуэнерг, Влад Кузьмин, – комендант Поселка Александр Васильевич Николаев мрачно посмотрел на Санаева и Арамову, сидевших прямо на траве и растерянно разглядывающих деревянные резные домики невдалеке. Они только что приехали и даже еще не успели переодеться и занести в гостевой коттедж дорожные сумки.

– Как это произошло? – Всеволод нервно жевал травинку, покусывая длинный горьковатый стебелек.

– Будучи погруженными в глубокий сон, они уходят в лес. Кто-то или что-то приходит во сне и зовет за собой. Я тоже видел его. Это сложно описать, местность во сне эта же самая, – Николаев обвел рукой таежные окрестности, – но другая, сверкающая, и там оно – какое-то существо, которое прячется в глуши и оттуда зовет за собой, обещая раскрыть все самые значительные секреты Искусства Сновидения. Возникает непреодолимый соблазн пойти за ним, шагнуть в этот лес. А когда приходишь в себя, то оказывается, что и в самом деле стоишь на опушке леса. Позапрошлой ночью несколько дуэнергов очнулись от этого наваждения и стали будить других. Но Антинов успел скрыться в лесу. Елену Силаеву удалось поймать, но она до сих пор находится в депрессивном состоянии. Да мы все, кто вышли из домиков в ту злополучную ночь, ощущаем некую меланхолию, щемящее ощущение тоски и печали.

– ARS ушел слишком глубоко во второе энергетическое тело, – Санаев хмуро посмотрел на опушку леса и очень ярко представил себе очнувшихся после наведенного сновидения растерянных дуэнергов.

Вторым энергетическим телом согласно концепции Миротормизма они называли второй энергетический потенциал человека, не задействованный им в повседневной жизни. Само название «дуэнерг» имело под собой глубокую эзотерическую подоплеку. Две половинки, две силы, два энергетических тела: «Дэрг» – «Тело Зверя» и «Марг» – «Тело Дракона». Обусловленный мир и мир непознанного, две Вселенных, являющихся единой конфигурацией, именуемой «Человек». Согласно древнему поверью настоящую свободу мог обрести только тот, кому удавалось уравновесить в себе эти две Силы. И оттуда же, из седой древности пришло это таинственное название – «ARS», центр восприятия, позволяющий людям Осознавать. Во сне ARS перемещается из первого энергетического поля «Дэрг» во второе энергетическое поле – «Марг». И если человек обретает возможность фиксировать его там, он начинает воспринимать иную реальность «темной сферы» так же конкретно, как он воспринимает окружающий его привычный мир материальных объектов.

– Кто это может быть? – осторожно спросил Николаев.

Санаев сплюнул травинку себе под ноги и посмотрел на супругу. Она ответила ему мягким взглядом своих красивых светло-серых глаз, от которого Всеволоду сразу становилось хорошо и таял лед дурных предчувствий в груди.

– Ты думаешь, это тот самый Оборотень?

– Не знаю, – Санаев обернулся на удивленного коменданта, – у нас тут тоже неприятности, в Барнауле. Я тебе попозже расскажу. А сейчас, братцы, давайте собираться. Придется временно покинуть Поселок, здесь становится слишком опасно. Александр Васильевич, вас я попрошу организовать отъезд, закрыть все домики и проследить, чтобы на территории поселения никого не осталось. Я вызвал два микроавтобуса, они должны приехать через пару часов. Анна, ты бери мою машину и поезжай прямо сейчас в Горно-Алтайск, сделай официальное заявление в милиции относительно пропажи двоих наших сотрудников. Нужно дать этому делу еще и официальный ход.

Он проследил, как жена садится в автомобиль и, махнув ему рукой, выруливает на лесную дорогу, ведущую к автомагистрали.

– Сева, что происходит? – сзади подошел хмурый Николаев.

– Не знаю пока, Саша, но обязательно узнаю, в самое ближайшее время.

– Анна сказала про какого-то оборотня, что это значит?

– Ко мне тоже кто-то приходил в сновидениях. Но в отличие от вас он не предлагал мне никаких тайн. Он просто хотел меня уничтожить.

Дуэрги мрачно переглянулись, понимая, что в их жизни начался какой-то новый, непредсказуемый и довольно напряженный этап, который был ими подсознательно ожидаем, но не имел четких временных и содержательных рамок. Санаев вздохнул и кивнул коменданту на траву рядом с собой. Было раннее утро, и до того момента, как из домиков начнут выходить вялые и уставшие после очередной бессонной ночи мироформисты, предстояло многое рассказать Николаеву.

– Я называю его Суггестор. Но Анне больше понравилось мое первоначальное обозначение этого существа – Оборотень...

Николаев проводил взглядом последний микроавтобус, покидающий территорию Поселка, и оглянулся на опустевшие домики. В поселении стояла непривычная, настороженная тишина. Какое-то неведомое существо, уведшее за собой двух человек, добилось своего: дуэрги спешно покидали место их пристанища в горно-алтайской тайге. Николаев сказал Санаеву, что сам закроет все домики и во второй половине дня вернется в Барнаул. При свете дня здесь было безопасно. Санаев согласился неохотно, но Николаев настоял. Если предположение Севы насчет участия в этом наваждении таинственного и нелюдимого Адучи – правда, то стоило чуть задержаться в этом ставшем проклятым месте. До следующего утра.

Николаев обманул Координатора – он не собирался покидать Поселок. Если к атаке на дуэнеров причастим тайшины, нужно было остаться здесь, чтобы получить хотя бы даже перед смертью ответы на некоторые вопросы, которые преследовали бывшего муровца в течение последнего года.

Николаев сел на небольшой холмик, с которого как на ладони были видны все деревянные корпуса. Заходить в них коменданту не хотелось – покинутый Поселок превратился с исходом дуэнеров в прибежище неведомых духов, потеряв былой уют и обжитость.

«Зачем же я приехал сюда год назад? Зачем?»

Он достал из кармана замусоленную уже пачку сигарет «Космос», которую всегда носил с собой и периодически опустошал, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям: тогда, в Москве, когда произошли все эти события и у него прихватило сердце, он бросил курить, хотя до сих пор не мог избавиться от желания глубоко втянуть в легкие тягучий табачный дым. Теперь это можно было себе позволить. Николаев достал из пачки длинный цилиндрик сигареты и, закурив, смачно выпустил в воздух густое дымное облачко.

«Барнаул. Странное место. Город на пересечении двух миров, двух культур: русифицированная культура пришлої Европы и причудливый и

загадочный мир древней Азии. Что привело меня туда? В чем смысл моего нелепого паломничества? Или «ссылки»? Раньше в Сибирь ссылали каторжников, чтобы они канули в этих неведомых цивилизованному миру местах. Хотя некоторые бежали сюда сами. Я слышал о них. Так называемые «бегуны», или «странники». Люди, прекратившие всякие отношения с миром «антихристов», провозглашенным ими в середине семнадцатого века, и перешедшие к тайному существованию. Именно они, «странники», бежали сюда со всего мира, добровольно и целенаправленно. Их целью было Беловодье, мистический город, ушедший вместе со своими жителями за грань привычного нам мира. Со всех уголков России устремлялись они в свое последнее путешествие сюда, в Барнаул, затем их пути вели в Бийск и дальше, вверх по реке Катунь. Интересно, по-моему, у ацтеков было что-то подобное: «Катунь», какое-то определение временного цикла. Река Времени, омывающая священные горы Алтая. Красиво».

В лесу, где-то совсем рядом, задолбил по дереву скорострельной очередью дятел, но Николаев даже не обратил на это внимания, целиком поглощенный этой внезапной интроспекцией, путешествием в свое внутреннее «Я».

«Барнаул. Санаев утверждает, что название города происходит от тюркского «Бюриноул» – «Волчья Река». Это отчасти совпадает с моими историческими изысканиями. Недавно я узнал, что Барнаул действительно находится на месте некогда высохшего русла реки. Что же тогда подразумевается под смыслом «волчья»? Значит ли это, что на берегах этой древней реки обитало множество волков или все-таки это как-то связано с невидимой рекой Колодца Силы, на котором обитали тайшины – «свободные волки», «воины-оборотни»?»

Николаев лег на спину, раскинув в стороны руки и рассматривая туманный свод облаков на пронзительно синем фоне небосвода.

«Клан Волка. Таинственный миф, которым очаровал меня Санаев. Новые горизонты самопознания и самореализации».

По если для всех дуэнеров это и было не более чем миф, история, то Николаев знал, что в настоящем времени, в современном мире, еще недавно существовали реальные элементы этой мистерии. И так получилось, что одним из этих элементов стал и он сам. Эксперт – руководитель специального отдела МУРа, занимающегося поиском ритуального убийцы, совершающего в Москве одно преступление за другим. Именно тогда всплыли загадочные «эргомы» – жертвы военных экспериментов в закрытом Институте, люди с невероятными психофизическими возможностями, за которыми и охотился убийца. И так уж случилось, что никто ничего не знал о них и они жили среди нас, каждый по-своему сбегаая от своего мрачного прошлого. Л прошлое оказалось действительно мрачным, и понятие «убийца» тоже претерпело множество интерпретаций за время следствия и поиска преступника. Оказалось, что «эргомы» были смертельно опасным наследием военного режима СССР в середине века. Можно сказать, это были «коконы» идеальных солдат, из которых со временем должны были получиться настоящие машины для убийства, закамуфлированные под обычных, внешне ничем не привлекательных людей. Это «дело» было последним в активе легендарного Эксперта. Оно перевернуло представление о многих фундаментальных истинах, усвоенных Николаевым с детства. Этот охотник... Николаев даже не видел

его, во время его задержания от него не осталось даже пепла – термитная шашка подобно погребальному костру сожгла раненого убийцу и превратила его в дым, все-таки позволив ускользнуть от неизбежного ареста, растворив в воздухе и унеся с ветром все его тайны. Но этот безликий человек поджег так же и привычную жизнь Эксперта, заставив искать свои следы далеко за пределами Москвы. Все оказалось намного сложнее, чем представлялось подполковнику Николаеву, когда он сплетал воедино разрозненные нити следов, оставляемых убийцей на местах преступлений.

Перед глазами тут же вспыхнула завораживающая вязь «шаманской сети» на стенах жертв. Она засветилась перед внутренним зрением дуэнера подобно пучку электронов на экране осциллографа и медленно погасла, оставляя за собой вихрь воспоминаний.

Сгорбленная фигурка подавленного страхом последнего эргома Лагутина, а затем его перекошенное лицо и тихое бормотание: – «Он здесь. Спасите меня».

Черный силуэт человека без лица в мелькании прожекторов, выстрелы, крики, стоны. Станный запах, витающий в воздухе, чуть горьковатый, но тонкий, призрачный, неуловимый.

А затем было это странное видение, резко изменившее его жизнь: маленький одноэтажный вокзал посреди огромного зеленого поля, мама и он, маленький мальчик, бегущий по густой траве. В этом поле он встретил свою Судьбу, которая потом преследовала его и днем, и ночью, путая сны и явь, подгоняя куда-то, зазывая на поиски своего Пути.

Человек в черном. Человек с озорной улыбкой и глазами, сверкающими, как два темных солнца. Человек, который в шутку называл себя небом и землей, а потом взял и превратился в стаю разноцветных бабочек. Он ушел тогда в центр грозы, которая собралась на горизонте туманной пеленой. Ушел один. Растворился в мелькании разрядов молний, прорезающих темное грозное небо. И вот с тех пор появилось внутри это томительное чувство, приведшее впоследствии Николаева сюда, на Алтай.

Тайшины... Санаев сказал, что они ушли куда-то далеко в горы. Но ведь был человек, оставивший Координатору всю информацию по ИТУ-ТАЙ – «Вадик», во всяком случае, такое имя придумал ему Всеволод. Николаев долгое время искал встречи с этим «Вадимом», но тот, согласно утверждениям Санаева, не желал никаких контактов ни с Николаевым, ни с остальными дуэнерами. Несмотря на все ухищрения, Всеволод до сих пор так и не подпустил его ни к кому. Все придумывал какие-то отговорки, вилял, оправдывался, убеждая всех, что этот человек сам проявляет инициативу нелюдимости. Странно было это все. И вот теперь Санаев приезжает бледный и растерянный и говорит, что, возможно, этот «Вадик», вернее, теперь уже – Адучи, может быть причастен к этим странным нападениям.

Суггестор... Оборотень... Возможно, сегодняшняя встреча будет последней для Николаева, но это уже не имело значения. Экс-муровец и экс-комендант потянулся, прищуриваясь и выпуская изо рта упругую струю дыма. Сигарета быстро закончилась, но он тут же достал из пачки другую. Так он планировал пролежать на этом мягком и шелковистом травяном ковре до самого вечера. Перед его взором неторопливо плыли по синей глади белые паруса облаков, а воображение упорно рисовало другую картинку: черный человек, уходящий в грозу, и бабочки, сотни разноцветных бабочек над зеленым лугом.

Туман пришел в Поселок с заходом солнца. Его появление в последнее время странным образом совпадало с появлением таинственного сновидца, уводящего за

собой погруженных в бессознательное состояние дуэнеров. Николаев стоял на веранде одного из домиков и отрешенно наблюдал, как плотные буруны тумана стелятся по земле, выползая из леса, и текут невесомой рекой прямо на покинутые домики. Это значило, что скоро все и произойдет. Комендант улыбнулся и, пожившись от непривычной вечерней прохлады, вернулся в домик. В это самое время со стороны леса,

словно мифический персонаж, окутанный белесыми клубами, в Поселок вошел Чох. Через несколько минут в лощине, заполненной непроницаемой дымкой, ничего нельзя было разобрать. Туман накрыл Поселок полностью, вползая в дома подобно вкрадчивой змее. А еще через несколько минут он схлынул, оставляя за собой лишь рваные клочья своей призрачной ткани. Но теперь к нему примешался еще и едкий дым, венчающий жгучие языки огня, пожирающие Поселок. Покинутые дома горели. Но виновника пожара нигде не было видно. Он растворился в лесу вместе с волнами растаявшего тумана. Здесь ему уже нечего было делать. Он выполнил очередной этап своего дьявольского плана и теперь шел по лесу, улыбаясь и предвкушая грядущие события, местом реализации которых будет, скорее всего, Барнаул. Все еще только начиналось. Ловушки расставлены. Трубил охотничий рог. Лес с ужасом замер, наблюдая за передвижениями этого жуткого существа, выбирающего свой путь среди непролазной чащи.

***

Белая «Тойота» стремительно неслась по трассе, где не было ни попутных, ни встречных автомобилей. В это время суток, когда солнце зависло в самом зените, эта дорога всегда пустовала – движение по ней прекращалось, словно сибиряки соблюдали негласный принцип «сиесты», когда на два-три дневных часа люди предавались отдыху от работы и изнурительной жары.

Анна смотрела за окно, на пробегающие мимо поля, засаженные гречихой, и думала о том, как резко изменилась их жизнь за последние несколько дней. Всеволод всю ночь ждал сообщений от Николаева, звонил ему на мобильный, но комендант не отвечал и не давал о себе знать. Утром пришло известие о поджоге Поселка. Она вспоминала страшное лицо своего мужа, его получасовой ступор, сменившийся стремительными, почти яростными действиями. Они опять ехали куда-то, но на этот раз их маршрут пролегал вдали от горно-алтайского направления. Всеволод обмолвился только что-то про небольшую деревеньку в пригороде Барнаула. Что ждало их там, Анна не знала. Она украдкой посмотрела на мужа: жесткое, решительное лицо, усталый взгляд и какое-то неуловимое напряжение во всем теле. Он почувствовал ее взгляд и, повернувшись, улыбнулся.

- Все нормально будет. Скоро приедем.
- Куда мы направляемся?

Всеволод опять внимательно смотрел на дорогу.

- К одному очень интересному дядечке.

- Что за дядечка?
- Один мой знакомый.
- Он сможет нам чем-то помочь? Санаев неопределенно пожал плечами.
- Возможно. Но кроме него нам точно помочь некому.

Анна развернулась к мужу всем телом, приняв на сиденье грациозную позу.

- Расскажи мне о нем. Кто он?

Всеволод опять улыбнулся своей жене, касаясь своей рукой ее скрещенных рук.

- Он – колдун.

– Колдун? – Анна удивленно изогнула брови, не выпуская руки мужа, поглаживая ее кончиками своих пальцев.

- Настоящий. Меня познакомил с ним Ковров.

При упоминании этого имени в салоне автомобиля возникло неуловимое напряжение.

- А ты не думаешь, что они могут быть связаны?

– Не думаю. Я вообще не хочу думать о том, что Ковров каким-то образом причастен к этой истории. А что касается этого человека... он мне жизнь спас, так что я ему доверяю на все сто. Он близко знал дедушку Коврова. Тот в свою очередь спас жизнь ему. Все слишком завязано в этом сложном мире.

- А почему ты сказал, что он колдун?

- Потому что он колдун.

На обочине дороги показался ларек с дымящимся неподалеку мангалом и двумя пластиковыми столиками. «Тойота» сбавила ход и притормозила неподалеку от придорожного кафе.

– Мы и перекусить-то толком не успели, – Санаев кивнул Анне на забавного шашлычника, ожидающе выглядывающего из-за светло-синего навеса, натянутого вокруг ларька.

– Пойдем, покушаем что-нибудь. А я тебе про Данилыча расскажу. Они спрятались под слабой тенью, отбрасываемой солнцезащитным

зонтом, установленным в самом центре стола. Через пару минут хозяин

закусочной принес им поднос с двумя шашлыками, тарелкой, наполненной всевозможной зеленью, тарелку с хлебом и два стаканчика с холодным зеленым чаем.

– Ты сказал, что он спас тебе жизнь. – Анна медленно жевала сочное горячее мясо, не отрывая заинтересованного взгляда от лица мужа. Ей показалось, что теперь он стал как-то мягче, расслабленнее, словно дорога к этому загадочному человеку снимала с него то избыточное напряжение, которое царило в нем в течение последних дней. Санаев отпил несколько глотков чая и, вытянувшись на стуле, проговорил, полузакрыв глаза:

– Это долгая история. Могу лишь сказать, что у меня возникли очень серьезные проблемы с одним человеком из криминальных кругов. Так вот неприятности светили действительно основательные. Я должен был спрятаться, уехать из города куда-нибудь. Так я и вспомнил про Данилыча. Меня с ним познакомил Макс, сказав, что, когда мне действительно станет трудно, я могу обратиться к нему за помощью. Я всерьез это предложение не воспринял, потому что этот Данилыч оказался на редкость экстравагантным стариком. Он все время смеется, причем самое

неприятное то, что в большинстве случаев он смеется над окружающими. Я даже прозвище ему дал – Шут. Но когда меня прижало, я решил, что мне действительно стало трудно, и вот тогда я вспомнил про этого странного пожилого весельчака и приехал к нему. Он меня пустил без всяких разговоров, и только через неделю я рассказал ему о своих проблемах. И ты представляешь, – Санаев сделал драматическую паузу, – Данилыч попросил, чтобы я поехал в город и вернулся к нему обратно, но уже с этим человеком, который и послужил для меня источником всех моих напрягов. Я посчитал, что он либо сошел с ума, либо просто хочет от меня избавиться, можно сказать, несколько жестким и прямолинейным способом. Мысль о том, чтобы вернуться в Барнаул и встретиться с тем бандитом, была для меня сумасбродной. Тогда Данилыч сам поехал в город и, вернувшись, сказал, что все мои дела улажены и я могу спокойно возвращаться к себе домой. Я тогда покинул его избу, даже не попрощавшись, думал, что это одна из его идиотских шуток. Приехал в Барнаул в обреченном состоянии, а оказалось, что на самом деле все проблемы были решены и ко мне больше не было никаких претензий.

– Сева, что же ты такого сделал, что даже из города сбежал? Санаев улыбнулся жене и неопределенно махнул рукой:

– Да за одного человека заступился и не тому, кому надо, по лицу надавал. Да еще в присутствии его знакомых. Что ты! Что там началось: стрелки, разборки...

– А как же этот, твой Данилыч, урегулировал проблему?

Санаев наклонился поближе к Анне и тихо проговорил, словно опасаясь, что их кто-нибудь мог услышать:

– Мне показалось, что он сам какой-то криминальный авторитет или что-то в этом роде... Во всяком случае, несмотря на свою простоватую внешность, этот дядька далеко не так прост, как хочет казаться. Как выяснилось, он пятнадцать лет в лагерях да на зонах провел. Его оттуда в свое время дед Макса и вытащил. Он же какой-то крупной фигурой был, по-моему, в МГБ. А Данилыч с ним сюда на Алтай впоследствии и приехал и стал ему чем-то вроде телохранителя. Но самый парадокс в том, что он, будучи явно связанным с местным криминалитетом, не зря же такой стаж в лагерях наработал, стал одним из самых близких людей генерала милиции.

– А за что же он в тюрьму попал? – пробормотала Анна озадаченно.

– Да ясное дело, за что: в те годы поводов много было. Да нет, ты не бойся, он не маньяк и не убийца. У Данилыча все было гораздо проще. Он – ЧСИР.

-Кто?

Санаев усмехнулся.

– ЧСИР: Член Семьи Изменника Родины. Можно сказать – политзаключенный. Но и это не все. Самое интересное в том, что он действительно колдун. Традиция древнерусского ведовства, к которой он принадлежит, как-то связана с культурой, которая сейчас, по-моему, у современных исследователей называется «Тропой». Это действительно древняя культура, родившаяся, если я ничего не путаю, где-то в Верхневолжье. «Троповики» считают себя потомками офеней, коробейников, дорожных торговцев, занимавшихся мелкой торговлей с переносных лотков.

Санаев показал руками на лотки с прохладительными напитками, выставленные вдоль дороги, словно проводя некую аналогию.

– Позже коробейники замкнулись в своеобразное профессиональное сообщество со своей культурой и своими законами. Но об этом ты его сама расспросишь, если тебе будет интересно.

А сейчас нужно ехать.

– Конечно, интересно, – пробормотала Анна, допивая холодный чай.

Через несколько минут «Тойота», набирая скорость, исчезла в солнечном мареве, плавающем автостраду подобно индукционной печи.

***

Москва

На панели пульта управления лифта загорелся крохотный зеленый светодиод, и Славин понял, что это включился кондиционер. Это было одной из ключевых составляющих имиджа РИЛБ – Российского информационно-аналитического бюро – комфорт во всем, даже в промежуточных средствах передвижения, таких, как кабины лифта. И это было объяснимо: клиентами бюро были как представители правящей политической и финансовой элиты, так и видные зарубежные гости, для которых комфорт производственного помещения был одним из показателей серьезности и благосостояния организации, с которой приходилось иметь дело. Создатели РИАБ были специалистами по созданию необходимого имиджа, поэтому в отделке здания были использованы самые последние технологические решения.

Раздался мелодичный звонок, лифт остановился, и момент его остановки можно было определить только по этому сигналу, настолько незаметным было его движение по этажам. Пневматика неслышно отворила створку кабины, и Славин вышел в коридор, где рядом с табличками-указателями стоял охранник в цивильном темно-сером костюме. Славин показал ему пропуск, и тот сразу объяснил ему, где находится конференц-зал, где должна была состояться встреча, на которую Славина пригласили неофициальным звонком в его рабочий офис.

В зале уже были люди, и пустовало только одно кресло из четырех, выставленных вокруг изящного стола, на котором напротив каждого кресла был установлен портативный компьютер-«ноутбук». Жалюзи на окнах были полузакрыты, и в помещении стоял приятный прохладный полумрак. Один из сидящих, крупный энергичный мужчина в дорогом костюме, встал и произнес гулким басом:

– А вот и Игорь Борисович приехал.

Головы сидящих синхронно повернулись в сторону вошедшего. А здоровяк провел его к единственному свободному креслу и представил всем остальным:

– Господа, разрешите представить вам Игоря Борисовича Славина, руководителя стратегического Центра информационно-аналитического

обеспечения Федерального Агентства Национальной Безопасности при Совете Безопасности Российской Федерации.

Славин кивнул и сел в мягкое кожаное кресло. Мужчину, представлявшего его, он знал, это был Анатолий Михайлович Мельников, директор РИАБ. Всех остальных он видел в первый раз. Словно уловив его мысли, Мельников обратился к сидевшим.

– Позвольте представить, – он показал рукой на невысокого человека с гладко выбритой головой и пронзительным взглядом цепких серых глаз, – Селиванов Герман Юрьевич, руководитель Информационной Службы Главного Разведывательного Управления.

Селиванов чуть заметно кивнул, внимательно изучая Славина. Мельников продолжал, показывая рукой на второго сидящего мужчину неопределенного возраста, полностью седого, но тем не менее весьма импозантного и энергичного, что ощущалось в каждом его движении.

– Сергей Владимирович Ратников, председатель Межведомственной комиссии по информационно-психологическому обеспечению Совета Безопасности.

Теперь Славин вспомнил, где он видел этого человека. Ратников возглавил только недавно созданную при Собвезе комиссию, в сферу деятельности которой входила координация информационной деятельности силовых структур, МИДа, СМИ и ряда других направлений, игравших в информационном поле России немаловажную роль.

Выполнив формальности, Мельников сел в свое кресло и немного распустил галстук, делая тонкий невербальный намек на окончание официальной части, подразумевающей соблюдение необходимого этикета.

– Теперь господа, когда мы знаем друг друга, я сообщу вам о цели нашей встречи. Дело в том, что я пригласил вас собраться у меня для предварительного обсуждения неких отдельных элементов обширной программы, которая ляжет в основу Доктрины Информационной Безопасности Российской Федерации. Наша встреча не является официальной, и поэтому мы затронем на ней ряд моментов, которые будут несколько выбиваться за границы этой Доктрины, но тем не менее актуальность этих моментов станет для вас очевидна в ходе дальнейшей нашей беседы. Здесь неслучайно собрались специалисты в области информации, потому что основной темой нашего разговора будет разработка большой программы по информационно-психологическому обеспечению национальной безопасности страны. Я имею в виду столь актуальную для Российской Федерации тему, как Информационное противостояние, или, попросту говоря. Информационные войны.

Все присутствующие молча переглянулись между собой. Мельников выдержал небольшую паузу и, окинув собеседников взглядом, произнес:

– Как вы понимаете, несмотря на то, что встреча наша является неофициальной, я имею самые широкие полномочия для ее проведения. Речь также пойдет о психологической безопасности политической элиты страны и геополитической стратегии нашего государства.

***

Белый Яр

Автомобиль медленно катился по узкой тропинке, засаженной с обеих сторон колючими зарослями малины. Она выбивалась из-за невысоких заборчиков, огораживающих основательные деревенские дома, и нависала прямо над пыльной земляной дорогой, единственной в деревне. Санаев вглядывался в буйную зелень, скрывающую за собой жилища, пытаясь разглядеть разыскиваемый дом. Наконец он остановил машину около ажурного забора, выкрашенного в зеленый цвет, и вылез из салона, махнув Анне рукой.

Сад, по которому они шли, был очень аккуратным и ухоженным, несмотря на невероятно обильную растительность. Все было посажено с таким вкусом и расчетом, что казалось, на участке не было обычных грядок, а был только один большой и живой Организм, живущий своей загадочной жизнью: косматый крыжовник плавно переходил в красную смородину, за которой возвышались яблони, груши и ореховые деревья. Пучки моркови удивительно гармонично сочетались с высокими побегами лука и укропа. Облепиха красиво переплеталась светло-зелеными листьями с небольшим вишневым садиком, соседствующим с развесистым кустом жасмина. Все

жило и дополняло друг друга, составляя единую, поразительно красивую композицию, законченную и в то же время постоянно меняющуюся и динамичную.

– Вот это да, – восторженно прошептала Анна, удивленно оглядываясь по сторонам, – сделать такую прелесть из обычного садового участка. Он и вправду колдун!

Санаев, улыбаясь, вел ее к большому деревянному дому, заросшему вьюном и декоративным плющом. Он стоял в березовой роще, укрытый сверху пологом из веток, нависающих прямо над остроконечной крышей с

торчащей из нее белым поленом печной трубой. На открытой веранде, так же плавно переходящей в застекленную разноцветными стеклышками лоджию, их ждал невысокого роста человек. Как показалось Анне, он был еще не стар, столько уверенности и силы было в его коренастой фигурке. Но когда они подошли поближе, то оказалось, что волосы хозяина дома были основательно выбелены сединой, а кожа на лице была выдублена загаром и покрыта тонкой сеточкой морщин. Старик приветливо улыбался им, и Анна поняла, что он их ждал, потому что на нем была ослепительно белая рубашка и светлые брюки, подходившие не для повседневной носки в деревенском быту, а для праздников или встречи гостей.

– Анна, познакомься, это Данилыч, – Сева пожал старику загорелую руку и пропустил вперед жену.

– Данилыч – это отчество, а как ваше имя? – девушка с интересом смотрела на улыбчивого хозяина дома, а тот в свою очередь внимательно разглядывал ее.

– Это не имеет значения, – голос у него был тихий, но низкий, с хрипотцой, наполненный, как показалось Анне, какой-то потаенной глубиной и силой, – для того чтобы привлечь мое внимание или обратиться ко мне, вполне подойдет «Данилыч».

– Всеволод много рассказывал о вас.

Старик как-то ехидно хмыкнул и хитро посмотрел на Санаева.

– Дочка, он не мог рассказать тебе многого просто потому, что равным счетом ничего не знает обо мне.

Санаев смущенно кивнул. А Анна рассмеялась и, хитро прищурившись, прошептала:

– Он мне говорил, что вы колдун.

Данилыч рассмеялся, словно ребенок, хлопнув себя обеими руками по коленям.

– Что ты, красавица, ну посмотри на меня. Какой из меня колдун? Это у Севки страсть такая, везде магию искать. Он мне все мозги с этим колдовством выел. У нас же сейчас мода пошла: как только седой дедок из глухой деревеньки – непременно колдун! Хорошо еще, что соседи эти бредни не слышали, сплетнями да просьбами замотали бы.

– Неправда! – Анна обвела рукой садовый участок. – Такой сад только колдун мог вырастить!

Данилыч просветлел, как будто эта тема была для него одной из наиважнейших и приятных. Было видно, что сад на самом деле является его гордостью.

– Это да! Сад у меня редкий! Каждый листочек своей жизнью живет, каждый кустик. У меня каждое дерево свое имя знает. Я вас потом познакомлю. А пока давайте в дом проходите, что на пороге-то топтаться. Я стол накрыл, сейчас пообедаем с дороги.

Стоило приедем зайти на веранду, как сотни солнечных лучей разного цвета, проникая сквозь мозаику застекленного витража, закружили гостей в калейдоскопе вспыхнувших ярким салютом огней. Приезжие восхищенно смотрели друг на друга, испытывая примерно схожие чувства: покой, жуткий интерес и ощущение чего-то грандиозного впереди. Дом Данилыча напоминал им сказочный дворец доброго волшебника, не доступный для сил зла, безраздельно властвующих за аккуратным, выкрашенным в зеленый цвет забором.

После обеда они сели в уютные плетеные кресла на веранде вокруг небольшого круглого стола, на котором стояли стаканы в старомодных подстаканниках и небольшой стеклянный заварочный чайник, наполненный отваром из листьев смородины, малины, вишни, мяты и жасмина. В ответ на вопрос, что их привело сюда на этот раз, Санаев рассказал хозяину дома обо всех злоключениях, произошедших с ними за последние несколько дней. По ходу его рассказа старик молчал, попивая из граненого стакана горячий ароматный напиток, и задумчиво смотрел на разноцветный витраж, переливающийся на солнце всеми цветами радуги. По его лицу невозможно было отследить его эмоциональную реакцию на услышанное, хотя Анна и пыталась сделать это незаметно. Ее до сих пор не покидала мысль о том, что Данилыч был очень близким знакомым Максима Коврова, который почему-то рисовался ей в воображении не каким-то конкретным человеком, а угрожающим темным силуэтом. Подобное отношение было вызвано скорее всего тем фактом, что она практически ничего не знала о Коврове. Ее беспокоила эта его нелюдимость и то влияние, которое этот человек оказал в свое время на Всеволода и на все движение дуэнеров. И, конечно, налицо была банальная и неуловимая ревность, которую Анна очень тщательно скрывала в себе, пряча ее в самые потаенные области своего сознания.

– Значит, основной его особенностью является возможность создавать наведенные галлюцинации? – задумчиво пробормотал Данилыч.

– Это были не галлюцинации. Он создавал нечто вроде общего сновидения, одного на всех.

– Сновидение? Это интересно. А в твоих снах, Сева, он перевоплощался?

– Да, он постоянно менял обличис. Конечной фазой этих трансформаций было существо, похожее на обезображенного огромного волка. А сегодня под утро мне приснился очень странный сон. Причем это был даже не сон, а именно сновидение, настолько явственно я воспринимал все вокруг, даже малейшие детали. Я был в Поселке. Зброшенные домики были скрыты плотной пеленой тумана. Я заходил в них, но там никого не было. Да и не должно было быть – за день до этого мы эвакуировали всех дуэнеров. Остаться до вечера должен был только один из них – Александр Васильевич Николаев, комендант нашего поселения. Но он не появился вечером в Барнауле, поэтому я почему-то был уверен, что встречу его там, в своем сновидении. С большим трудом я нашел его домик – в тумане практически ничего не было видно, и внутри я действительно обнаружил Николаева. Он сидел ко мне спиной. Я спросил его: почему он не уехал до наступления темноты, а он ответил, что очень хочет встретиться с Адучи. Он попросил меня привести Адучи в Поселок. Все это мне показалось странным, даже несмотря на то, что я осознавал, что нахожусь в сновидении.

– И что ты ему ответил? – Данилыч внимательно слушал дуэнера.

– Я сказал, что не смогу привести Адучи. Тогда Николаев спросил: почему? А я ответил, что вообще не намерен продолжать беседу, потому что он притворяется и что человек, сидящий ко мне спиной, только лишь выдает себя за Николаева.

– Что было дальше? – старик чуть подался вперед, словно проникая своим пронзительным взглядом в сознание Санаева, пытаясь увидеть продолжение этого странного сновидения.

– Он обернулся.

– Кто это был? Оборотень? Санаев кивнул.

– Да, это был тот самый получеловек-полурептилия-полуволок, который так умело менял облики, превращаясь в моих снах в различных персонажей. Он сказал мне, что сожрет нас всех так же, как сожрал до этого троих дуэнеров. Дальше я ничего не помню, потому что проснулся. А через несколько минут раздался звонок. Звонили из Горного Алтая. Поселок сгорел. Николаев исчез.

Данилыч откинулся на спинку плетеного кресла и полузакрыв глаза.

– Три дуэнера пропали... На тебя он нападал... Волк-оборотень... Сновидец... Странная картина получается. У него нет персональной ненависти, он выступает против Клуба. Допустим. Сева, ты подозреваешь Коврова?

Санаев смущенно передернул плечами.

– Не знаю. С одной стороны, это, конечно, глупо, но, с другой... это тоже возможный вариант. Я поэтому и приехал к тебе, Данилыч, чтобы прояснить для себя этот вопрос.

– А что ты хочешь услышать от меня?

– Ты знаешь Коврова с детства. Возможно, даже скорее всего ты в курсе относительно всех нюансов его посвящения в традицию «Тай-Шин». Ты знаешь его возможности и можешь предполагать его мотивы. Скажи откровенно, как ты считаешь, Ковров может быть этим Суггестором?

На веранде стало тихо. С улицы подобно миниатюрному дирижаблю на лоджию залетел огромный шмель и, сделав над столом круг и не найдя ничего соблазнительного, полетел обратно в сад. Данилыч молчал и словно прислушивался к чему-то. Санаев терпеливо ждал ответа на свой вопрос, а Анна напряженно смотрела то на одного, то на другого мужчину, ощущая, как где-то внутри закручивается тревожная пружина ощущения опасности. Наконец Данилыч хмыкнул и, потерев рукой щетинистый подбородок, пробормотал:

– Ты приехал. Сева, узнать про Коврова? Ответ кроется где-то рядом, я чувствую. Мне кажется, мы скоро узнаем, в чем дело, обязательно узнаем...

В его голосе прозвучали какие-то странные нотки, поэтому теперь настало время насторожиться и Санаеву.

– В каком смысле? Данилыч, я что-то не понимаю.

Старик встал и медленно прошелся по веранде, останавливаясь у входа и облокачиваясь о деревянную перегородку.

– Своим страхам. Сева, всегда нужно смотреть в лицо. Только тогда можно прояснить для себя их коварную природу.

Санаев сидел в самом углу веранды, и ему не было видно того, что творилось снаружи, но он видел, как изменилось выражение лица Анны, которая сидела почти напротив выхода на улицу. Озадаченность сменилась испугом, словно его жена увидела призрак в зеленой гуще сада. Она попробовала встать, но ее ноги подломились, и она безвольно упала обратно в кресло. Всеволод вскочил и бросился к выходу, отодвигая рукой ухмыляющегося Данилыча. От калитки по аккуратной каменной дорожке из глубины сада в сопровождении широкоплечего мужчины прямо к домику шел Максим Ковров, собственной персоной.

– Привет честной компании, – Ковров положил на траву у своих ног небольшую дорожную сумку и, улыбаясь, посмотрел на Санаева. – Не ожидал тебя здесь встретить.

– А я – тебя, – хмуро пробормотал Координатор «Ветра», разглядывая Максима.

– Судя по напряженной позе, могу предположить, что тебя что-то очень сильно смущает в моем появлении, – Ковров перевел взгляд сначала на Арамову, затем на Данилыча, приветливо махнув ему рукой.

– Он считает, что ты хочешь его уничтожить, – с детской непосредственностью выпалил Данилыч, разводя руками.

– Елки-метелки, – Ковров переглянулся со своим попутчиком, – и эти туда же. Что-то очень много подозрительных пострадавших от меня стало обнаруживаться в последнее время.

– А кто еще? – нервно спросил Санаев, чтобы хоть как-то сгладить неловкость сложившейся ситуации.

Максим отошел в сторону, пропуская вперед широкоплечего мужчину, который с большим интересом рассматривал окрестности.

– Разрешите представить, Виталий Олегович Филатов. Мой компаньон в одном запутанном деле, которое мы приехали разрешить в Барнауле.

– Я так понял, что Виталий Олегович тоже относится к тебе, Максим, с некоторым недоверием? – Санаев кивнул Филатову, но ни тот, ни другой руки друг другу не подали.

– Напротив, Максим Анатольевич вызывает у меня не только уважение, но и достаточно высокий уровень доверия, будучи экспертом в области, для меня полностью непонятной и загадочной, – Филатов тоже оценил напряжение, царившее в компании собравшихся, и теперь не знал, как себя вести.

– Данилыч, что здесь происходит? – Ковров посмотрел на старика, но тот опять только развел руками, словно снимая с себя всю ответственность за происходящее

– М-да, Виталий Олегович, приехали мы сюда не вовремя. Познакомься, кстати, и ты, вот этот почтенный старик – хозяин этого гостеприимного дома. Ты можешь называть его Данилыч. Вот этот подозрительный молодой человек – Координатор общества «Темный Ветер» Санаев Всеволод Геннадьевич. А вот эту очаровательную особу я, к сожалению, не имею чести знать.

Анна покинула веранду и встала рядом с мужем, внимательно и с интересом разглядывая Максима. В ее взгляде отражалась сложная гамма чувств, выражающая противоречивое отношение к человеку, познакомиться с которым она так сильно желала в течение последних нескольких месяцев.

– Это моя жена – Арамова Анна Вадимовна, – ровным голосом произнес Всеволод и, встретив удивленный взгляд Коврова, кивнул головой, – тебя долго не было, Макс.

– У меня были на то веские причины.

– Предлагаю пройти на веранду и закончить молоть чепуху, – торжественным тоном конферансье ехидно провозгласил Данилыч, переключая на себя внимание собравшихся, – я сейчас затоплю баню, и мы не торопясь выясним причину вашего визита к ничего не понимающему пожилому человеку. Идет?

Все дружно кивнули головой, словно подпадая под очарование этого непосредственного и обаятельного старика, и только Филатов, улыбнувшись, робко произнес:

– А деревенская самогонка сегодня на ужин будет?

Данилыч заверительно выставил перед собой ладони с растопыренными пальцами.

После бани все собравшиеся опять расселись за круглым столом, на котором в одной стороне уже стояли подымливающий самовар, вазочки с вареньем трех сортов и аккуратно нарезанные ломтики хлеба. На другом конце стола расположились бутылка с прозрачным, как вода, самогоном, выставленная персонально для Филатова, бутылка домашнего кваса, маринованные грибочки и огурчики в стеклянной салатнице, а также полная сковорода жареной картошки.

Оглядев присутствующих, со своего места поднялся Данилыч. По его манере поведения невозможно было понять, то ли он паясничает, то ли, наоборот, относится к ситуации чересчур серьезно. Максим и Всеволод предполагали первое, гости, видевшие старика впервые, склонялись ко второй версии.

– Молодежь! Так как сами вы разобраться в своих взаимоотношениях не в состоянии, вы приехали ко мне. И правильно сделали...

Максим еле сдерживал улыбку, наблюдая, как, тщательно и тонко подбирая комическую манеру «серьезности», хозяин дома пытается сыграть роль «крестного отца», примиряющего враждующих между собой глав преступных синдикатов. Это на самом деле было забавно, и старик делал это неслучайно: тема предстоящей беседы была слишком насыщена негативным динамизмом. Данилыч, как всегда, пытался снять напряжение, посмотреть на ситуацию со стороны, развеять настороженность и удрученность. Это был его «фирменный стиль», унаследованный, вероятно, от традиции «троповых стариков» – офеней – лицедеев и скоморохов.

– Собрались здесь люди посвященные, условно доверяющие друг другу, поэтому я предлагаю не сидеть и не зырить друг на друга хитрыми глазами, а изложить суть проблемы и попытаться понять, в чем ее причина. Виталику предлагаю попробовать моей самогонки, все остальным – кваса. А Всеволоду нужно рассказать нам о своих сомнениях и тех напастях, которые имели место быть.

Санаев в который уже раз озвучил вслух всю хронологию событий, произошедших с членами «Темного Ветра» за последние несколько дней. Затем историю с «наездом» на «СИУС» рассказал Филатов. В подтверждение своих слов он достал из внутреннего кармана легкого пиджака, висевшего на спинке стула, свернутый втрое лист, на котором был изображен таинственный символ, приведший в свое время в замешательство Коврова.

Факс прошелся по кругу. Минуту Максима, злополучная бумага задержалась ненадолго в руках Анны, затем перешла к Санаеву, который даже покрутил ее на триста шестьдесят градусов, а затем легла на стол перед Данилычем, который не стал брать ее в руки, но очень внимательно изучил.

– Мне кажется очевидным тот факт, что кто-то объявил войну «Темному Ветру», – Санаев налил себе прохладного темного кваса в стеклянный стакан и, с наслаждением отпив, оглядел собравшихся за столом. – Смотрите: этот некто, заметьте, обладающий сверхъестественными возможностями, продемонстрировал свои силы на Поселке дуэнеров. Судьба трех человек до сих пор неизвестна. Поселок покинут и сожжен. Второе – этот некто пытался атаковать и меня, человека, возглавляющего «Ветер». Затем Новосибирск. Как только Максим устраивается на работу в крупную торговую компанию, на нее начинаются нападки неизвестных людей, осевших в Барнауле и игнорирующих силовой потенциал такой большой и наверняка всесторонне защищенной организации.

Филатов, наливший себе самогона в рюмку, нацепил на вилку маленький скользкий грибок и, отсалютовав Санаеву стопкой, смачно выпил, закусывая.

– Я сомневаюсь, что люди или человек, владеющий подобными возможностями, был настолько глуп, чтобы ввязываться в подобную авантюру. Скорее всего это говорит в подтверждение того факта, что злоумышленник не только уверен в своих силах, но и действительно обладает силами, значительно превосходящими уровень обычного человека или организации. И то, что он не отметил напрямую по отношению к Максиму, говорит о его стратегической дальновидности: сопоставить личность барнаульца Коврова и барнаульский след после «наезда» будет очевидным шагом. И если решительных мер, в силу возможной тупости руководства, к Коврову никто не применит, то уж нервы потреплют и выставят ко всем чертям из Новосибирска.

– Это ему и нужно, – тихо проговорила Анна, и все присутствующие повернули к ней головы. – Смотрите, здесь же все очевидно: Ковров сбежал в Новосибирск, а кто-то, ожидающий его в Барнауле, хочет вернуть его назад. Уж для чего, не знаю. Но вполне возможно, что и не из самых дурных побуждений. Ведь этот кто-то еще ничего кошмарного и не сделал. Судьба исчезнувших дуэнеров неизвестна, а может быть, они живы и здоровы? Поселок сгорел – но там оставался Николаев, и пожар мог быть следствием его случайных действий. Атаки на Севу, но ведь он не пострадал – испугался, но не пострадал! «Темный Вегер» подвергся нападению, и это неплохой повод сыграть на чувстве долга Максима и создать дополнительный повод для его возвращения. «Наезд» на «СИУС», факс, а смотрите, какой эффект – Коврова действительно «высылают» обратно в Барнаул. Кто-то добился своего, проведя беспрецедентный спектакль. Но если этот кто-то никому всерьез не причинил вреда, может быть, стоит задуматься, кому выгодно, чтобы тайшин Адучи вернулся в Барнаул? Может быть, это кто-то из тех, кто мог остаться, чтобы направлять или ограничивать дальнейшее развитие ИТУ-ТАЙ?

Все замолчали, обдумывая эту неожиданную версию. Молчание нарушил внезапно посерьезневший после изучения факса Данилыч:

– Судить-рядить можно сколько угодно. Но выяснить причину возможно только единственным способом. Сева говорил, что этот злоумышленник прячется в сновидениях. А если это так, мы сделаем ему небольшой сюрприз. Мы отправимся в его мир, найдем его там и узнаем: кто он и какими намерениями живет.

– Вы хотите искать его во сне? – Филатов скептически посмотрел на старика, отсалютовал ему очередной наполненной стопкой самогона и выпил.

– Он не ожидает, что мы можем появиться там, а следовательно, он неподготовлен, – Данилыч открыл краник самовара, и в подставленный стакан тонкой струйкой побежал кипяток.

– А как вы планируете его там искать, если мы даже приблизительно не знаем, кто он такой? – спросила Анна.

Данилыч усмехнулся ей и, добавив в стакан густой заварки, пробормотал:

– Приблизительно, говоришь? Приблизительно-то, может, и знаем, но вот наверняка... Мы знаем, где он обитает, и соответственно круг поисков значительно сужается.

– Обитает? Вы имеете в виду Барнаул?

Данилыч кивнул девушке и, поставив стакан на стол, значительно произнес:

– Он не будет бегать от нас, наоборот, он будет искать с нами встречи. Но он планирует ее в мире известного, в мире, где глаза и уши очень легко ввести в заблуждение. Поэтому стоит нам

оказаться на изнанке Барнаула, как этот таинственный некто непременно сам обнаружит себя.

– А что значит оказаться на изнанке Барнаула? – удивленно спросил Филатов.

– Вы увидите это завтра. А вам, Виталий, чтобы пойти с нами, нужно отказаться от следующей стопки этого чудного напитка.

Филатов понимающе кивнул и с видимым сожалением отодвинул от себя рюмку и протянул руку к бутылке с квасом.

***

Барнаул

Чох стремительно шел по вечерним улицам города, все дальше и дальше заходя в старый район, где было мало электрического света и мрачные тени вили по углам переулков угрожающие гнезда, наполненные флюидами опасности. В темное время суток старый город превращался в угрожающее сплетение улочек и дворов, где пьяный хулиган был чуть ли не меньшим из зол, которое могло встретиться на пути у прохожего. Но Чоха не пугали ни дикие бродячие собаки, стаями скитавшиеся по окрестностям, ни малолетние банды, подобно корсарам выискивающие легкую добычу в темноте, ни более взрослые грабители, изобилующие в этих неблагоприятных местах, именуемых при свете дня старозастроем. Чох не боялся быть ни ограбленным, ни убитым, его вообще не пугала смерть, потому что он сам был смертью. Он так много имел дел с потусторонним миром, что для него стерлись четкие границы между смертью и жизнью, явью и сном.

Как-то ему на глаза попала старинная гравюра из древней азиатской усыпальницы. На ней были изображены «агышары» – жрецы смерти, люди, наполовину созданные из иной материальности. Один из этих мифических существ был невероятно похож на Чоха. И вот тогда он понял, что ничего случайного в этом мире не бывает. Что сложная паутина Жизни сплетает в узлы пространства и времени, людей и события, страны и города. В азиатском мире это называется кармой. Он понял, что этой невидимой рукой был введом и он с момента рождения и до настоящей секунды, от ритуала Посвящения и до скончания веков.

Чох внезапно упал на колени и завыл, словно волк, на скрытую за плотной пеленой облаков луну, изливая ей свою невероятную тоску, природа которой была ему неизвестна. Но его вой даже отдаленно не напоминал волчий. Да и не мог, потому что и волчий, и человеческий миры были для него чужими. Он был рожден словно в насмешку над теми и над другими. Сын демона и ведьмы, словно и не человек вовсе, а упырь, волкодлак.

В ближайших ломах сразу же погас свет, и задернулись занавески на окнах. Его крик разошелся по извилистым и пустынным улочкам подобно вою голодного зверя. Чох действительно был голоден. Он даже не понял, что заставило его поступить подобным образом: невероятный голод или боль душевных терзаний, не прекращающихся уже давно.

«Скоро. Скоро. Уже совсем скоро все это закончится». Его голову в такие моменты раздирали на части невыносимая пульсирующая боль, свидетельствующая о серьезном поражении головного мозга. Но Чох был уверен, что успеет исполнить свое предназначение и выполнить самый сложный в своей жизни маневр – с помощью

Ургачимиду или без них выйти за обусловленные границы своего тела и стать бесплотным духом, чистым сознанием, не обремененным этим невероятно сильным, но проклятым физическим телом. Чох поднял руку на уровень лица и внимательно осмотрел ее. Проклятием были пронизаны кожа и кровь, оно пропитало каждую клеточку его тела.

«Уже совсем скоро».

Чох встал на ноги и пошел дальше. Чтобы подготовиться к последнему поединку, ему нужно быть в форме, нужно хорошо питаться. И если раньше он крайне редко прибегал к человеческому мясу, несколько последних недель словно полностью изменили его метаболизм, будто подгоняя к финальному ритуалу всеми доступными способами. Чох уже не мог ничем утолить свой невероятный голод, кроме человечины. Упырь. Но, чтобы раньше времени не всколыхнуть свои охотничьи угодья, он не убивал обычных граждан. В темное время суток его добычей становились местные бомжи и заблудившиеся алкаши. Этих не будут искать ни родственники, ни милиция. И хотя сама органика этих деградирующих существ была изрядно подпорчена. Чоха это не смущало. Белковая основа была необходима для поддержания проклятого тела, которое он скоро планировал оставить. Тогда как его чистый дух питался излучениями смерти, которые не были подвержены туберкулезу, сифилису или раку. А это значило, что в пищу годилось любое человеческое существо, инстинктивно боящееся смерти: основную дозу некротической энергии организм выделял за несколько секунд до смерти, на волне последней агонии.

Чох замер на месте и прислушался. Его чуткий слух уловил в нескольких десятках метров какой-то звук. Судя по неуверенному шарканью ног, жертва была изрядно пьяна. Чох сделал несколько шагов назад, отойдя в пространство, не освещаемое светом фонаря, одиноко стоявшего невдалеке. Тени приняли агышара, словно он был их неотъемлемой частью, их продолжением.

Жертва мерила шаги до места своего последнего вздоха, а Чох мучительно боролся с болью в голове, твердя про себя словно заклинание: «Скоро. Скоро. Азя...»

***

Белый Яр

Солнце уже поднялось довольно высоко над линией горизонта, когда от небольшого, скрытого за сплошной стеной цветущей зелени домика отъехал один автомобиль, черный «Мерседес» Филатова. Через двадцать минут он выехал на пыльную автомагистраль и помчался по направлению к Барнаулу. Но, несмотря на стремительное движение иномарки вперед, время для участников этой экспедиции закрутилось вспять, возвращая их в темное, исполненное хитросплетениями судьбы прошлое.

«Воин света не всегда может сам избрать себе поле битвы.

Порой его захватывают врасплох, и он оказывается в самом преддверии боя, которого не желал, но в таких случаях он не пытается бежать, ибо знает – такие бои будут следовать за ним повсюду.

И вот когда схватка уже почти неизбежна, воин вступает со своим противником в беседу. Не выказывая ни страха, ни робости, пытается он узнать причину, по которой тот пожелал сразиться с ним, что заставило того покинуть родную деревню и искать с ним встречи на поединке. Не обнажая меча, воин убеждает противника – это не его бой.

Воин света выслушивает все, что захочет высказать ему его противник. Он вступит с ним в противоборство, только если это будет необходимо».

Пауло Коэльо

«Книга воина света»

Туан пришел в себя и сразу увидел небо. Ночь уже сменилась днем, и в глубокой синеве небосвода светило яркое и теплое солнце. Туан сделал несколько слабых телодвижений, но тело не слушалось его, словно зависнув в воздухе между небом и землей, лишившись рук, ног и даже головы. Небо вверху заколыхалось из стороны в сторону, и Тэнг понял, что он действительно висит над землей, но не в свободном парении, а будучи связанным подобно охотничьей добыче. Он дернулся еще раз, но облегчения это не принесло: руки и ноги были обмотаны прочной веревкой и привязаны к двум толстым кольям, вкопанным в землю.

Где-то внизу раздался знакомый смешок. Юрг. Туан вспомнил последние мгновения, предшествующие беспомощности, и его сердце сжалось от ужаса.

– Тебя опять пугает несносный старик? Не бойся. Я больше не причиню тебе вреда. Мне необходимо было показать тебе твою слабость. Ведь я – старый охотник, но у меня хватило сил, чтобы победить одного из Тэнгов, о тайном воинском искусстве которых ходят легенды. Но если я победил тебя, что же тогда говорить о сотнях воинов: и людях, и нелюдях, которые рыскают повсюду в поисках «серого монаха». Наемники меня мало беспокоят, несмотря на то, что они – подготовленные воины, они всего лишь навсего люди. Я же говорил, что слухи в тайге распространяются стремительно. Согласно одному из них, за «серым монахом» охотятся более страшные существа, нежели наймиты. Ты знаешь, о ком я говорю.

Туан больше не пытался вырваться из цепких веревочных пут – охотник знал толк в обездвиживании своих жертв – он просто висел, отрешенно уставившись взглядом в синее небо, и молчал.

– Да, я чувствую, ты знаешь, о ком я говорю. Шалоты...

Туан закрыл глаза. Огромное небо в вышине померкло. Шалоты. Их боятся далее сами Ургуды, подземные люди.

– И ты знаешь, почему. Духи-убийцы, скрестившие себя с мертвыми телами погибших и захороненных в земле воинов. От этих спастись невозможно. Они настигнут тебя, где бы ты ни был: и на земле, и под землей.

Туан почувствовал, что веревки ослабли, и он падает вниз, на мягкую траву. Рядом, присев на полусогнутых ногах, замер охотник, укутанный в накидку, сшитую из рысьих шкур. В его руке нож, которым он перерезал веревки.

– Не пытайся больше сражаться со мной, иначе мне опять придется привязать тебя.

Туан кивает. Юрг внушает ему ужас, но в его облике нет угрозы, значит, еще есть надежда на спасение.

– Ты думаешь, как убежать отсюда? – Юрг смеется. От него невозможно спрятать даже свои помыслы. – Некуда Нет на этой земле безопасного места для тех, кто противостоит Ситанам.

– Ты один из них?

– Я? Почему ты так решил?

– Ты знаешь обо мне, ты знаешь о подземном человечестве. Обычный охотник, живущий в глуши, не может столько знать.

Юрг усмехается.

– Значит, я – не обычный охотник.

Он помогает Туану встать и ведет его за собой к неизменному костру, мирно полыхающему

на том же месте. Словно ничего и не произошло с того момента, когда Туан пытался убежать в ночную тайгу.

– Садись. Тебе нужны силы, чтобы выполнить то, что ты намереваешься совершить.

– Откуда ты знаешь, что я намереваюсь совершить? Юрг показывает на огонь.

– Смотри, когда ты подсаживаешься к костру, пламя начинает гореть ярче. Если твою ношу может почувствовать огонь, почему ее не может почувствовать охотник?

Туан инстинктивно ощупывает спрятанную за поясом вещь. Юрг следит за его движением с неизменной улыбкой. Казалось, что его веселит каждое действие молодого Тэнга.

– Если бы Он был мне нужен, я бы забрал Его у тебя, когда ты был в беспамятстве. Но Он не принадлежит мне, потому что именно ты призван охранять Его.

– Ты знаешь, что спрятано у меня под поясом?

– Знаю. Если бы я был обычным охотником, я бы не придавал этому никакого значения. Ты, наверное, так и подумал, когда пришел в себя и обнаружил свою ношу нетронутой?

– Это мой талисман. Поэтому он так мне дорог. Юрг укоризненно мотает головой.

– Ты упорный и скрытный баран, но, может быть, именно это качество и помогало тебе до сих пор в твоих злоключениях. Безусловно, это талисман. Но это не твой талисман. Это один из береговых символов Срединного мира Это – ключ от Ворот в Нижний мир. и именно поэтому Ургуды так заинтересованы в его обретении. Веками он передавался от одних Хранителей другим. Его последнее местонахождение – Храм Сумерек, построенный в непроходимых горах. Именно там Тэнги, воины Серого Будды, обеспечивали его сохранность. А он помогал им удерживать под землей то, что развивалось там на протяжении веков, противопоставляя себя людям. Но случилось непоправимое – Ургуды каким-то образом выбрались на свободу и напали на Храм. Ты хочешь узнать, как им это удалось?

Туан уже не имел сил даже для испуга. Он молча сидел у огня и заворуженно смотрел на невысокого лесного охотника, опирающегося на свой грубо тесанный посох. Юрг кивнул Тэнгу на небо.

– Близится время Темного Солнца. А в это время Ворота во всех трех мирах открываются. И двери подземного мира, сдерживающие Зло, тоже будут приоткрыты. Они уже сейчас приоткрылись, и демоны тут же воспользовались этой возможностью. Но им мало этого. Им нужен Курмин – Камень Грома и Молний. С помощью него они смогут распахнуть настезь ворота своего мира, и тогда случится страшное: огромное войско ужасных существ, возглавляемое Стальным Воином, выйдет на поверхность земли, уничтожая здесь все живое. Вот это будет настоящий кошмар.

Туан борется с удушающим комом в горле, мешающим говорить:

– Откуда... Откуда ты знаешь?... Юрг задумчиво смотрит на костер.

– У меня есть лес, у меня есть звери и птицы. Они приносят ко мне самые невероятные слухи. А я сижу здесь, у огня, и знаю все, что хочу узнать.

– Что это за войско?

– Это Ур, подземные люди, возглавляемые Черным Каганом.

– Ты... отпустишь меня?

– Отпустить? Я тебя не держу. Я просто хотел, чтобы ты понял ту ответственность, которая висит над тобой. Ты же понимаешь, что случится, если Ургуды завладеют Курмином?

– Что мне делать? Юрг пожал плечами.

– Я не могу указывать тебе твой путь Он открыт для тебя на все четыре стороны. Ты предупрежден об опасностях, подстерегающих тебя, поэтому ты можешь выбирать.

– Я могу остаться здесь?

– Ты думаешь, Ургуды не найдут тебя здесь? Или ты полагаешь, что старый Юрг может защитить тебя от них?

Туан обреченно вздохнул и посмотрел вверх

– Мне некуда идти. Они везде. Жаль, что я и вправду никогда не смогу стать птицей.

Юрг издал какой-то тонкий горловой звук, и через мгновение к нему на плечо спикировал откуда-то большой пестрокрылый сокол.

– Человек не может стать птицей, потому что он не может победить Землю, удерживающую его. Победи Землю и ты станешь свободным.

Туан недоуменно посмотрел на старика, одной рукой поглаживающего птицу по крылу.

– Победить Землю – это значит победить подземных властителей – Ситанов?

Юрг смеется.

– Нет, мальчик, тебе не под силу справиться с Айказар. Победить Землю означает победить свой страх.

Он встал и движением плеча отправил сокола в поднебесье.

– А сделать это можно только умерев.

– Юрг, я не понимаю тебя. Ты говоришь непонятно. Старик мягко смотрит на Туана, опираясь на свой посох:

– Для того чтобы умереть, необязательно истечь кровью или быть зарытым под землю. Это сложно объяснить, но очень просто сделать.

– Ты уже умирал? – Да. И я, и мой сын...

– У тебя есть сын?

Юрг закрыл глаза, словно вспоминая что-то давно забытое, но необычайно приятное.

– Да, у меня был сын. Такой же молодой и смелый, как ты. Однажды он решил бросить вызов Земле и отправился в тайгу. Он хотел найти там Силу Волка. Не спрашивай меня, что это, я не смогу ответить тебе на этот вопрос.

Юрг открыл глаза и стал смотреть вдаль, на остроконечные верхушки деревьев, выстроившихся сплошным частоколом вокруг поляны, на которой стояло жилище старого охотника.

– А что с ним стало? Он нашел эту силу?

– Лес поглотил его.

– Он погиб?

– В каком-то смысле, да. Тот человек, которого я знал, погиб.

– Как это?

– Он перестал существовать как человек.

- А кем же он стал?
- Тенью.оборотнем. Свободным духом, освободившимся от унижительных пут рабства.

Юрг посмотрел Туану прямо в глаза и тихо произнес:

- Он стал тайшином...

***

Барнаул

Уже смеркалось, и над Барнаулом загорелось оранжевыми сполохами фиолетовое небо, покрытое серебристой рябью редких облаков. В салоне «Мерседеса», припаркованного на обочине Красноармейского проспекта, было тесно: здесь собрались все участники этой странной экспедиции. На передних сиденьях разместились Филатов и Ковров, а на заднем сиденье, прижавшись друг к другу, сидели Данилыч, Санаев и Арамова.

- И как вы себе это представляете? – Всеволод скосил взгляд в сторону старика. – Где мы будем погружаться в сновидение? В этом автомобиле?

Данилыч, явно перегибая палку, захихикал, подражая какому-то комическому персонажу и делая это излишне гаденько.

- А что, в «мерсе» я еще ни разу не погружался.

Санаев нахмурился и стал разглядывать невысокий монолит Демидовского столба, возвышающегося неподалеку от места парковки, в зарослях темно-зеленых кустов.

- Сева, я разве говорил, что мы будем спать?

- А что, разве в сновидение можно войти другим способом?

– Извини меня, Всеволод, я, наверное, действительно не совсем правильно выразился. Мы не будем погружаться в сновидение в привычном для вас смысле этого слова. Мы отправимся на изнанку города Барнаула, и это состояние будет очень сильно напоминать сновидение.

С переднего сиденья назад, через рукоятку коробки передач, перегнулся Филатов.

- Уважаемые, изъяснитесь, пожалуйста, более доступно. Я, например, вообще не понимаю, как можно отправиться на изнанку города. Вы имеете в виду неблагоприятные районы, социальное дно?

Данилыч вежливо кивнул ему.

- В некотором роде. Скорее всего, этот наш таинственный незнакомец скрывается именно в старой части города, где уровень правопорядка и благосостояния может быть действительно снижен. Но мы отправимся именно на изнанку города, в его Тень, или, если угодно, в параллельный Барнаул, который находится за гранью видимого города. Доступно?

Филатов переглянулся с Ковровым, но тот был совершенно серьезен, что означало, что хоть старик и позволяет себе некоторые перегибы в общении, все, что он говорит, следует понимать буквально.

- Я хотел бы, чтобы вы обрисовали мне технологию нашей отправки. Как это будет

выглядеть? Вы что, знаете особые места, через которые можно проникать в эти параллельные пространства?

Данилыч сделал нарочито загадочное лицо.

– Я вам все позже покажу. Объяснения тут не годятся. Можно только показать, я покажу. А места действительно есть. Интересные места, хочу я вас заверить. И именно поэтому наша экспедиция отправляется в старую часть города. Здесь располагаются точки разрыва. Попросту говоря, лазейки в иной мир. Как только стемнеет окончательно, мы отправимся туда.

Анна чуть приоткрыла тонированное стекло автомобиля, и в салон сразу же потек тонкой струйкой свежий вечерний воздух улицы.

– А что мы будем делать, если вдруг найдем его? Все присутствующие посмотрели на Данилыча.

– Не знаю. Это будет зависеть от того, какие намерения он имеет в отношении нас и как поведет себя. Предполагать что-то сейчас бессмысленно.

Санаев поежился словно от вечерней прохлады, но было видно, что он сильно нервничает.

– А может, есть смысл подождать.

– Чего подождать?

– Ну, подготовиться. Провести рекогносцировку. А то как-то это слишком необдуманно, по-моему: собрались, сели, поехали искать неведомо кого. Не зная, действительно, ни его способностей, ни его намерений в отношении нас.

Ковров повернулся с переднего сиденья и веско произнес:

– Сева, по-моему, этот некто уже продемонстрировал свои намерения по отношению к тебе. О какой подготовке идет речь? Данилыч прав: мы должны использовать фактор неожиданности. Мы найдем его, еще пока не знаю, как, но найдем. И вот тогда придется действовать по обстоятельствам.

Данилыч чуть подался вперед, поднимая вверх указательный палец:

– Да, хочу вас предупредить: ни в каком случае не расходитесь в разные стороны. Порознь мы станем для него отличной мишенью. Все передвижения только вместе. Тогда у нас есть шанс не только выяснить для себя его личность, но и оказать сопротивление в случае его агрессии. Повторяю – только вместе! И делайте все, что я буду вам говорить. Без меня вы можете остаться в этом мире навсегда.

Они стояли около Демидовского столба, думая каждый о своем и ожидая, когда сумерки пропитают воздух прохладной темнотой.

– Что, ритуалы будем делать какие-нибудь или как? – Филатов, как всегда, с интересом осматривал окрестности. Его реплику игнорировали.

Санаев с Анной отошли чуть в сторону и теперь негромко переговаривались друг с другом.

– Сева, по-моему, это безумие. У нас ведь даже оружия нет. Мы что, подушками его закидаем, а потом в милицию сдадим?

– Анна, нас тут трое взрослых здоровых мужиков. Что-нибудь придумаем.

– Сева, я боюсь.

– Не бойся. Мы с ним справимся, если, конечно, найдем. Вон, посмотри на этого бугая Филатова. Явно боец какой-нибудь. У него шея, как у меня бедро. А Макс, он же тайшин. Это целая воинская наука. Он мне как-то рассказывал про «взгляд Волка». С помощью специальной техники тайшины могли воздействовать на своего противника силой своего взгляда. Они фокусировали в глазах свою силу и подобно лезвию клинка или лучу лазера прожигали энергетическую оболочку врага, который погибал либо сразу, либо через несколько дней от невыясненной причины. Какое-то подобие «сглаза», но только более мощное.

– Ты думаешь, он им владеет, этим искусством?

– Не знаю. Но в любом случае тебе не стоит так бояться этого похода. Я не знаю, что там задумал этот безумный старикан, но мне, если честно, даже и не терпится побывать на изнанке Барнаула. Я когда-то слышал про эфирный Барнаул от Макса, но не думал, что когда-нибудь побываю там в своем физическом теле. Да и Суггестор этот мне действует на нервы. Нет ничего хуже неизвестности, тут Макс прав.

– Эй, молодежь, нам пора, – Данилыч негромко хлопнул в ладоши, собирая разбредшихся по парку участников экспедиции.

– Данилыч, а может, Анна останется и подождет нас в автомобиле? – Санаев кивнул на девушку.

– Нет. В машине она будет в гораздо большей опасности, нежели чем в группе. В автомобиле он найдет ее без труда. Все, хватит болтать. Пойдемте. У нас немного времени.

Через несколько минут никого в парке уже не было. Сновидцы скрылись в одной из улочек, которая повела их в направлении частного сектора, расположенного рядом с устьем Барнаулки, небольшой и изрядно загаженной речки с замусоренными берегами.

***

Москва

Так называемая неофициальная беседа руководителей ключевых информационных служб страны затянулась на несколько часов, и собравшимся наконец предложили кофе, чай и легкие десерты, принесенные в смежную с конференц-залом комнату отдыха. После небольшого перерыва все присутствующие вернулись на свои места перед призрачными экранами «ноутбуков».

– Давайте вернемся к теме нашего разговора, – Мельников по-прежнему выполнял роль организатора, координируя направление беседы, – Герман Юрьевич, вы полагаете, угроза США в мировой информационной среде действительно столь очевидна?

Селиванов провел рукой по гладкой поверхности стола и хмуро кивнул.

– Очевиден тот факт, что именно США доминируют сейчас в мировом информационном пространстве. Очевиден тот факт, что США осуществляется мощное негативное информационное воздействие на зарубежные страны при глобальной защите собственной информационной среды. Ключевые позиции в управлении данной доктриной занимают Совет национальной безопасности и ЮСИА – информационное агентство, созданное в пятьдесят третьем году в США в качестве самостоятельного федерального агентства в составе

исполнительной ветви власти государства. Между прочим, любопытен тот факт, – Селиванов поднял вверх указательный палец, – что с момента своего основания информация ЮСИА адресуется только зарубежной аудитории, так как существует ряд законодательных документов, предписывающих запрещение информационного воздействия на население Соединенных Штатов. Что же касается серьезного отношения к информационным войнам руководителей Пентагона, то в его пользу говорит уже то, что, начиная с середины 90-х годов, в США проводятся всевозможные научные конференции и брифинги по информационному противостоянию с участием авторитетных специалистов в данной области. В 98-м году была издана «Доктрина проведения информационных операций», в которых предусматривается возможность проведения наступательных, заметьте, не оборонительных, а наступательных операций не только в военное, но и в мирное время. Уже сейчас США создают крупные центры информационного воздействия на мировую информационно-психологическую среду. Все вышесказанное подтверждает актуальность создания российских альтернативных служб в данной области. В связи с этим я хочу предложить краткую тезисную программу по созданию Центра стратегических информационно-психологических исследований.

Он показал на экраны компьютеров, где высветилась структура предлагаемой им организации. После пятиминутного изучения материалов вопрос задал Славин:

– Герман Юрьевич, я так понимаю, что Центр должен вести информационное геополитическое противоборство на всех уровнях?

Селиванов кивнул.

– Безусловно. Деятельность Центра предусматривает комплекс мероприятий как по информационному воздействию, так и по информационному противодействию.

– А мне все же кажется, что мы должны копнуть несколько глубже, – Ратников откинулся на спинку кресла и оглядел собеседников, – мы должны определить для себя глубинную причину США к столь агрессивной информационной политике.

– По-моему, здесь как раз все ясно. Они стали заложниками своих имперских амбиций, – Селиванов налил себе минеральной воды и, слегка пригубив, поставил фужер рядом с клавиатурой «ноутбука». – Они вступили в фазу так называемой «инерции мирового господства», которая затягивает их подобно воронке все глубже и глубже на дно полного краха и разложения.

– Вы думаете, распад США неминуем? – Ратников заинтересованно посмотрел на директора информационной службы ГРУ.

– Для меня – да. Согласно моим предположениям, которые подтверждаются некоторыми объективными данными, распад США произойдет примерно уже в 2010 году.

– Почему именно па дата? – Ратников удивленно вскинул брови. Было видно, что беседа заинтересовала его и он пытается максимально разговорить сдержанного Селиванова.

– Это данные моих аналитических изысканий, но парадокс заключается в том, что они совпадают даже с изысканиями некоторых американских исследователей данной проблемы.

– Чем же вы все-таки мотивируете столь быстрый регресс?

– Как минимум тремя обстоятельствами. – Герман Юрьевич посмотрел на Мельникова, но тот тоже заинтересованно следил за ходом беседы и поэтому утвердительно кивнул, давая понять, что мнение эксперта разведуправления имеет значение для обсуждаемой ими темы. – Во-первых, очевидно теперь уже даже для самих американцев, что общество США находится на грани психологической катастрофы. Налицо полная психологическая деградация как молодого,

так и старшего поколения. Причем имеет место тенденция геометрического роста регресса. Во-вторых, Америка попала в экономическую петлю внешнего и внутреннего долга. С каждым годом эта петля затягивается, и именно этим обусловлена геополитическая стратегия США, которая оправдывает свою агрессивную захватническую политику всевозможными причинами, которые при серьезном и взвешенном подходе не выдерживают никакой критики. В-третьих, стремление США к глобальному мировому господству уже сейчас встречает нарастающее сопротивление в мире. И вполне возможно, что, пытаясь оправдать свою политику поэтапного мирового захвата, американцы сымитируют какой-нибудь террористический акт, угрожающий национальным интересам Америки. Это и есть так называемая «инерция», когда они не могут поступить по-иному, но в то же время их действия повлекут за собой еще большее организованное противостояние их реальным и потенциальным жертвам. Например, оппозицию объединенного мусульманского мира. Поэтому тому Америка приложит сейчас максимум усилий для того, чтобы изолировать Россию от возможных геополитических союзов. И именно поэтому именно сейчас нам так важно разработать Доктрину информационного взаимодействия и на основе этой стратегии приступить к выстраиванию отношений с нашими потенциальными геополитическими партнерами. Иначе мы обречены! «Инерция» США рано или поздно вынудит их к открытому противостоянию с Россией.

– Вы считаете, что наши отношения с Америкой бесперспективны в любом случае? – Ратников не сводил глаз с Селиванова, будто излагаемая тем информация перекликалась с какими-то его изысканиями.

– На мой взгляд, да! Исторически, геополитически, метаисторически, в конце концов, Россия и США будут извечными противниками.

Ратников удовлетворенно кивнул.

– Спасибо, Герман Юрьевич, именно это я и хотел услышать от вас. Уже сам факт того, что вы затронули метаисторию, говорит о том, что вы – интересный собеседник и мне будет интересно задать вам пару вопросов после нашего заседания.

– Господа, у нас еще будет масса времени поговорить друг с другом и в официальной, и в неофициальной обстановке. Давайте не будем отвлекаться и послушаем нашего уважаемого Игоря Борисовича. Насколько я знаю, у него тоже имеется свой, весьма нетривиальный взгляд на проблему интеграции информационного пространства Евразии.

Славин достал из портфеля крохотный лазерный диск и вставил его в CD-Room «ноутбука».

– Да, действительно, я создал программу возможной консолидации азиатской и европейской информационной инфраструктуры в Единое информационное сообщество при соблюдении интересов и более того, при ведущей роли в этом процессе России.

Селиванов удивленно присвистнул, а Ратников посмотрел на Мельникова, словно подтверждая обещанную тем интереснейшую встречу с интереснейшими людьми.

***

Барнаул

Уютные деревянные домики с красивыми резными калитками сменялись на полузаброшенные или совсем заброшенные лачуги, настороженно взирающие на прохожих черными глазницами выбитых окон. То здесь, то там хрипло завывали

собаки, предупреждая о своем наличии и злобном нраве С некоторых дворики тянуло легким дымком.

Экспедиция двигалась по улицам клином, острый угол которого представлял Данилыч. Слева от него шли Ковров и Филатов, справа – Арамова и Санаев. Старик уверенно вел их вперед, словно дорога была ему знакома. С улиц они сворачивали в переулки, затем пересекали угрюмые проходные дворы и снова выходили на улочки, лишенные прохожих.

Первое время Ковров ориентировался на местности по освещенным куполам Покровского собора, но скоро и они исчезли, и Максим понял, что зашли они действительно далеко в старый город. Парадоксальным был тот факт, что Максим очень много времени бродил когда-то по этим стареньким улочкам, но сейчас он с изумлением смотрел на незнакомые очертания домов и странные названия, не слышанные им ни разу. Филатов был внешне спокоен и уверенно шагал по потрескавшемуся асфальту – он не был в старой части Барнаула ни разу и поэтому не замечал того, что поразило Коврова. Анна боязливо жалась к Санаеву, который настороженно оглядывался по сторонам.

Лучше всех чувствовал себя в этой компании, по всей видимости, только Данилыч. Он даже напевал что-то себе под нос, уводя за собой отважную четверку все дальше и дальше в незнакомый мир «Волчьей Реки». Внезапно он остановился. Следом за ним остановились все остальные. Прямо перед ними находился небольшой мостик через большую сточную канаву. С каждого берега мостик венчали основательные чугунные столбы. Данилыч обернулся, словно осматривая свой арьергард, и шагнул на деревянный настил. Остальные молча последовали вслед за ним. Сразу за мостиком возвышался старомодный металлический фонарь, лишенный осветительной логи. Проходя мимо, Максим обратил внимание на выдавленную надпись на основании фонарного столба:

«ОФО. 1909».

Он хотел более подробно изучить исторический предмет, но Данилыч двигался дальше, не замедляя шага, и Анна, идущая последней, тихонько окликнула Коврова, тут же догнавшего группу.

На улице уже давно должна была сгуститься ночь, но вопреки всем временным законам небо по-прежнему было сумеречным, но не темным.

Внезапно Данилыч опять остановился и прислушался к окружающим звукам. Он словно ждал чего-то. Все остальные тоже стали оглядываться по сторонам.

Максим, внимательно смотревший на окружающие их дома и деревья, вдруг понял, что они уже были здесь сегодня, и причем не один раз. Данилыч словно водил их по кругу, приводя снова и снова на это место. Максим расфокусировал глаза и стал, не торопясь, изучать окружающий их город. Место было определенно незнакомым. Если не считать сегодняшнего дня, он не был здесь ни разу, хотя считал, что побывал во всех, даже самых отдаленных уголках старой части города. Но, несмотря на это, у него не было ощущения, что он находился в сновидении. Мир вокруг не был зыбким, текучим. Значит, основной «переход» еще впереди.

Внезапно из какого-то переулка подул ветер, подняв с асфальта пыль и мелкий мусор. Максим закрыл рукой лицо, уворачиваясь от песка, чтобы не запорошить глаза и уши. А когда он убрал руку в сторону, то увидел...

Анна держала Всеволода за локоть, боясь отпустить его хотя бы на мгновение. Ощущение близости мужа придавало ей уверенность и смелость, хотя она и чувствовала, как дрожат ее колени и легкая дрожь поднимается вдоль лопаток вверх по спине.

Внезапно краем глаза она уловила какое-то движение сбоку, в неприметном маленьком переулочке. Она дернула Севу за руку, но он, казалось, не заметил этого, продолжая смотреть куда-то совсем в другую сторону. Анна прищурила глаза, вглядываясь в сумрак переулка, и увидела...

Санаев и Филатов услышали этот звук одновременно. Он напоминал легкий шелест парусины на ветру и исходил отовсюду. Мужчины завертели головами, но шелест прокатился где-то над ними и исчез, оставляя за собой отчетливый запах речной воды.

– Ты слышал?

Филатов кивнул и повернулся к Данилычу, чтобы поделиться своими впечатлениями. Но старика рядом с ними не было.

Санаев тоже заметил его отсутствие и, словно опомнившись, развернулся в сторону своей жены. Филатов проследил направление его движения взглядом и тоже увидел...

– Вон там, видите? – хриловатый голос Данилыча раздался в тишине улицы непривычно громко, и Максим, моргнув и теряя потрясшее его видение, повернул туда голову. Вся группа синхронно посмотрела в конец

улицы, где на фоне какого-то темного массива отчетливо выделялась фигура человека.

Анна непроизвольно вздрогнула и еще крепче сжала руку супруга.

– Кто это?

Данилыч молчал, но все видели, как напряглась его спина. Силуэт в конце улицы стоял неподвижно, словно тоже присматриваясь к неожиданным визитерам.

Все замерли. Казалось, время превратилось в густой кисель или картинку на видеопроекторе с нажатой опцией «пауза».

Максим смотрел на незнакомца, и в его внутреннем пространстве бушевало два разных ощущения: что-то неуловимое, виденное им несколько мгновений назад, но теперь недоступное, зыбкое, словно тающий сон, и отчетливое чувство опасности, исходящее от незнакомца.

– Это он, – тихонько прошептал Данилыч, словно беседуя с самим собой. Но незнакомец, казалось, услышал эти слова. С его стороны потянуло легким током воздуха, и все услышали сдавленный и удивленный голос:

– Я знаю тебя...

Максим почувствовал, как его тело затряслось, словно сквозь него пропустили высоковольтное напряжение.

– Я знаю тебя... – уже с каким-то удовлетворением повторил незнакомец, и было непонятно, кого из замершей перед ним пятерки он имел в виду.

А потом все пришло в движение. Силуэт сорвался с места и, стремительно набирая скорость, побежал на группу людей, просто не знавших, что же делать дальше.

Пронзительно завизжала Анна. Что-то громко и страшно закричал Санаев. Откуда-то опять

обрушился пыльный вихрь, и последнее, что успел заметить Максим в этой кутерьме, было решительное лицо Филатова, достававшего из-за пояса пистолет. А потом перед глазами появилось прежнее видение, которое было чуть раньше, перед встречей с незнакомцем. Максим изо всех сил оттолкнулся от ушедшей далеко вниз земли, падая в омут невероятных ощущений, в черную воду озера Сновидений.

***

Белый Яр

Максим проснулся и открыл глаза. Сквозь занавески на окнах пробивалось яркое утреннее солнце, танцующее на стенах дрожащими солнечными зайчиками. Ковров осмотрелся. Он находился в доме Данилыча, а вокруг на раскладушках спали участники таинственного похода на «ту сторону города». Не было только Анны, ее раскладушка была пуста, и самого хозяина дома. Филатов и Санаев крепко спали, очевидно, все еще блуждая в призрачных лабиринтах собственных сновидений.

Максим встал и вышел из комнаты. На улице было уже жарко. Громко пели птицы в густой листве окрестных деревьев. Яркие солнечные лучи больно ударили по обостренному зрению.

– Дай глазам привыкнуть, мы слишком долго были в сумерках.

Максим обернулся и увидел Анну. Она сидела на небольшой скамейке, установленной рядом с крыльцом дома, под развесистым кустом жасмина, усыпанного белоснежными цветами.

– Привет. Ты давно не спишь?

Анна показала на место рядом с собой. Максим присел рядом и вовремя: от солнечных лучей и свежего воздуха, пропитанного ароматами цветов, сильно закружилась голова и в ногах появилась ватная слабость.

– Макс, а ты уверен, что мы спали?

Ковров посмотрел на девушку, а затем пожал плечами, не зная, что ей ответить. Он сам был несколько растерян и теперь пытался восстановить в памяти события, происходившие со всеми ними прошлой ночью.

– Единственное, что я могу сказать наверняка, – это то, что мы на самом деле не спали. Во всяком случае, привычным для нас способом. А где Данилыч?

Анна махнула рукой куда-то в сторону калитки. У нее были вялые, замедленные движения, словно она до сих пор находилась в каком-то полусонном, сомнамбулическом состоянии.

– Куда он ушел?

Она не ответила, и Максим встал, намереваясь пойти и поискать старика.

– Макс, – Анна щурила глаза от солнца и поэтому не могла смотреть на него снизу вверх. – А что ты видел?

– Ты имеешь в виду того типа?

– Нет. До него. За несколько мгновений до его появления.

– Не помню. Но что-то видел. А ты?

Девушка усмехнулась и, потянувшись, сорвала с кустика, растущего недалеко от ее ног, красную ягоду клубники.

– Макс, а что может означать черная собака?

– Ты видела черную собаку?

– И ее тоже...

– Каркамас – Куран Кэрсо, дух Сновидений. Во всяком случае, так считали тайшины.

– А почему именно черная?

– И черные есть, и белые. Это два аспекта сновидения, которые выражают Кураны.

Странно, почему же я его не видел? Мне знаком Куран Кэрсо.

– Ну, наверное, ты видел что-нибудь другое?

– Да, вот теперь я, кажется, начинаю вспоминать, – Максим потер виски, – точно, я видел черную воду.

– Черную воду?

– Да, черную воду озера Сновидений, – Максим наклонился и, сорвав еще пару ягод, положил их на ладонь девушки, – пойду поищу Данилыча. Может, он сможет прояснить для нас смысл происходящего?

Он пошел к калитке, а Анна задумчиво смотрела ему вслед, перекатывая ягоды из одной руки в другую.

Старика он обнаружил на берегу небольшой речки, плавно несущей свои прозрачные голубые воды в даль, заросшую камышами и осокой. Он сидел на травянистом склоне и, положив руки на колени, смотрел на зеленые ленты заливных лугов, пестреющие вдалеке. Максим присел рядом.

– Данилыч, что происходит?

– Что ты имеешь в виду?

– Вчерашнее сновидение. Ведь это было сновидение?

– Это не важно.

– А что важно?

Данилыч внимательно посмотрел на Коврова, и Максим увидел, что вопреки своему приподнятому настроению старик был непривычно серьезен и в его глазах пряталась тревога.

– Что происходит, Данилыч?

– Я знаю, кто он.

– Ты имеешь в виду того человека, который напал на нас?

Старик кивнул.

– Но самое неприятное в этой ситуации, что теперь он тоже знает меня.

– И что?

– Теперь он будет искать нас обоих.

– Данилыч, не говори загадками.

Старик прилег на траву и глубоко вздохнул, расправляя плечи и положив седую голову на согнутую руку.

– Ты помнишь тот день, когда твой дедушка впервые привез тебя ко мне?

Максим кивнул.

– Он представил меня как своего друга, но я был для него больше чем друг. Я уже рассказывал тебе свою историю, но теперь ты готов услышать большее. Ты знаешь, что в пятьдесят втором году твой дедушка возглавлял одно из управлений Главного Управления Милиции. Именно тогда судьба свела нас с ним, хотя я был уркой, уголовником, а он был милицейским начальником. Теперь я отчетливо понимаю, почему мне был начертан такой путь. И мне, и ему суждено было приехать сюда, в Барнаул, потому что именно здесь развернутся в определенное время события мирового масштаба. Но об этом ты тоже знаешь. Однако, когда мы приехали в этот город, то столкнулись с одной большой проблемой. Все тайшины сталкиваются с ней рано или поздно. Я имею в виду внимание враждебной нам цивилизации.

– Ты говоришь об ургудах?

– Да. Ургуды – генетически измененное человечество, много сотен лет назад ушедшее под землю. Они ушли, но их правителей, Ситанов, не оставляет желание уничтожить людей, наслаждающихся воздухом и солнечными лучами. И на протяжении веков идет невидимое противостояние между теми, кто населяет поверхность земли, и теми, кто скрывается под ее покровом. Так вот, Клан Тай-Шин – одно из немногих обществ, издревле охраняющих целостность Щита, сдерживающего этих вырожденцев под землей.

-Щита?

– Да, особого электромагнитного поля, окружающего планету подобно лучистой невидимой пленке. Именно этот Щит мешает ургудам выходить на поверхность земли. Но, помимо этой функции, он выполняет еще и другое свое предназначение. Дело в том, что Щит защищает нас и от чудовищного вибрационного излучения космоса. И если это поле истощится, человечество прекратит свое существование как минимум по двум причинам: излучение и армия Тьмы, хлынувшая на поверхность земли. Поэтому тайшины ставили перед собой две амбициозных, но жизненно необходимых цели: это охрана стратегически слабых мест, где грани между мирами максимально утончаются, и восстановление и поддержка энергетического поля Земли.

– А как его восстанавливать?

– Я расскажу тебе об этом чуть позже. Сейчас же я хочу, чтобы ты начал выстраивать для себя непрерывность твоей личной истории. То есть делать то, к чему тебя подталкивали тайшины перед тем, как покинуть социум.

– Да, я пытался это сделать, но не смог.

– Именно поэтому тот, кто пытается отыскать и уничтожить тебя, снова вышел на охотничью тропу.

– Ты имеешь в виду того незнакомца?

– Теперь он больше не незнакомец. Я знаю, кто он и откуда пришел. Он явился из твоей личной истории, чтобы убить тебя. Именно поэтому тебе важно восстановить для себя ее целостность.

– Зачем?

– Чтобы потом избавиться от нее, выкинув из своей жизни вместе с ее темными порождениями.

– Ты уже знаешь, что твой дедушка, будучи одним из Тай-Шин, создал общество, объединяющее три страны: Германию, Америку и СССР. В этих странах существовали Колодцы Силы, геомагнитные аномалии, имеющие большое влияние на ход мировой истории. Эти Колодцы были наиболее уязвимым звеном в Щите, окружающем Землю. Именно через Колодцы ургуды имели наибольшие шансы выбраться на поверхность земли. Это общество было названо

«Треугольник», но в СССР его филиал носил название «ЩИТ». Теперь ты знаешь, почему. Так вот, ургуды не могут выйти на поверхность Земли просто так. Они не владеют Ключами, открывающими плотность энергетического поля. Тайшины же такими Ключами владели. Это и позволяло им контролировать эти проблемные области на поверхности планеты. Поэтому ургуды не только ненавидели тайшинов, они всячески пытались завладеть этими Ключами. Но и это сделать было не просто, потому что тайшины были на одной стороне Поля, а они – на другой. Тогда Ситаны, повелители подземного человечества, его Темные Боги, стали изыскивать методы проникновения в Средний Мир. Их нечеловеческий разум додумался до создания совершенно жутких существ – Шалотов. Ургуды проникали в захоронения великих воинов, погибших во время битв, и похищали их тела. Под землей, в самом сердце Айказар – страны Ур, черные жрецы вдыхали в эти тела демонические сознания, духов, которые, обретая плоть, могли посредством пусть и разлагающихся тел появляться на поверхности земли. Но Шалоты были недолговечны и малоэффективны. Они могли бродить по земным дорогам только в ночное время или в сумерках, когда на них не действовали солнечные лучи, губительные для демонического существа. Поэтому тайшины научились распознавать Шалотов и уничтожать их. Тогда Ситаны стали изучать характеристики Щита и выявили для себя интересную закономерность: солнечные затмения каким-то непредсказуемым образом влияют на электромагнитный Щит, делая его плотность в некоторых местах минимальной. Они стали активно использовать это свойство сдерживающего их поля, но и это был не выход. Во время затмения Щит ослаблялся, но не настолько, чтобы пропустить сквозь закрытые Ворота большую армию подземных существ. Да и периодичность затмений была невелика. Поэтому когда наступало время Темного Солнца, из Айказар наружу выбирались только те, кто планировал обнаружить Хранителей и завладеть Ключами, позволяющими открывать Ворота настезь. Но и это было еще не все. Изучая Щит, Ситаны обнаружили, что на него влияют самым непредсказуемым образом метеориты, попадающие в воздушную среду планеты. И с тех пор в стратегии Черных Правителей начался новый этап. Данилыч замолчал, словно давая передышку себе и Максиму, замороженно слушающему своего собеседника.

– Если бы люди узнали о том, как Ситаны планировали открыть свой мир, они бы ужаснулись. Дело в том, что Ситаны, будучи колдунами, научились объединять свои силы в жутком ритуале Корн, с помощью которого они получили возможность... притягивать к Земле метеориты!

Ковров недоуменно смотрел на старика.

– В каком смысле? Данилыч вздохнул:

– В прямом. Они научились фокусировать свое намерение и притягивать с его помощью из космического пространства метеориты, изменяя их курс.

– Но это... невероятно.

– Очень даже вероятно. Представляешь, какая энергия выделяется при ударе метеорита о землю? Этот чудовищный взрыв пробивает не только земную кору, он пробивает и электромагнитный Щит, создавая брешь в его защитном поле.

Ковров встал, сделал несколько нервных шагов по берегу, вернулся и снова сел.

– Данилыч, я вспомнил. Араскан рассказывал мне про это... Максим лег рядом со стариком и закрыл глаза. Перед внутренним взором отчетливо возникла картинка...

Большой просторный кабинет Центра Нетрадиционных Технологий. Одетый в дорогой шерстяной костюм Араскан Чадоев, ученый, исследователь, мастер Тай-Шин... Они стоят перед окном, за которым сгустилась темная, глубокая ночь. Араскан показывает Коврову на небо, усыпанное мелкими точками звезд.

– Посмотри туда, огромные пространства, в которых мчатся на невероятных скоростях планеты и астероиды. И в этом постоянном движении наша Земля постоянно сталкивается с чем-то, имеющим чужеродную природу. Это могут быть микрочастицы и космическая пыль: она сгорает в нашей атмосфере без следа. Это могут быть более весомые объекты диаметром от десяти до ста метров. Большинство из них сгорает в атмосфере, но более крупные все же взрываются, и эффект от подобных взрывов подобен детонации десяти ядерных боеголовок! Но иногда нашу планету посещают и более рослые «гости». Их размеры колеблются в районе сотен и даже тысяч метров в поперечнике. В верхних слоях атмосферы сгорает только оболочка метеорита, поверхности же достигает раскаленное, увесистое тело, взрывающееся с силой, эквивалентной тысячам ядерных бомб! Но подобные объекты падают на Землю достаточно редко, примерно раз в 4-5 тысяч лет. Проблема в другом: они бы падали еще реже, если бы их не притягивала к нашей планете сознательная воля жутких существ, стремящихся таким образом разбить клетку, в которую они сами себя загнали.

Максим пытается представить себе этих существ. Араскан внимательно следит за ним, продолжая свои объяснения:

– Не пытайся представить себе их внешний вид, он будет сильно разниться даже с самыми странными образами, которые только смогут прийти тебе на ум. Ситаны не имеют ничего общего с человеческими представлениями о теле, облике, материальности. Они другие, и этим все сказано. Ургуды чем-то похожи на людей, но на людей уродливых, с привычной точки зрения. Подземный мир обладает своими, специфическими законами: там иная гравитация, иные излучения, иной состав воздухообразующей смеси, иной состав воды. Эти факторы, безусловно, наложили отпечаток и на их внешний вид, метаболизм, образ мышления, стиль жизни. Как ты помнишь, под землей живет и еще одна подземная цивилизация, составляющая подземное человечество Ургачимиду – «Те, кто опасается дневного света и предпочитает тьму подземелья». Мы называем ее Уртэн, высокоразвитая община мастеров и рудокопов, в силу обстоятельств тоже ушедших под землю. На протяжении веков тайшины поддерживали отношения с представителями этого народа, открывая для них двери в этот мир. Именно Уртэны открыли нам тайный замысел Айказар. Они рассказали нам, как Ситаны пытаются с помощью мощнейших взрывов разбить целостность Щита, сдерживающего их.

– Но я не могу представить себе, как это вообще возможно?

– Механизм притягивания космических тел мне неизвестен. Знаю только, что это довольно-таки сложный маневр и не всегда им удается это сделать. Но вот механизм воздействия взрыва на Щит для меня вполне очевиден. Дело в том, что когда в атмосферу Земли врывается крупный метеорит, то между ним и поверхностью Земли образуются сверхмощные электрические потенциалы, в результате которых происходит огромный электрический пробой, который и прожигает Щит. Сам взрыв метеорита пробивает лишь геологические пласты планеты. Но электроразрядный взрыв как раз и является тем копьем, которое протыкает пространственные границы, открывая проход силам подземелья наружу, в наш мир.

– Мне почему-то рисуется картинка, что мутанты вылезают на поверхность именно в месте кратера, оставшегося после взрыва.

– Не совсем верно, наши миры отделены не только огромным слоем земли. Ургуды уже

давно нашли бы тысячи тайных ходов и тоннелей, ведущих на поверхность. Секрет Щита заключен именно в невидимом воздействии на их электрополярный потенциал. И именно поэтому главной для Ситанов взрывной волной является первая, цилиндрическая ударная волна, связанная с образованием многоканального электроразрядного столба, в котором как раз и выделяется основная энергия разряда. В оси разряда образуется максимально сильный столб нейтронных потоков, что и создает для Щита основной разрушительный эффект. Кроме того, мощные импульсные токи создают мощные магнитные поля, которые перемагничивают геологические пласты на громадных площадях. И даже если Ситанам не удастся точно спрогнозировать траекторию приземления метеорита, воздействие сверхмощного электростатического поля оказывает на Щит непредсказуемое воздействие.

– Араксан, зачем ты мне рассказываешь все это?

– Как это зачем? Ты должен знать максимум об Ургачимиду. Тайшин отходит от окна и садится за свой стол, нажимая на пульт

дистанционного управления какие-то клавиши. На окна опустились черные непроницаемые шторы, а на стене разъехались в сторону створки, скрывающие в своих недрах большой белый экран. Свет в комнате гаснет, и на экране появляется картинка, проецируемая портативным видеопроектором: развернутая карта земного шара с нанесенными на нее разноцветными кружочками.

– Максим, что ты видишь?

– Больше всего кружочков на территории Северной Америки, Восточной Европы и Австралии. Что это значит?

– Ну, думай же! Смотри, на территории Азиатской части, в частности –Алтая, всего несколько кружочков...

– Это отмечены места падения метеоритов? Почему же тогда Ситаны не направляют их на Алтай? Ведь именно здесь бьется сердце Айказар?

Араскан довольно улыбается.

– Хороший вопрос. Но ведь именно здесь бьется и сердце ИТУ-ТАЙ.

Максим открыл глаза и повернул голову к Данилычу. Старик, казалось, спал. Его морщинистое лицо было спокойно и расслаблено. С реки подул легкий прохладный ветерок, веки Данилыча вздрогнули, и он тут же открыл глаза, улыбаясь.

– Хорошо как. А я вдруг представил себе, как небосвод прорезает раскаленный астероид и врежется в планету. Взрыв, дрожь земли, ударная волна, сметающая все на своем пути, пожары, наводнения, пылевой выброс, затмивший небо от солнца... И все это ради того, чтобы выбраться на темную планету, лишенную солнечных лучей, людей, зверей, всего живого.

– Данилыч, – Максим перевернулся на живот и стал разглядывать изумрудную траву перед своим лицом. – А ведь мы сейчас тоже летим в пространстве. Планета мчится с невероятной скоростью – тридцать километров метров в секунду, а мы этого даже не замечаем. Несемся вместе с ней в бездну, а мимо проносятся планеты, метеориты, кометы...

Старик рассмеялся. Максим скосил взгляд в его сторону и увидел, что на его носу сидит большая белокрылая бабочка, а Данилыч смеется, как ребенок, но тихонько, чтобы не спугнуть невесомую гостью.

– Данилыч, и бабочка ведь тоже летит в пространстве, вокруг бездна, а она летит.

Старик тихонько дунул, и бабочка сорвалась с носа и полетела дальше, искать себе более

подходящее место для отдыха.

– Вот за это, Макс, я и люблю эту планету. Она такая нежная, такая... незащищенная. И когда я прикладываю ухо к земле, мне кажется, я слышу движение древнего Зла где-то там, в глубине.

– Данилыч, если я правильно понял. Щит защищает нас не только от космических излучений, но и от космических странников – метеоритов? То есть, поддерживая уровень поля, мы автоматически, отталкиваем от себя метеориты, притягиваемые Ситанами?

– Молодец, ты все правильно понимаешь. Наша Сила напрямую связана с Силой Земли. И Ситаны это поняли, поэтому они решили подтачивать Щит изнутри и это стало их основной стратегической линией, и, пожалуй, самой эффективной.

Он замолчал и кивком предложил Коврову пройти. Они встали и, отряхнувшись, пошли по зеленой траве, вдоль берега реки.

– Для начала они придумали «Зло» и внедрили это понятие в умы людей. Они наслали на человечество чуму разума – «паразитов сознания» – Шиигов. Но ты еще не готов к принятию этого знания, поэтому я не буду говорить об этом. Потом они столкнули людей между собой, породив войны. Ты задумывался когда-нибудь, например, о природе антисемитизма? Цивилизация уже дошагала до середины двадцатого века, а проблема эта только усугубляется. И это при том, что евреев преследовали и Гитлер, и Сталин. Они оба видели в них хозяев всемирной экономической империи. Но противостояние здесь было гораздо глубже, на уровне самой сути человеческой природы. Гитлер говорил: «Еврей сидит у нас внутри. Гораздо легче бороться с живыми евреями, чем с этим незримым демоном. Еврей был врагом уже во времена Римской Империи. Он был врагом даже во времена Египта и Вавилона. Но лишь я борюсь с ним по-настоящему, всерьез...» Гитлер называл капитализм гениальным творением, созданным евреем. Он говорил: «Это гениально, это чертовски гениально...» Понимаешь, упоминание здесь черта – это не оговорка. Гитлер считал современную экономику созданием евреев, сверхдержавой, которую они развернули поверх власти всех государств мира, но за всем этим он видел происки каких-то демонических сил. Он утверждал, что два мира вступили в противоборство: люди Бога и люди Сатаны. Он называл евреев созданием иного бога, античеловеком, выросшим из другого корня человечества, существом, далеким от природы и враждебным природе. А знаешь, что лежало в основе этого противостояния? Гитлер говорил, что два народа не могут быть избранными одновременно! Ситаны подкинули людям самый простой и эффективный разрушитель – идею избранности. И подкинули они ее тоже неслучайно. На мой взгляд, эта тема имеет более глубокие корни. Но это лишь мои предположения, не более. В древние, очень древние времена на территории Израиля существовал очень мощный Колодец Силы. И возможно, что в одно из солнечных затмений именно на территории этой страны Ситаны реализовали свой самый грандиозный в истории взаимного противостояния план: они создали существ менее свирепых, чем Шалоты, но более разрушительных, хитрых и коварных. Они назвали их – Мангуны. И не было у Черных Ситов более подбодрастных слуг. Человеческая цивилизация стала уходить в тень жизни, еще даже не успев окрепнуть и встать на ноги. Мангуны действительно пронизали все государственные структуры власти, направляя цивилизацию людей к самоуничтожению. Но Мангуны, даже, может быть, действительно впервые появившись среди еврейского народа, хотя это и не факт, а только предположение стали появляться везде, они заполнили мир. Ситаны стали вербовать Мангунов среди народов, населяющих все пять континентов. Особое коварство Ситанов заключалось в том, что Ур больше не нужно было прятаться в человеческие тела, чтобы появляться на земной поверхности. Им вообще не нужно было там появляться, за них все делали Манги. Ситаны просто переделали людей, уже адаптированных к солнечным лучам и земному

тяготению на поверхности планеты. Эти люди не вызывали подозрения у своих сородичей, их практически невозможно было отличить от обычного человека, но внутри них сидит чужак – программа подчинения Подземным Владыкам, данная взамен на незначительное продление жизни, материальные блага, власть среди своих братьев и посмертное милостивое отношение в подземных чертогах, привычно именуемых нами адом. Именно это состояние и называется «продать душу дьяволу». Мангуны медленно, но неуклонно навязали людям технократическую цивилизацию, уничтожающую силовое поле Земли. Они виновны в развязывании самых страшных войн. Потому что любая война – это тысячи жертв, чье сконцентрированное предсмертное излучение тоже ослабляет защитный Щит. Я уже не говорю об изобретении ядерных бомб, идею которых человеческие изобретатели также получили из мрачного жерла Айказар в качестве альтернативы метеоритному электроразрядному взрыву. Ух, Максим, что-то я утомился рассказывать тебе все это, – старик дурашливо выгнулся, вытирая тыльной стороной ладони лоб, – я пустился в столь нетипичные для меня разъяснения неслучайно. Это было необходимо, чтобы ты понял природу твоего нынешнего противника.

– Это Мангун? – Максим с содроганием вспомнил, как год назад он встречался с одним из них – Водолазом. Это был профессиональный убийца, которого с детства готовили для преследования тайшинов. Он выследил их и даже убил Араскана Чадоева, который сознательно вызвал на себя его внимание, давая Коврову возможность незамеченным ускользнуть из города. Но Мангун догнал Коврова в лагере альпинистов, высоко в горах, где Максиму удалось обмануть Водолаза и погрузить его в иной мир, где Манг покончил жизнь самоубийством. Данилыч знал эту историю, поэтому он сразу понял, о чем думает Ковров.

– Нет, Максим, это не Мангун. Мангуны вообще по своей природе не убийцы. Они слишком трусливы для этого. Можно сказать, что они и стали Машумами от невероятной трусости перед грядущим посмертием. Таких, как Водолаз, единицы. Видишь ли, становясь Мангами, люди становятся манипуляторами, властолюбцами, но это лишь только усиливает и без того сильный Страх в их черных сердцах. Убивать они могут лишь чужими руками. И именно поэтому, несмотря на свои посты, звания и неограниченные возможности, Мангуны оказались не так эффективны в поисках и ликвидации тайшинов. Они слишком социально обусловлены. Несмотря на свою трансформацию в полудемонические существа, они подчиняются тем же клише и шаблонам, которые довлеют над всей человеческой цивилизацией. И именно это продиктовало стратегию тайшинов, положенную в основу всей их дальнейшей деятельности. Ганшины исчезли, испарились для человеческого мира, став тенями, оборотнями, мифом. И тогда Ситаны придумали свое очередное коварное изобретение. С его порождением мы все и столкнулись вчера. Подземные Владыки создали особую разновидность Мангунов, если так можно выразиться. Они нашли колдунов, которые испытывали особую, страстную любовь к подземному миру. Эти колдуны обладали очень сильными магическими возможностями, что позволяло им вступать в контакт с Ситанами, которые не преминули воспользоваться этим обстоятельством. Они пообещали этим колдунам фантастические перспективы, которые те могли обрести, изучая подземную магию Корн и выполняя за это специфические поручения Черных Духов. Они создали некий магический субстрат, который позволял практикующему его пользоваться в земном, Серединном Мире таинственной силой Ургачимиду. Эпицентром зарождения этого страшного искусства была Сибирь. Именно здесь впервые появились ужасающие техники черной сибирской магии, замешенной на использовании некротических ритуалов. Она называется – ЗЕДА.

Вдалеке гулко ухнул гром, и оба собеседника одновременно устремили взгляды на чистый горизонт, эхом отозвавшийся на страшное слово, произнесенное пожилым человеком вслух.

Данилыч значительно посмотрел на Коврова, продолжая:

– У этой демонической культуры есть и своя символическая история. Согласно древней легенде один из мастеров ИТУ-ТАЙ отправился к Матери Змей, чтобы предложить ей свою дружбу, как делал он это не раз, отправляясь и к другим животным, населяющим землю. Но змеи всегда считали людей своими врагами, поэтому, когда тайшин пришел в змеиное царство, тысячи змей выползли к нему, чтобы умертвить смельчака. Но в этот момент небо наполнилось движением, и тысячи птиц с крепкими клювами и острыми когтями прилетели на помощь человеку. И тогда он сказал Матери Змей:

– Ты отчасти принадлежишь Подземному миру, но не только, Средний Мир тоже является твоим домом. Здесь твои охотничьи угодья, здесь камни, на которых ты любишь греться, здесь пролегают твои извилистые пути в гуще изумрудной травы, здесь твои норы, в которых ты растешь своих детей. Но это и наш мир, так что же нам делить: людям и змеям?

Мать Змей свернулась перед ним угрожающим клубком.

– У нас разная природа, у нас разная кровь. Мы принадлежим к другому роду, которому люди противостояли издревле. Поэтому, будучи больше существами из мира теней и духов, мы не можем принять дружбу человека. Кроме того, если мы сделаем это, Черные Владыки проклянут нас, сделав отверженными и обреченными на постоянные преследования с их стороны.

Тайшин усмехнулся:

– Когда-то волки тоже были существами из мира теней и духов, и однажды они тоже были прокляты Черными Владыками, но это лишь освободило их. Мы, тайшины, заключили с ними договор о дружбе, и теперь мы – братья. Мы объединили свои силы против не знающей границ алчности и злобы Ситов. И хотя люди до сих пор боятся и волков, мы, тайшины, знаем – в Среднем Мире не должно быть врагов, здесь все братья, которых Черные Духи стравливают друг с другом. Вот ты скрутилась в клубок и готова броситься на меня. Но что движет тобой?

– Древние обычаи, соблюдаемые веками.

– Эти древние обычаи придумали все те же Ситы. Что лежит в основе твоей личной ненависти ко мне?

Мать Змей задумалась.

– Ты пришел соблазнять меня, поссорив с Ситами.

– Я пришел лишь предложить тебе мою дружбу.

– Что даст мне твоя дружба?

– Она даст тебе ощущение целостности жизни. Существа, которые живут под землей, – наполовину нежити. Они ненавидят все, что связано со Средним Миром. Мы же, змея и человек,

принадлежим этому миру, мы должны объединиться, чтобы стать свободными.

– А если я не соглашусь? Если мы по-прежнему останемся врагами и я убью тебя?

Тайшин показал рукой на небо, где кружились в синеве черные точки коршунов и орлов, зорко наблюдающих из поднебесья за исходом беседы.

– Если ты будешь воевать с нами, как это делали змеи всегда, мы обрушимся всей своей мощью на весь твой змеиный выводок. Звери будут давить вас лапами и копытами, птицы будут истреблять вас сотнями, как только вы посмеете высунуться из своих нор. Мы заставим вас убраться под землю и жить там до скончания веков, выполняя волю злобных и алчных существ. Подумай, что для тебя важнее: тьма подземелья или свет Серединного Мира? Унизительное рабство или опьяняющая свобода? Гордость убийственного одиночества или всеобщее братство, основанное на взаимоуважении?

Мать Змей кивнула своей чешуйчатой головой.

– Хорошо, человек. Мы принимаем твою дружбу. Мы обуздаем наш яд и будем нападать на людей и зверей только в том случае, если они первые нападут на нас или потревожат наши дома.

С тех пор змеи и тайшины выполняют обет этого договора. Между ними сложились даже весьма интересные отношения. Змеи-Кураны открывают «воинам-волкам» тайны их темной стороны, получая взамен новые ощущения от полетов над землей, в которые забирают их левитирующие в своих невероятных Сновидениях тайшины. Чтобы лучше понимать друг друга. Мать Змей открыла им тайны змеиного языка, который чародеи ИТУ-ТАЙ превратили в одно из самых сильнейших своих магических техник – «Искусство Нашептывания».

Но была среди змей одна маленькая змейка, которая воспротивилась воле своей Повелительницы. Ее звали Зеда. Миниатюрные размеры этой красивой змеи компенсировались наличием сильнодействующего яда, одна капля которого могла умертвить сразу несколько человек. Она стала сеять смуту в змеином царстве, напоминая своим сестрам об их извечном противостоянии людям, за это Повелительница изгнала ее из своего королевства. И тогда Зеда объявила тайшинов своими врагами и поползла в земные глубины, к самому центру планеты, туда, где в своих мрачных пещерах обитало УР – подземное человечество. Она рассказала Ситам о предательстве Повелительницы Змей, об ее унизительном договоре с «оборотнем-шаманом», о своей ненависти к этим людям, нарушившим веками отлаженные традиции. И тогда Черные Владыки решили использовать эту ее ненависть для противостояния «сумеречным воинам». Зеда превратилась в их посланника, используя свои возможности свободно ползать и по земле, и проникать в ее глубины. Эта миниатюрная рептилия искала на поверхности планеты людей с запредельными способностями, которые взамен на ее дары соглашались стать колдунами-убийцами, преследующими всех, кто имел отношение к клану Тай-Шин. В качестве же своих даров Зеда предлагала таким людям знания и могущество подземных некромантов Корн, а также свой невероятно смертельный яд, обладание которым делало этих новоявленных убийц во много раз опасней и смертоносней, чем они были до момента своего Посвящения. В знак своей связи с этим жутким культом зедарки нанесли крохотное изображение первой буквы от имени своей Повелительницы на свои тела. Это были татуировки, похожие на изображение змеи, поэтому иногда зедарков именуют – змееносцы.

Данилыч замолчал и остановился. Они дошли уже почти до границы заливных лугов, и дорогу им перегородила небольшая, но глубокая протока, по зеркальной поверхности которой побежала мелкая и стремительная рябь. Это издалика прилетел наконец ветер, пропитанный еле

уловимым запахом грозы.

– Дождь хлынет скоро, – пробормотал Данилыч и с улыбкой показал Коврову на горизонт. – Давай назад поворачивать, как раз до грозы успеем до дома дошагать. А я тебе еще много интересного успею порассказать.

– Данилыч, так это легенда или быль?

Старик удивленно и почти укоризненно посмотрел на собеседника.

• Макс, неужели ты способен еще задавать такие глупые вопросы? Или ты задал его для проформы, так, чтобы поддержать разговор?

Ковров смутился, потому что старик, как всегда, очень точно отразил его мысленный диалог.

– Запомни, в мире ИТУ-ТАЙ нет вопросов, и уж тем более таких дурацких. Но я вижу, что этот вопрос вырвался у тебя неслучайно. Его задал не ты, а твой Страх, засевавший глубоко внутри. Дай ему ответ. Разве может человек отправиться в Царство Змей и есть ли такое вообще? Не знаю. Но я знаю одно место на склоне правого берега Катуня, в нескольких километрах выше устья Урсула, где зимой не ложится снег и зимуют, не впадая в спячку, сотни или даже тысячи змей – «Змеиный Курум». Представляешь, везде сугробы, а на этом круглом пятне их нет, словно кто-то подогревает эту местность изнутри. Вокруг каменные глыбы, но если поднести руку к земле, то можно уловить ток теплого ветра из-под ее толщи, словно там, внутри, находится огромное пространство, уходящее к самому центру планеты, к ее раскаленному ядру. Шаманы, живущие в окрестностях, говорят, что это особое место. Тот, кто потревожит его, неминуемо будет наказан. Некоторые ученые говорят, что там протекают подземные родоновые воды, некоторые утверждают, что там находится полость со сжиженным газом. Не знаю, кто прав, а кто – нет. Но я предполагаю, что этот «Курум» вполне может быть одним из входов в Подземелье, который охраняют змеи, таким прообразом того Царства, о котором я тебе только что рассказывал. Стоит нарушить покой этой земли, как сразу сотни змей выползают на поверхность, оберегая ее границы. Обычный человек скажет: разве могут змеи и люди найти общий язык и общаться друг с другом? Сказки... Но на протяжении нескольких лет ты изучал «Искусство Нашептывания», о котором людям неизвестно ровным счетом ничего. Откуда тайшины взяли основу для этого искусства? И, наконец, Зедарки-змсеносцы, колдуны, использующие яд миниатюрной змейки для своих убийств и ритуальных манипуляций, и тайные знания существ, населяющих изнанку планеты. Правда это или мрачный вымысел?

В глазах Данилыча лукавство и грусть. Максим не знает, что ему ответить. Верить в это было страшно, не верить...

– Они существуют, Максим, можешь мне поверить, – мягко говорит старик, даже не пытаясь улыбаться на этот раз. – Они существуют, они опасней любого Мангуна, и один из них ищет встречи с тобой.

– Зачем? – тихо спрашивает Максим, забывая, что вопросы, ответы на которые надо проговаривать вслух, в мире ИТУ-ТАЙ лишаются всякого смысла.

– Когда мы приехали на Алтай в пятьдесят третьем году, я сопровождал твоего дедушку не столько в качестве друга, а скорее в качестве телохранителя. Это было, во-первых, выражением моей благодарности ему за то, что он вытащил меня из мясорубки сталинских лагерей. Во-вторых, это было моим долгом, который я смог осознать до конца только, наверное, сейчас. Я охранял его, потому что многое умел и многое замечал. Тогда я был еще молод, и лагерь не

только не сломили меня, а, наоборот, добавили мне незаменимого охотничьего чутья, которое я использовал для выслеживания и устранения опасностей, угрожающих Координатору «ЩИТА» в то беспокойное и тревожное время. А их было очень много, можешь мне поверить. Оснований ненавидеть Комиссара милиции Алтайского края и в то же время руководителя тайного Общества было много как у людей, так и у нелюдей. Мне пришлось налаживать связи с местным криминальным миром, чтобы нейтрализовать угрозы, связанные с официальной деятельностью генерала Коврова, и мне пришлось применять все мои способности и возможности, чтобы оградить его от возможных нападков со стороны Мангунов или даже самих Ситов. И вот однажды, в конце пятидесятых, здесь, в Барнауле, появились зедарки. Это была семья, посвятившая всю свою жизнь служению темным силам подземелья. Во главе семьи стояла старая ведьма, занимавшаяся колдовством с детских лет. Именно ее во время одного из ритуалов черной магии посвятили в Зеду эмиссары Ситанов. Они открыли ей новые горизонты ее возможностей, которые она могла проявить, став зедаркой. Именно ей приказали найти и уничтожить с помощью своих темных техник Координатора «ЩИТА», твоего дедушку, Петра Коврова.

Данилыч опять замолчал, давая себе небольшой отдых. Было видно, что эта тема отнимает у него много сил. Они уже вернулись к тому месту, откуда начали свою прогулку, – к берегу реки, от которого до дома Данилыча было десять-пятнадцать минут ходьбы. Максим знал – это место на травянистом склоне было любимым местом старика, именно поэтому эта фундаментальная беседа с экскурсом в темное прошлое началась здесь, рядом с чистой проточной водой, неспешно текущей к светлому горизонту.

– Максим, давай присядем опять здесь ненадолго, как раз и дождик подождем, – Данилыч присел опять на свое постоянное место.

– Зедарки были, пожалуй, одним из самых страшных орудий Ситанов. И если Мангуны были убийцами опосредованными, делающими все чужими руками, то зедарки, наоборот, извлекали силу из своих ритуальных убийств. Им крайне важно было ликвидировать своего врага непосредственно, желательно даже без применения оружия. Они разработали множество изоощренных приемов убийства, в частности, свой фирменный стиль – технику «смертельного касания». Они покрывали руку толстым слоем медвежьего жира, а сверху наносили тонкий слой змеиного яда, который даже при обычном прикосновении к коже человека мгновенно всасывался через поры и за несколько мгновений умертвлял свою жертву, отравляя кровь и парализуя сердце и мозг. Сами они были отчасти привычны к этому яду, потому что на протяжении десятилетий употребляли его в микродозах, расшатывая этим самым свои дремлющие магические способности. Ходили слухи, что зедарки могли оживлять трупов, умерщвленных подобным образом, с помощью того же яда, только в иной пропорции. Якобы из этих оживших мертвецов они могли делать послушных себе зомби, выполняющих их распоряжения. Но, пожалуй, самым страшным в их арсенале было искусство создавать иллюзорный мир, наведенные галлюцинации. Это был один из подарков подземного мира, имеющий некую аналогию с искусством осознанного Сновидения таишинов, но отличающийся от него фундаментальными основами. Поглощая яд Зеды, эти колдуны фактически перестраивали свои физические тела, получая возможность задействовать доселе дремлющие вибрационные механизмы, которые позволяли зедаркам создавать альтернативную реальность, манипулируя ARS своей жертвы и уводя ее туда. А уже там они получали над ней неограниченную власть, проведя по всем кругам страданий, выжимая из жертвы энергию страха и боли и умерщвляя ее в ритуальных целях. Это были самые эффективные наемные убийцы Черных Владык, которых те использовали в исключительных случаях, потому что зедарки были штучными экземплярами, редкими индивидуалами. Именно поэтому они и появились здесь.

Зедарки искали Камкурта...

Новое слово, по случайности или нет, совпало еще с одним ударом грома вдалеке. Данилыч, казалось, наслаждался приближением грозы. На его лице блуждала неизменная улыбка, и только на висках выступили крохотные капельки пота, свидетельствующие о непомерном расходе сил и энергии, затрачиваемой на этот пересказ.

– Ты уже знаешь, Максим, что Клан Тай-Шин подразделялся на Два Круга: «Кок Бюри» – «Синие Волки» и «Алаш» – «Красные Волки». Можно сказать, что «синие» тайшины находятся за гранью привычного материального мира, они обитают в Храме Сумерек, в монастыре Тай-Шин, затерянном в непроходимых горах Алтая. Тогда как «красные» тайшины находились всегда в гуще человеческого мира, скрываясь за обликом обычных людей, имеющих свою личную историю и все атрибуты членов социума. Во главе Клана стоит Вершитель, а каждый Круг возглавляет Камкурт – «Волк-шаман». Каждый из Камкуртов владеет особым Ключом, способным открывать Щит и закрывать его, сдерживая то, что находится по ту сторону магнитного поля. Именно за ними и охотились на протяжении столетий Ситаны, используя все доступные им возможности. Помнишь, я рассказывал тебе о влиянии метеоритов на Щит? Так вот, Ургуды поняли, что некоторые камни, имеющие космическое происхождение, влияют на Щит определенным образом. И они поняли тогда, какую природу имеют Ключи тайшинов, изменяющие характеристики электромагнитного Щита. Один из них, Курмин – «Камень Грома и Молний», долгое время находился в человеческом мире, и «красные» тайшины использовали его силу для реализации своих намерений. Будучи Камкуртом Алаш, твой дедушка некоторое время владел этим камнем, что и послужило основанием для того, чтобы выбрать его целью для преследований ургудами.

С реки подул сильный ветер, и оба собеседника поежились, уворачиваясь от его прохладных объятий.

– Зедарки появились здесь в пятьдесят седьмом году, и я сразу почувствовал их появление. Можно сказать, что мне очень повезло, потому что зедарки обладают фантастическим даром обманывать зрение и скрывать свою истинную личину. Но я их обнаружил, и мы предприняли все усилия, чтобы обезопасить себя от них. Когда эти коварные твари поняли, что тайшины везде ищут их, они исчезли, испарились, и о них ничего не было слышно два десятка лет. Я уже подумал, что все закончилось, хотя прекрасно понимал, что прекратиться это может только с физической ликвидацией зедарков. Но и в этом случае Ситаны не оставили бы Камкурта в покое: им жизненно важен был Курмин и они бы послали новых исполнителей. И мое предчувствие меня не обмануло: в семьдесят седьмом году я вынужден был ненадолго покинуть Барнаул, а когда приехал, то узнал страшную новость – скоропостижно скончался генерал Ковров. Внешне все было обставлено как раковая опухоль, но я чувствовал, все мое существо кричало – вернулись зедарки. Но сколько мы ни искали их, все было бесполезно, они опять канули во тьму, как и много лет назад. Но на этот раз они успели нанести свой смертельный удар, к огромному их сожалению, так и не сумев подойти близко к Камкурту и не обнаружив вождя Курмина. А это значило, что их миссия не была закончена и они опять должны были вернуться.

Максим рассеянно смотрел на темный горизонт, заполненный грозowymi облаками.

– Я так понимаю, они вернулись?

Данилыч кивнул, опять закрыв глаза и подставляя свое лицо ветерку. Максим обратил внимание, как обострились черты лица старика, словно этот разговор отнял у него несколько лет жизни, сделав действительно старым человека, который, несмотря на свой возраст, служил для Коврова примером жизнерадостности, энергичности и юмора.

– Они ищут Курмин?

– Да. Но найти они его могут только одним способом: выследив Камкурта.

– Постой, Данилыч, ты хочешь сказать...

– А ты до сих пор не понял? Они ищут тебя, Максим.

Эти слова, произнесенные ровным и тихим голосом, прозвучали для Коврова подобно громовому разряду, расколовшему небо над самой их головой.

–Ноя...

– С уходом «красных» тайшинов в Храм Сумерек ты остался наследником их намерений, наследником своего дедушки, последним Камкуртом Алаш.

– Но никто не говорил мне ничего подобного. Айрук сказал, что я волен распоряжаться своим Наследием, как сочту нужным.

– Это и есть намерение Камкурта. Он определяет вектор движения своей направлением.

– Но Курмин... Ты говорил, что Курмин передается по наследству от одного Камкурта другому. Я ничего подобного не получал.

Данилыч хрипло рассмеялся.

– То-то и оно, но все дело в том, что зедарки ничего не знают об этом.

– То есть ты хочешь сказать, что они считают, что Курмин находится у меня?

– Именно. Они не знают, что ты стал последним Камкуртом, закрывающим прежний Круг Алаш. Все, что возникнет позже, может иметь какую угодно форму: общину дуэнеров «Темный Ветер», сказки, которые ты сможешь написать для взрослых людей, отвыкших от ощущения загадочности мира, все что угодно... Но все это уже не будет иметь никакого отношения к Тай-Шин, который объединил Два Круга в Одним, символизируя законченность своего Цикла. Именно поэтому «красные» тайшины и ушли в Храм Сумерек. Они унесли с собой Курмин, надежно изолировав его за непроходимыми грядками гор. Это и было их основной целью. Но согласно традиции Тай-Шин должен остаться кто-то, кто подведет итоговую черту и, возможно, начнет новый цикл развития ИГУ-ТАЙ. Так что тебя по праву можно назвать Камкуртом без Ключа, или, как называл себя один из рыцарей Круглого Стола – «Дездичадо». Рыцарем, лишенным наследства.

Они оба рассмеялись. Но если старик, как всегда, залился беззаботным детским смехом, то Максим нервно посмеивался, пытаясь снять жуткое напряжение, царившее внутри. Хотя было в этой минутной веселости и очистительная порция облегчения. Много стало проясняться для него, но самым замечательным было то, что перед ним опять сидел прежний Данилыч: веселый, язвительный, ироничный.

– Что, Макс, испугался? Не уподобляйся в своих страхах обычным людям, используй их, а не позволяй использовать тебя. Любая битва не возникает просто так, это уникальная возможность узнать что-то новое о себе, о своей темной половине, о мире вокруг нас. Зедарк обнаружил себя неслучайно. Он сплел паутину, в которую пытается загнать тебя подобно перепуганной мухе. Но теперь ты имеешь уникальную возможность сделать то, что отравляло твою жизнь на протяжении последнего времени. Я имею в виду Зеркальщика...

– Ты думаешь, зедарк и Зурда как-то связаны между собой? Данилыч неопределенно пожал плечами.

– Вот это тебе и предстоит выяснить. Но для того чтобы сделать это, тебе придется встретиться с зедарком.

– Но как я найду его?

Данилыч встал с травы и кивнул Максиму в направлении дома.

– Пойдем, нам еще нужно многое рассказать нашей группе. Ведь мы все оказались втянуты в это безумие. И если ты, Камкурт Тай-Шин, оказался в полном недоумении, представляешь, что ощущают сейчас они, сидя и обсуждая события прошедшей ночи? – старик опять захихикал, словно фокусник, показавший неразгаданный фокус восхищенным и озадаченным детям.

– А зедарка, Максим, искать не нужно. Он сам найдет тебя...

Ковров остановился и, прищурившись, посмотрел вслед Данилычу, уверенно и энергично вышагивающему по направлению к своему дому по мокрой траве. Уже несколько минут моросил дождь...

«Воин света знает, что иные минуты имеют свойство повторяться.

Часто сталкивается он с трудностями, которые некогда уже преодолевал, и оказывается в сложном положении, из которого уже выходил с честью, и это смущает его дух: ему кажется, что если все повторяется, то он топчется на одном месте, не в силах двинуться вперед.

«Я ведь проходил через это», – сетует он сердцу своему.

«Проходил, – отвечает ему сердце. – Но так и не прошел».

И воин тогда осознает, что судьба посылает ему повторение опыта с единственной целью – научить его тому, что не пожелал усвоить сразу».

Пауло Коэльо

«Книга воина света»

Туан сделал еще несколько шагов по направлению к деревьям, вставшим впереди непроходимой стеной, и обернулся. Невдалеке, около ярко пылающего костра он разглядел крохотную фигурку старого охотника. Юрг махнул ему рукой, словно призывая идти дальше, навстречу темной тайге и своим страхам, не оборачиваясь.

«Только так ты сможешь сохранить себя и свою жизнь – иди навстречу твоим врагам. Они ждут тебя где-то там, в тайге. Я не смогу защитить тебя, потому что я всего лишь старик. Но я смогу подсказать тебе выход. Там, в ночной чаще, ты встретишь свою Судьбу. Возможно, это будут наемники или ургуды, а возможно, ты встретишь своих друзей, если у тебя еще могут быть друзья в этом мире. Иди и не думай об этом. Страх обретает плоть, только когда поворачиваешься к нему спиной. Когда смотришь ему прямо в лицо, он превращается в бесплотного призрака, тающего в воздухе. Иди, и если ты встретишь там свою смерть, не пытайся избежать ее. Шагни ей навстречу. Потому что шагнуть навстречу своей смерти, не испугавшись ее, это значит принять свою судьбу такой, какая она есть на самом деле. Это значит стать собой, истинным собой. Иди и не оборачивайся. Твои глаза должны смотреть всегда только вперед. И кто знает, может быть, мы еще увидимся с тобой, и твое прошлое предстанет перед тобой в новом свете...»

Туан тоже помахал ему рукой и, повернувшись, решительно пошел вперед, раздвигая руками густой кустарник и убирая с лица липкую паутину, невидимую в сгустившихся

сумерках.

Он шел долго, останавливаясь только для того, чтобы перевести дыхание. Раньше он думал, что ночью лес спит. Но теперь он слышал, что ночная жизнь тайги также полна звуков и движения... Сначала Туан не мог избавиться от ощущения, что за ним кто-то следит. Он даже оборачивался, надеясь увидеть позади себя крадущегося по его следам Юрга. Но потом он понял, что это был не старик. Ощущение преследования было вокруг. Казалось, темнота со всех сторон очень внимательно следит за человеком, крадущимся через лес. Это могли быть люди, звери или лесные духи, о которых Туан много слышал от своих наставников. Лес дышал, шептался, шуршал, словно это и вправду было огромное живое существо. Но в темноте могли запросто скрываться и враги. Туан представил, как за деревьями прячутся осторожные наемники, обученные искусству незаметного передвижения, и эта мысль заставила его сердце биться громче, а ноги шагать быстрее. Спустя какое-то время Тэнг стал замечать краем глаза какие-то еле уловимые вспышки в ночной темноте, словно чья-то темная рука приоткрывала и тут же закрывала крохотные лучины, на концах которых мерцали искры огня. Или это могли быть глаза, в которых отражался призрачный свет далекой луны. Туан остановился и обернулся. Никого. Тишина. Но ощущение чужого присутствия стало намного явственнее.

– Кто здесь? – хриплый шепот монаха прозвучал в тишине ночного леса напряженно и страшно.

Ему никто не ответил. Но через несколько мгновений человек услышал далекий вой. Волки. Туан развернулся и стремительно побежал вперед. Вой повторился снова, но уже с другой стороны. Про волков ходило много слухов, начиная от того, что они прислуживают нечисти, и заканчивая тем, что они сами являются воплощением ночных духов, встреча с которыми в одиночку, в ночном лесу, без оружия предreshала смерть.

Туан вспомнил слова Юрга, которые эхом бились в его голове.

«Там, в ночной чаще ты встретишь свою Судьбу... Если ты встретишь там свою смерть, не пытайся избежать ее... Смотри только вперед... Вперед...»

Ужас душил его, потому что ему казалось, что он уже слышит мягкую поступь ночных охотников за своей спиной. Вперед, вперед, вперед. Туан бежал вперед так же стремительно, как это он делал, когда его напугал своими словами старый Юрг. Но старик без труда настиг его в ночной чаще, что же тогда говорить о хищных зверях, которые живут этой охотой, чувствуют свою добычу на огромных расстояниях и знают этот лес, как знает свое жилище человек.

«Не беги от нее. Смерть невозможно избежать, еще никому не удавалось это сделать. Но можно по-разному встретить ее, показать ей свое отношение, достойно прожить эти последние мгновения. Это значит стать собой, истинным собой...»

Туан остановился, его действительно брали в кольцо стремительные серые тени, появившиеся ниоткуда. Волки двигались в темноте легко и невероятно быстро. Туан растерянно осмотрелся и понял, что все пути к отступлению отрезаны и волки только ждут подходящего мгновения, чтобы наброситься на свою жертву. Что же, видимо. Судьба уже посылала ему знаки, готовящие его к подобной гибели. Два волка на речном берегу, которых спугнул Юрг. И наемники не смогли убить его своими острыми изогнутыми саблями, и вода не приняла его в свои объятия, потому что

Предопределение невозможно превозмочь. Волки... Ну что же, пусть будет так. Туан облегченно улыбнулся и опустился на землю, ожидая атаки. В любом случае это было гораздо лучше, чем оказаться в руках ургудов. Рука Туана скользнула за пояс и нащупала там завернутый в плотную ткань небольшой камень, излучающий тепло, осязаемое даже через полотно. Курмин. Тэнги обязали охранять его или спрятать, чтобы ургуды не смогли добраться до этого загадочного камня. Тайга надежно скроет его от этих вырожденцев. Туан на ощупь исследовал пространство вокруг себя и, найдя небольшое углубление среди торчащих наружу корней какого-то дерева, положил сверток туда. В это самое мгновение из темноты на него прыгнул огромный, похожий на серебристую молнию волк. Два существа закружились в объятиях, словно танцуя последний танец жизни, перед тем как погрузиться в неведомое. Туану даже показалось, что шерсть волка, грызущего его тело своим острыми, как кинжалы, зубами, и в самом деле отливает серебристым светом. Это было его последней мыслью. Зубы нашли уязвимое место на горле человека и сомкнулись. Туан захрипел и полетел в пропасть, почему-то наполненную разноцветными огнями, а не ожидаемой темнотой. Через мгновение огни исчезли...

... И возникли снова... Туан открыл глаза, удивленно разглядывая мерцающий лес, раскинувшийся во все стороны волшебным королевством сверкающих деревьев и светящимся мягким светом травяным пологом. Прямо перед Тэнгом стоял человек в серебристой одежде, раздуваемой невидимым ветром, колыхающим невесомую ткань. Позади него, на залитой светом лужайке, стоят люди в таких же одеждах, молча наблюдая за лежащим на земле человеком.

– Я умер?

Человек молчит. Он отступает в сторону, люди также расступаются, и Туан видит шамана, закутанного в шкуру белого волка, голова которого венчает голову колдуна.

– Я умер? – повторил свой вопрос Туан, обращаясь уже к нему. Шаман делает знак рукой, подзывая человека к себе. Неуловимым движением Туан поднялся на ноги, отмечая невероятную легкость во всем теле. Места от укусов волка уже не болели, а, наоборот, в них ощущалась приятная и расслабляющая истома. Шаман, не двигаясь, ждет, пока человек идет к нему, восторженно разглядывая каскады огней, срывающихся с ветвей деревьев и мягко падающих на землю, принимающую в себя эти капельки света.

– Кто ты? – Туан пытается заглянуть под голову волка, скрывающую лицо шамана. – Твои волки убили меня?

Шаман откинул шкуру-капюшон, и Туан с изумлением увидел знакомое лицо Юрга, выкрашенное белыми и синими ритуальными паюсами.

– Юрг?!

– Я же говорил, что прошлое может предстать в самых необычных обличьях.

– Кто ты? И кто эти люди?

– Я – Камкурт Тай-шин, «Волк-Шаман», а человек, который привел тебя сюда, – мой сын.

Туан удивленно оборачивается на молодого мужчину, который мягко улыбается ему.

– Это тот волк, который напал на меня? – внезапное озарение не пугает Туана. Он тоже улыбается своему убийце, облаченному в серебро.

– Он не волк. Ты видел лишь его облик, созданный им в своем сновидении. Он принял его, чтобы привести тебя на Ту Сторону Дня, за грань видимого.

– Значит, он нашел все-таки Силу Волка?

– Да, нашел. А теперь Лес поглотил и тебя.

– Значит, я тоже нашел Силу Волка? И я тоже смогу превращаться в них?

Юрг улыбается.

– Еще пока нет. Для этого тебе понадобится многому научиться. Если ты, конечно, захочешь.

– Кто вы? Духи? Призраки?оборотни?

– Можно сказать и так. Мы – тайшины, «Свободные Волки», Хранители Священной Земли.

– Вы можете мне спрятать Курмин от ургудов?

– Наше призвание – защищать священный Алтай. Камень Грома и Молний появился в нашей обители неслучайно. Твои братья мертвы, и, судя по всему, теперь тайшины должны будут обеспечивать его безопасность. Наступает время Темного Солнца, тревожное время, когда подземное войско, возглавляемое Стальным Воином, готовится выйти на поверхность земли. Люди тоже чувствуют это. Они по-разному называют этих призраков: Чудь, Ургачимиду. Оргхи, но суть их остается неизменной – это верные слуги Черного Кагана, который ненавидит все, что находится в Среднем Мире. Хотя под землей живут и миролюбивые племена. Мы знаем их, и иногда кое-кто из этих низкорослых рудокопов выходит в этот мир в определенных местах, чтобы обменяться с нами слухачи, вещами, оружием.

– Война неизбежна?

– Да. Но изменить можно ее охват. Если ургуды завладеют Курмином, остановить повсеместное нашествие черного воинства будет уже невозможно.

– Я хочу остаться с вами. Я тоже хочу стать тайшином.

– Ты можешь остаться. Мы будем обучать тебя. Но ты должен помнить: на тебе лежит огромная ответственность – ты последний Тэнг, уцелевший после падения Общины Серого Будды. Поэтому тебе придется слить воедино два знания: то, которое ты получил в Храме Сумерек, и то, которое ты получишь в Клане Тай-Шин.

Камкурт взмахнул рукой, и земля под Туаном разверзлась, увлекая его в бездну, испещренную радугами. Мелькание огней. Полет и ощущение неограниченного пространства. Туан скользит над водной гладью озера, пытаясь увидеть свое отражение на зеркальной поверхности черной воды. Огромный светящийся Купол вдалеке. Туан кричит от восторга. Вихрь, несущий его, останавливается, и человек начинает падать вниз...

Шелест деревьев и прикосновение свежего ветра к лицу. Туан открывает глаза. Он лежит на мокрой от росы траве в зеленой лощине. Вокруг него – воины, закутанные в черные одежды. Один из них подходит к Тэнгу и протягивает свою руку, помогая встать. Туан узнает его глаза над черной тканью, скрывающей половину лица. Эти же глаза были у валка, напавшего на него прошлой ночью. Человек говорит чуть слышно, но голос его проникает в самые отдаленные уголки внутреннего пространства:

– Мы – Тай-Шин, мы будем обучать тебя. Ты готов?

Туан кивает. Через несколько мгновений черные тени уже неслышно скользят между огромных стволов, уходя все дальше в лесную чащу. Но этот Лес уже не пугает Туана. Он с наслаждением вдыхает сотни запахов, почему-то не замечаемые им раньше, и видит новые оттенки цветов, в которые окрашено таежное царство. Наверное, именно так воспринимает этот мир человек, когда в нем начинает пробуждаться Сила Волка. Туан улыбнулся...

Белый Яр

– Данилыч, как это возможно, я никак не могу понять, – Филатов вопросительно смотрел на старика, сидевшего на стареньком диване, с улыбкой рассматривая присутствующих, – были в Барнауле, потом проснулись у тебя. Это что, гипноз? Или ты нам набодяжил что-то в еду, грибочков каких-нибудь или травы?

Остальные тоже напряженно смотрели на старика, кроме Коврова, который сел в самый угол комнаты и теперь слушал, как барабанит дождь по крыше дома и по стеклам: ему необходимо было переварить все услышанное и попытаться привести полученную информацию в какую-нибудь систему.

– Вы все равно не поймете, даже если я попытаюсь вам это объяснить.

– Что же это, вы думаете, мы такие тупые? – Анна бросала короткие взгляды то на Данилыча, то на Коврова, пытаясь понять, о чем же они могли беседовать несколько часов своего отсутствия.

– Да нет же, дело тут не в вашей тупости или остроте. Просто это невозможно объяснить словами. Это можно сделать, и все. Могу лишь заверить вас, что это было реальное путешествие, а никакие не грибочки и не гипноз.

Филатов всплеснул руками:

– Но ведь проснулись-то мы за несколько километров от города. Это что же получается, что я вел машину обратно в бессознательном состоянии?

Данилыч щелкнул пальцами и закрутил головой, не зная, очевидно, как описать им суть произошедшего с ними.

– Да никуда вы, Виталий, не ехали. Мы были здесь, в доме, и в то же время мы были там, в Барнауле.

– Чушь какая-то, – пробормотал Филатов и отвернулся к окну, рассматривая сплетения дождевой капли на стекле.

– То есть если то, что с нами произошло, не сон, значит, тот человек, или, как вы его назвали – «зедарк», тоже существует реально? – Анна закусил губу, нервно теребя рукой локон своих волос, ниспадающий ей на лицо.

– Да, все, что я вам рассказал, правда, – Данилыч перестал улыбаться, видя, что не только не смягчает этим напряженность момента, но и ставит под сомнение правдивость только что рассказанной им истории о колдунах убийцах. – Зедарки существуют, и более того, вы встречались с одним из них прошедшей ночью.

– От этого всего с ума можно сойти, – Анна растерянно посмотрела на мужа, словно ожидая от него поддержки, но Всеволод внимательно слушал каждое слово Данилыча, будто опасаясь упустить что-то важное. Рассказанная стариком история потрясла его, вероятно, больше всех остальных, конечно, за исключением Максима.

– Теперь вы знаете все или почти все, – Данилыч прищурился и осмотрел пристальным взглядом всех присутствующих, – теперь вы вольны поступать так, как сочтете нужным.

– Что это значит? – хрипло спросил Санаев.

– Это значит, что теперь вы знаете, что очутились здесь случайно, вернее, неслучайно, но теперь зедарк добился своей цели и потребность в вас у него отпала. Ему нужны мы: Ковров и я.

Причем я даже в меньшей степени.

– А зачем ему вы? – глаза Анны широко распахнулись, и было видно, что она испытала неуловимое облегчение, когда услышала эти слова.

– Мстить, – просто ответил Данилыч, будто на самом деле его это касалось меньше всего. – Он узнал меня, а я узнал его. Теперь он будет мстить мне.

– За что? За то, что вы охраняли от него генерала Коврова?

– И за это тоже. Видите ли, я для него сродни камню преткновения. Раньше я охранял генерала Коврова, сейчас я охраняю его внука. И хотя я уже стал дряхл и ни на что не годен, он испытывает ко мне чувства, которые, наверное, испытывает бес по отношению к экзорцисту, совершающему обряд изгнания нечистого духа. К тому же у него есть и еще одна причина, по которой он будет искать меня с усилиями, не меньшими, чем затрачены им на поиски Коврова.

– Что это за причина?

– Я не хочу говорить об этом.

– Что-то личное? – Анна испытывала «эффект освобожденного заложника», и ее обычная немногословность теперь сменилась на желание узнать как можно больше обо всех обстоятельствах этой старой и запутанной истории.

– Да, можно сказать и так, – Данилыч же, наоборот, помрачнел, будто воспоминание о прошлом отнимало у него силы острить и смеяться.

– А зачем тогда ему Ковров? Ведь у него нет Курмина.

– Да, но зедарк скорее всего не знает об этом. Поэтому он будет продолжать свои поиски, чтобы обнаружить Максима, Курмин и, используя Камень, принести в жертву последнего Камкурта на месте заточения, там, где установлены непроходимые Врата, отделяющие Средний Мир от Нижнего.

– А что это за место?

– Анна, мне кажется, что отсутствие этой информации позволит вам с Всеволодом чувствовать себя гораздо спокойнее в вашей дальнейшей семейной жизни. А вам, Виталий, тоже незачем оставаться здесь и подвергать свою жизнь опасности. Это не ваша битва. Отправляйтесь в Новосибирск и доложите вашему шефу, что вы нашли источник ваших проблем и вам более ничего не угрожает.

Филатов задумчиво посмотрел на Коврова:

– А как же Макс? Данилыч усмехнулся:

– Нам с Максимом еще много нужно сделать. Он останется у меня. Его дальнейшая судьба неизвестна никому. А вам нужно уезжать. Вы будете только лишней обузой для нас, поверьте.

Дождь за окном утих, и Данилыч вышел на веранду, оставив дверь наружу открытой. Через нее в комнату повеяло свежестью и насыщенными запахами мокрой травы и цветов. Все собравшиеся тоже повставали со своих мест и пошли на веранду.

– Давайте напоследок чайку попьем, – просто сказал Данилыч, будто речь шла о чем-то будничном, – вам нужно покинуть мой дом до захода солнца. Ночью здесь может быть опасно.

– Думаете, он так быстро найдет вас? – хмуро спросил Санаев, напряженно думающий о чем-то.

– Вполне возможно. Он видел меня, он мог последовать за нами и проследить, откуда мы пришли.

– Данилыч, я останусь, – Санаев решительно тряхнул головой, с извиняющимся выражением посмотрев на Анну. Девушка растерянно улыбнулась.

– Сева, а как же я?

– Ты поедешь с Филатовым. Виталий, довезешь ее?

Начальник службы безопасности «СИУСа» мрачно кивнул. Было видно, что он тоже еще не принял окончательного решения. Все происходящее совершенно не вписывалось в привычное для него миропонимание, и теперь он ощущал свою беспомощность и бессилие в решении проблемы.

– То есть как это поедешь? Ты что, ничего не понял? Мы будем только мешаться здесь. И ты, и я, и Виталий – мы равным счетом ничем не можем им помочь, потому что мы принадлежим к другой эпохе. Мы не владеем необходимыми знаниями, информацией... Сева... – девушка умоляюще смотрела на решительного Санаева, который смущенно отводил от нее взгляд.

Из дома появился Данилыч, неся в руках заправленный водой и подожженными щепками самовар.

– Сева, Анна абсолютно права. Вам незачем рисковать, тем более что риск на самом деле неоправдан и бесполезен. Это сугубо наше дело, поверьте. И ни в коем случае не рассматривайте ваш отъезд как проявление трусости или предательства. Можно даже сказать, что это противостояние является погашением нашей с Максимом задолженности перед Неизвестным, нашей внутренней битвой. Судя по всему, вы еще не успели отяготить себя этими чуждыми вам обязательствами. Поэтому уезжайте. Восстанавливайте «Темный Ветер», приводите в порядок свои дела. Если все сложится удачно, мы с Максимом обязательно дадим о себе знать и наверняка поможем вам в дальнейшем развитии Общества. Зедарк фактически не видел вас, его внимание было сосредоточено на Максиме и на мне, поэтому вам не о чем беспокоиться, даже если с нами что-нибудь случится и наша битва закончится поражением.

– Но если это случится? Он будет преследовать «Темный Ветер»?

– Вряд ли. Он – наемник, и у него есть четко поставленная задача. Его цель – мы. Вы лишь наживка, которую он использовал для решения своих промежуточных задач. Поэтому в случае успешного выполнения своей задачи он исчезнет.

– А вы?..

– Если бы у нас был Курмин, то наше поражение могло бы принести людям многие несчастья. Но теперь от нашего поражения не зависит ровным счетом ничего.

– Кроме ваших жизней, – пробурчал Филатов.

– Ровным счетом ничего! – значительно повторил Данилыч, – для нас это просто битва... А битва, как и жизнь, не зависит от побед или поражений. Мы – Воины, мы принимаем свою судьбу отрешенно, вверяя себя Силе, ведущей нас по жизни.

Все собравшиеся на веранде замолчали, каждый обдумывая ситуацию по-своему, каждый принимая для себя решение, которое будет диктовать их дальнейшие действия.

Оранжевый диск солнца завис над темно-голубой линией горизонта, будто не желая уходить за край Земли, пусть даже всего на несколько часов. Воздух был прозрачен и чист, и запахи от сада и луга, раскинувшегося зеленым ровным полем невдалеке, перемешались в нем, создавая сложный горьковатый аромат травы и цветов.

Филатов вдохнул в себя эту гамму запахов и облокотился на разогретый за день пыльный кузов «Мерседеса». Через несколько минут они должны будут уехать. А Максим и Данилыч останутся здесь, чтобы вести свою таинственную и непонятную, странную войну, которая началась еще много столетий назад и корни которой лежат далеко за гранью привычного миропонимания людей, даже не представляющих, насколько может быть многогранен мир, в котором они живут.

Остаться? Но Данилыч прав, он будет только обузой в этом потустороннем противостоянии, как бывает обузой женщина в уличной драке или растерянный и подавленный заложник во время ликвидации террористов. Да и на самом деле это не его битва. Дома, в Новосибирске, его ждут жена и трехлетний ребенок. Да и заморочек своих хватает. Он свою задачу выполнил: угрозы для вверенного ему «СИУСа» больше не существует. Филатов усмехнулся, да и шефу будет, наверное, приятно узнать, что Макс не имеет к этому ровным счетом никакого отношения. Вернее, имеет, но не в том качестве, в каком представлял его поначалу Воронцов.

«М-да, причудливо тасуется колода», – вспомнил Филатов выражение булгаковского персонажа и посмотрел на домик, еле видный в густых зарослях садовых кустов. Информационные мины, тайшины, зедарки, осознанные сновидения и параллельные пространства... Мог ли он предположить еще несколько дней назад, что обстоятельства подведут его вплотную к вещам, о которых раньше он читал разве что в фантастических романах. Оказывается, рядом с «нормальной», размеренной жизнью, наполненной привычными житейскими проблемами, могут разворачиваться такие события, поверить в которые просто невозможно, может быть, в силу их слишком явной непривычности, а может, в силу страха, который сковывает тело при одной лишь мысли о том, что все это действительно может оказаться реальностью.

Мимо пронесся, рыкая и поднимая столб дорожной пыли, мопед, несущий на себе молодого и деловитого деревенского пацана. Филатов посмотрел на часы и, отворив калитку, вошел в сад. Уже смеркалось, и нужно было выезжать, чтобы завести в Барнаул Всеволода и Анну, а потом сразу ехать в Новосибирск.

На веранде дома никого не было видно. Видимо, все находились во внутренней комнате, где стояли удобные плетеные кресла и мягкий старинный диван. Филатов шел по выложенной речными камешками дороге, по обе стороны от которой были разбиты шикарные клумбы, пестреющие розами всевозможных сортов. Он любовался этим дивным садом, в последний раз насыщая глаза удивительным творением искусного садовода. Было что-то невероятно торжественное и в то же время тоскливое в этом моменте: сумеречный сад на грани иного мира, который настало время покинуть.

Из дома навстречу ему вышел Данилыч, рубаха которого белела на фоне темной стены ярким пятном. Он замер на веранде, разглядывая Филатова, и было в его позе что-то непривычное, какая-то закрепощенность, не свойственная обычно расслабленному и веселому старику.

– Данилыч, зови команду, пора ехать... – Филатов внимательно смотрел на хозяина дома, пытаясь осознать причину его напряжения. А когда подошел поближе, понял. В глазах старика был если не испуг, то обостренная тревога.

– Поздно, Виталий. Вы опоздали. Он уже здесь... – тихо и страшно проговорил Данилыч, и в голосе его были сожаление и обреченность.

– Кто? – переспросил Филатов, уже чувствуя, как холодеет спина и по ногам разливается тяжесть избыточного адреналина.

– Зедарк... – выдохнул Данилыч и посмотрел широко раскрывшимися глазами за спину Филатову.

Время остановилось на мгновение. Повисли в прозрачном воздухе комары и шмели, остановили свой ход облака на небе, замерли листья на деревьях... Пространство вокруг завибрировало и навалилось на тело опять ощущением нереальности происходящего. Филатов медленно обернулся и увидел его, неприметной внешности обычного человека, шедшего к ним по каменной дорожке, где несколько минут назад шел он сам. Зедарк двигался вперед

танцующей походкой уверенного в себе человека, но Филатов определил в доли секунды, что человек этот, вернее, человек лишь наполовину, был очень и очень опасен в рукопашной схватке. У него было очень сильное, мускулистое тело, истинная мощь которого была скрыта под одеждой свободного покроя. Но походка уже может многое сказать опытному и внимательному человеку. У зедарка была походка убийцы. И еще у него были очень холодные, пустые глаза.

Превозмогая внезапное оцепенение, Филатов медленно потянулся ватной рукой к пистолету, засунутому за пояс легких летних брюк и прикрытому сверху льняным пиджаком. И вот тут-то все и пришло в движение. Из домика вылетел всклокоченный Ковров, тоже почувствовавший чужака, и, перепрыгнув через ограждение веранды, приземлился на площадку перед домом, загородив зедарку путь. Колдун остановился и замер перед неожиданной преградой, словно оценивая свои ощущения и принимая для себя какое-то решение. Но потом он взорвался целой бурей движений, буквально размазав себя в пространстве. Ковров отлетел в сторону, отброшенный жестким и сильным ударом ноги. Филатов, не успев дотянуться до пистолета, тоже был стремительно атакован, оказавшись через мгновение в полулежачем положении на грядке с укропом. Зедарк двигался вперед, как разъяренный смерч, сметая все на своем пути.

И тут Ковров все понял. Не он нужен был зедарку. Убийца пришел сюда специально, чтобы расправиться с Данилычем, который спокойно стоял на веранде, отрешенно ожидая приближения колдуна. И время опять замерло, словно чья-то невидимая рука придержала маятник Часов, регулирующих ход времени в этом мире.

Зедарк замер перед стариком и теперь рассматривал его, словно желая удостовериться, что это именно тот человек, который был ему нужен. А может, он просто смаковал процесс убийства, так долго желанный на протяжении этих двух десятков лет. Их глаза встретились. В них было все: смерть и жизнь, убийство и месть, сон и явь, долгие годы безуспешных поисков друг друга, карма...

Ход часов был снова запущен, когда из-за спины старика, из дома, раздался испуганный крик Анны.словно раскручивающаяся пружина, зедарк метнулся на веранду, протягивая к старику свои руки. Но Данилыч... исчез. Вот он только что стоял за деревянным ограждением, и теперь нет его, и зедарк пролетел по инерции дальше, врезаясь со всей силы в деревянный столб, поддерживающий крышу веранды. А Данилыч оказался в нескольких метрах от прежнего места, такой же спокойный, расслабленный, внимательно наблюдая за противником.

«Пустенье». Древнее искусство русского кулачного боя. Максим смотрел на все происходящее, пытаясь подняться, превозмогая острую боль в груди. Он знал, что старик владел вещами уникальными, но противостоять в одиночку зедарку было в его возрасте все равно тяжело.

Зедарк опомнился от удара, и в его взгляде промелькнуло удивление. Он развернулся и прыгнул с места на старика, стараясь не потерять атакующей инициативы и пытаясь опять достать его своей рукой. Но его движение опять провалилось в пустоту. Данилыч неуловимым движением переместился в пространстве, оказавшись у зедарка за спиной. Когда убийца понял, что всей его нечеловеческой быстроты не хватит, чтобы угнаться за ведуном, он сцепил вместе обе кисти рук и страшно завыл, прорезая пространство жутким оглушительным криком. Но это был не жест отчаяния охотника, упустившего добычу.

Максим понял, что делал зедарк, но по-прежнему ничего не мог сделать, вставая и опять заваливаясь в траву. Энергия звука, сфокусированная особым образом, обрушилась на всех, кто находился в саду. Давление на мозг и разбалансировка каких-то нервных узлов в теле на

несколько секунд парализовали растерянных неожиданной атакой людей. Но Данилыч, похоже, был знаком с этой техникой. Он тоже издал низкий горловой звук, похожий на вой волка, и скованное чужой волей сознание прояснилось. Данилыч взмахнул рукой, и зедарк отлетел в сторону, врезавшись со всего размаха в поленницу. Со стороны это напоминало эпизод из «Звездных войн», когда джедаи движением руки откидывают прочь лишенных жесткой опоры андроидов. Но это все происходило на самом деле, а не в кино, и только Максим понял, что произошло. Вслед за «Пустеньем» Данилыч продемонстрировал убийце «Накат» – бесконтактное воздействие древнерусского боя, тайное искусство офеней, позволяющее нанести противнику удар, не прикасаясь к нему.

Оглушенный зедарк выбрался из-под обвалившихся на него поленьев и затравленно осмотрелся. Его взгляд остановился на Максиме.

– Не позволяй ему прикоснуться к тебе, – закричал Данилыч, – беги, беги...

Максим встал и увидел, что руки зедарка как-то странно блестят, будто он только что окунул их в клей или кисель. Яд. «Смертельное касание» Зеды. Убийца шагнул к нему, и тут в тишине сада гулко ударили выстрелы. Пришедший в себя Филатов наконец достал пистолет и теперь стрелял с колена в пригнувшегося от неожиданности зедарка. Опять истошно закричала Анна, испуганная резкими звуками выстрелов. Санаев замер на веранде, прикрыв ее собой и изумленно наблюдая за событиями, развернувшимися в течение одной минуты в саду.

Бах. Бах. Бах. Выстрелы гремели один за другим. Филатов стрелял с колена, а затем перешел в движение, именуемое в практической стрельбе «маятник». Его нелепые, на первый взгляд, шаги напоминали скачки обезьяны, которая «текла» вперед подобно ртути или воде. Бах. Бах. Бах.

Одна пуля вошла зедарку в плечо, и его развернуло вокруг своей оси инерционной силой раскаленного металла. Вторая тут же пробилась ему живот, и зедарк согнулся пополам, встав на колени. Третья пуля срезала ему мочку уха, а четвертая вонзилась в поленницу, потому что зедарка на этом месте уже не оказалось. Еще две пули пронеслись за ним следом, настигая только его смазанные проекции и также вонзаясь в аккуратную кладку деревянных чурок. Последняя пуля, просвистевшая сразу после того, как клацнул затвор «Макарова», сшибла несколько веток кустарника, за которым скрылся раненый колдун. Преследовать его никто не стал, потому что все находились в ступоре, даже Филатов, тяжело опустившийся на колени и дрожащими руками пытающийся перезарядить пустой пистолет.

Зедарк исчез. Несмотря на два серьезных пулевых ранения и невыполненную задачу. А это значило, что он лишь дал своим жертвам передышку. Решительная битва по-прежнему была еще впереди.

Чох вывалился из зарослей малинника и тут же на глазах нескольких изумленных прохожих побежал в березовую рощу, растущую неподалеку. Его изрядно шатало, а из бережно зажатых руками ран упругими толчками выплескивалась в такт его шагам горячая алая кровь.

«Это же надо. Так проколоться...» Он бежал, стараясь не завалиться в траву, а в голове его билась одна и та же мысль: «Я убью их всех!»

Пусть не сейчас, чуть позже, но всех! Всех! Нужно только немного подлатать себя. Это ему наказание за его самоуверенность. Но кто мог знать, что старик окажется так силен? Как он двигался! А как ударил его об поленницу, без всякого прикосновения, невидимой энергетической волной! Чох даже испытал чувство зависти перед подобными возможностями. Их нужно будет учесть в следующий раз. Но тогда он придет подготовленный, и у всей этой компании не будет ни единого шанса избежать своей горькой участи.

Чох споткнулся и упал на колени, уткнувшись лбом в пыльную траву и издав мучительный стон. Ничего. Это тело очень скоро станет ему ненужным. Это всего лишь носитель его могущественного сознания и энергии, которой уже давно стало тесно в ограничивающих рамках этого, как показали недавние события, уязвимого организма.

Он встал и, шатаясь, пошел дальше. Там, за деревьями, его ждет автомобиль. Нужно скорее возвращаться в Барнаул. Там он приведет себя в порядок за несколько дней.

Окровавленная ладонь соскользнула с дверной ручки, но Чоху все-таки удалось справиться с замком, и он тяжело ввалился в салон «девятки», откидываясь на спинку сиденья и закинув голову вверх, издав хриплый угрожающий смешок.

Эти кретины упустили его и этим подписали себе смертный приговор. Кровь сочилась через одежду, пропитывая велюровое сиденье под ним, но зедарка это не волновало. Он презирал это тело, и именно поэтому он мог им управлять. Через несколько минут сокращением внутренней мускулатуры он выведет наружу проклятые пули, еще через несколько минут погасит эту жуткую ноющую боль во всем теле, а уже через несколько часов раны затянутся, и начнется медленный, но стабильный процесс восстановления организма. Через пару недель, Чох это знал, он снова нанесет этим несчастным безумцам, осмелившимся бросить ему вызов, ответный визит. И вот тогда все встанет на свои места. Очередной узел кармы будет раскручен, очередной виток судьбы будет пройден. Зедарк закрыл глаза и приступил к извлечению пуль. На улице было уже почти темно.

– Вы его убили? – дрожащим голосом спросила Анна, выглядывая из-за спины Филатова и разглядывая кусты, где скрылся раненый злоумышленник.

– Вряд ли, – Данилыч наклонился и промокнул пальцами его кровь, оставшуюся алеть крохотными каплями на траве. – Он живуч, очень живуч. И эти пули только остановили его, но не убили.

– А ты – боевой дед, – хмыкнул Филатов, прищурившись и разглядывая старика, – где же это таким штукам обучают?

Данилыч вытер испачканную руку о траву и выпрямился:

– Этому невозможно научить. Это приходит само, вот отсюда, – он постучал сложенными пальцами по лбу, – и вот отсюда, – он стукнул кулаком по груди.

– Понятно, – пробормотал Филатов, уже ставший понемногу привыкать к чудесам, – ну тогда, может быть, стоит пойти и догнать этого ублюдка? Он не мог далеко уйти, у него проникающее ранение брюшной полости, с пулей в кишках много не побегаешь. Да и след за ним кровавый...

– След кровавый, это ты, Виталий, точно сказал, – Данилыч посмотрел, на безмолвно замерших рядом Коврова, Санаева и Арамову. – Только не стоит раненого тигра дразнить. Он ушел, и ладно. Пойдемте, братцы, в дом, а то вечер уже. Придется вам еще одну ночь у меня переночевать.

– А вдруг он вернется? – Анну всю трясло, словно у нее было предистеричное состояние.

– Нет, дочка, – уверенно сказал ей Данилыч, осторожно касаясь ее руки, – сегодня он не придет.

– А завтра? – мрачно пробормотал Санаев.

– А завтра, – Данилыч посмотрел на янтарный серп луны высоко в темно-синем небе, – завтра вас здесь уже не будет.

***

Подмосковье

Они собрались на ведомственной даче, принадлежавшей, по всей видимости, тому же РИАБ, но на этот раз вместо конференц-зала, оборудованного по последнему слову техники, местом встречи послужила небольшая беседка, увитая декоративным плющом, с видом на небольшую речку, разделяющую дачную землю от смешанного леса. Столик посередине беседки был заставлен фруктами и минеральной водой, а на поляне, расположенной в десяти метрах, дымились на мангале шашлыки и люля-кебаб. Собравшиеся были одеты в соответствии с местом в легкие рубашки и легкие летние брюки.

– Игорь Борисович, вы знаете, меня очень заинтересовал ваш проект, и все последние дни я был под впечатлением вашего выступления, – Ратников щурился от яркого солнца, проникающего под крышу беседки, – оно, мне кажется, в чем-то совпадает с теорией Германа Юрьевича.

– Не в чем-то, а практически полностью, – Селиванов улыбнулся и, достав из чехла солнцезащитные очки, надел их, создавая контраст со своей выбритой головой. – Просто нам необходимо относиться к этой проблеме предельно честно и более вдумчиво. Вот смотрите, Игорь Борисович в числе первых шагов своей программы предлагает формирование Единой Европейской интегрированной информационной сети, созданной на основе информационных сетей России и Германии. И это целиком совпадает с моей теорией «американской инерционности». Союза России и Германии в США боялись во все времена! Так же, как и боялись они союза России с Азиатским миром. А это – следующий этап программы господина Славина. Американец Гомер Ли сказал: «Последний час англосаксонской политики пробьет тогда, когда немцы, русские и японцы объединятся». А в начале прошлого века один из американских политиков, Брукс Адаме называл Германию, Францию и Россию враждебной Системой, с которой Штатам придется бороться за место империи, или, в противном случае, он считал, что эта Система задушит американскую империю. А Хальфорд Маккиндер считал, что особенную силу может иметь союз Германии, России и Китая. Фактически ничего не изменилось и в наши дни. И союз стран Континентального блока, о котором так хорошо рассказал нам Игорь Борисович, а это, в частности: Россия, Германия, Китай, Индия и Иран, угрожает, как никогда, претензиям империи США на мировое господство.

– Совершенно с вами согласен, коллега, – Ратников встал и подошел к окну беседки, из которого открывался чудесный ландшафт дикой природы, – но, по моему глубокому убеждению, создание Евразийского Континентального блока маловероятно. Представьте себе консолидацию интересов, например, Индии и Китая. Это просто нереально! И уж тем более претензии на координацию подобных проектов невозможны без нового подхода России к своей миссии планетарного масштаба. Для осуществления такого грандиозного шага нам необходима новая геополитическая Доктрина и новая пассионарная элита, которая оказалась бы способна реализовать эту Доктрину на уровне российского суперэтноса.

– М-м, секундочку, Сергей Владимирович, – Мельников продолжал управлять беседой, пытаясь свести все ее нюансы к единой, понятной для всех точке зрения. – Пассионарная элита, суперэтнос – это что-то из Гумилева?

Ратников кивнул.

– Будущее связано с прошлым самыми тесными связями, и для того чтобы анализировать современную ситуацию на геополитической арене, необходимо досконально прояснить себе историческую составляющую проблемы. Партия политической элиты, способная мыслить и тем более действовать в рамках подобных категорий, нам, безусловно, необходима. Так же, как необходимо четко сформулировать новую систему идеологических ценностей, которая бы способствовала возрождению величия России. Но здесь необходимы знания более глубокого уровня.

– О каких знаниях вы говорите? – Селиванов приподнял очки и посмотрел на Ратникова своими пронзительными серыми глазами.

– О знаниях, которым много сотен или даже тысяч лет.

– Вы владеете подобной информацией? – Селиванов расстегнул еще одну пуговицу на рубашке, потому что в беседе в отличие от апартаментов РИАБ не было кондиционеров, а солнце начинало обретать дневную силу.

– Я – лишь опосредованно. Но я намеревался представить вам человека, который смог бы более подробно изложить метаисторическую подоплеку той темы, которую мы все вместе затронули.

Ратников посмотрел на часы и кивнул Мельникову.

– Он должен подъехать через тридцать минут. Анатолий Михайлович, распорядитесь, чтобы его пропустили.

***

Белый Яр.

Он разлил по кружкам горячий чай и закрыл все ставни на окнах. От кружек валил густой пар, пахнувший мятой, валерианой и еще какой-то незнакомой травой. Все присутствующие поспешно разобрали кружки, вдыхая в себя этот успокаивающий аромат.

– Пейте, молодежь, пейте и не думайте ни о чем плохом. Все уже позади, – Данилыч сел на диван и подмигнул бледной и подавленной Анне. – Аннушка, успокойся, мы показали ему нашу силу. Он – не глупец и не самоубийца, чтобы соваться сюда снова. Завтра утром вы уедете, но, к сожалению, не в Барнаул. Теперь вам будет опасно там находиться. Придется уехать куда-нибудь на время, пока мы с Максимом не придумаем что-нибудь. Сева, вам есть, где пожить месяц-другой?

Санаев неопределенно пожал плечами:

– Придумаем что-нибудь.

– Что вы намерены делать дальше? – Филатов прихлебывал горячий чай, одной рукой держа кружку, а другую опустив на пистолет, лежащий рядом на диване. Память упорно рисовала ему

картинки минувшего вечера, где зедарк, раненный двумя пулями, ускользал от прицельных выстрелов.

– Еще пока не знаю, – Данилыч краем глаза посмотрел на Максима, который не произнес за все это время, прошедшее с момента нападения, ни единого слова. – Но теперь его будет гораздо легче найти.

– Он вернется в Барнаул?

– Без сомнения.

– Почему вы так решили? Ему будет проще получить там квалифицированную медицинскую помощь?

Данилыч помотал головой:

– Ему не нужна квалифицированная медицинская помощь. Поймите, он не принадлежит этому миру. Соответственно он будет лечить свои раны, используя для этого законы и помощь из иных миров.

– Он может получить эту помощь в Барнауле?

– Это, пожалуй, единственное место сейчас, где он может получить эту помощь.

Филатов нахмурился.

– Данилыч, а он, вообще, один? Помнится, ты говорил, что в Барнаул когда-то приехала целая семья зедарков. Что тебе известно об остальных ее членах? И вообще, Данилыч, мне хотелось бы услышать, что связывает лично тебя и этого человека? Ведь он пришел сегодня за тобой. Не за Максом, а за тобой. А Макса он хотел убить, когда уже понял, что ничего у него сегодня путного не выгорает. Расскажи нам, мне кажется, мы имеем право знать это.

Старик встал и вышел в соседнюю комнату, затем вернулся, держа в руке курительную трубку и мешочек с табаком. Впервые за несколько дней он курил, и непонятно было, делает он это от нервного перенапряжения или по иной причине. Специальной зажигалкой он запалил сухой табак, и, затянувшись, выпустил огромный клуб голубовато-серого дымка, разошедшегося по комнате, оставляя за собой отчетливый запах вишни.

– Да, Виталик, ты молодец, внимательный. В Барнаул действительно приехал целый выводок этих жутких существ. Ты заблуждаешься, Виталий, называя его человеком. Поверь, в нем очень мало осталось человеческого. Так вот, как я уже вам рассказывал, семью возглавляла старая ведьма. Это была, а может, и до сих пор есть, женщина, если можно так выразиться, продавшая душу дьяволу в самом прямом смысле этого слова. Ее и готовили специально для этой цели – преследования тайшинов. Каким-то образом Ситаны забрали ее под землю и провели по всем кругам своего подземного ада, медленно, но неотвратимо меняя ее мировоззрение и навязывая ей философию, абсолютно не приемлемую для представителя человеческого рода. Последним, завершающим аспектом ее посвящения было совокупление с демоном.

– Инкубом? – Филатов удивленно вскинул брови. Данилыч усмехнулся:

– Можно сказать и так. Но этот демон тоже не был полностью существом преисподней. Это был наполовину человек. Гитанам было необходимо, чтобы в результате этого соития то, что осталось от людей в этих двух существах, смогло взаимодействовать.

– Она должна была забеременеть?

– Именно. Но не просто забеременеть. В результате этой связи должен быть родиться особенный зедарк, также ориентированный на личную неприязнь к тайшинам. И Гитаны подобрали в качестве будущего отца ребенка оборотня.

Данилыч замолчал, попыхивая трубкой и смакуя терпкий ароматный дым.

– Настоящего оборотня? Такие, что, тоже бывают? – Филатов поставил чашку на стол, переглядываясь с остальными.

– Виталий, ты что, можешь еще чему-то удивляться? – спросил Санаев. – После сегодняшней встречи с этим... я даже не знаю, как его назвать, меня вряд ли можно уже чем-нибудь удивить.

– В этом мире, Виталий, – Данилыч, прищурившись, посмотрел сквозь облако дыма на Филатова, – есть еще столько всего, о чем люди даже представления не имеют. А оборотни широко описаны в мифах и исторических документах, литературных произведениях и научных очерках. Что же вас удивляет? Тайшины знают, что тайна восприятия человека лежит в ARS – центре восприятия. Именно местоположение ARS и определяет, как и что воспринимает человек, в каком мире он находится, какой облик он имеет. Поэтому при условии, что вы можете манипулировать ARS, для вас становится вопросом предпочтения: как и что вы воспринимаете, в каком мире вы находитесь, какой облик вы имеете.

– То есть, Данилыч, ты хочешь сказать, что если ты умеешь манипулировать этим вашим ARS, то ты можешь стать кем угодно?

– Именно. Но таким уровнем осознания владеют лишь единицы. Хотя, например, тайшины владеют искусством взаимодействия ARS с ARS своих Куранов. Это значит, что тайшин может при желании поместить свое сознание в тело своего союзного животного или птицы.

Филатов нервно пожал плечами:

– Ты знаешь, если бы я не видел сегодня этого зедарка и вашей с ним дуэли, я бы выразил тебе откровенное недоверие. Но, даже несмотря на мои сегодняшние подвижки в этом плане, мне с огромным трудом верится, что человек может физически перевоплощаться в другое существо.

– Виталий, человек и не может. Потому что существо, овладевшее тайной ARS, перестает быть человеком или еще кем-либо. Оно становится осознанием этих позиций ARS, не более. А что касается оборотней, так в этом тоже нет ничего сверхъестественного. Дело в том, что ARS обладает у некоторых людей достаточно неплохой подвижностью, а, например, у шаманов он приобретает способность достигать иногда невероятной динамики. И некоторые колдуны активно пользуются этой способностью, смещая свой ARS в определенные области своего энергетического тела. Причем области, где человек получает возможность становиться зверем, достигаются обычно с наименьшей затратой усилий. Один из учителей Максима, старый кам по имени Шорхит, например, рассказал мне как-то про шаманов, которые могли физически трансформироваться в существо, почти полностью копирующее волка. Эти шаманы жили очень давно, и тайшины называли их «Юр-мэнсук» – «Оборотень, похожий на волка». Шорхит говорил, что они, скорее всего, уже не существуют в природе. Но однажды он обмолвился, что

знает одного такого шамана. Он якобы живет в предгорьях Алтайских гор и ведет отшельнический образ жизни. Тайшины долго искали его жилище и наконец нашли: заброшенный дом, пристроенный к пещере, выдолбленной в основании горы. Но «Юр-мэнсук» исчез. Хотя мы предполагаем, что именно его нашли и использовали в своих целях Черные Гиты.

– А было в нем что-нибудь человеческое, например, у него было имя? – замороженно спросила Анна, на которую успокаивающий горячий чай произвел свое благотворное действие.

– Да, мы узнали и его имя, – Данилыч удовлетворенно посмотрел на девушку, которая расслабилась и теперь внимательно слушала его повествование, тогда как Санаев, сидевший рядом с ней, был по-прежнему очень напряжен и растерян. – Его звали Кайчи.

– Почему звали? Его уже нет в живых? – в широко раскрытых глазах Анны блуждали ответы от небольшой лампочки – единственного источника света в комнате.

– Никто не видел Кайчи, и никто из нас не знает, что стало с ним впоследствии. Но мы были почти твердо уверены, что именно Кайчи послужил источником семени, давшего жизнь ребенку ведьмы-зедарки.

– Почему вы так думаете?

– Мы обнаружили следы уродского присутствия в его хижине. Мы почти отследили его путь в подземные глубины. Да и слишком ровно все укладывается в планы ургудов. Этим поступком Ситы добились сразу нескольких целей. Во-первых, они сделали это в ритуальных целях, внушив ведьме с ее жгучим стремлением к связи с нечистью мистическую подоплеку ее грядущей судьбы. Во-вторых, они как бы повторили легенду про Ашина, жизнь которому, согласно мифу, дала Волчица. Но и здесь Ситы исказили все в своих далеко идущих планах. Получалось, что они создают антигероя, такого анти-Ашина, жизнь которому дает получеловек-полуволок. Этим актом они стремились исказить сам символ Тай-Шин и ИТУ-ТАЙ. И когда родился ребенок, в его жилах текла кровь «Юр-мэнсука», а воспитание свое он получил от матери, которая вырастила сию в атмосфере ненависти ко всему, что связано с кланом Тай-Шин. Позже она посвятила его в Зеду, сделав оружием своей черной воли. Сын шамана-оборотня и ведьмы-зедарки вырос, став для нас реальной угрозой, заменив на своем разрушительном поприще свою мать, которая превратилась в руку, направляющую карающий меч Ситов.

– Это... был он? – Анна прижалась к мужу, машинально скользнув взглядом по плотно закрытым ставням на окнах.

– Да, это был он, – Данилыч закашлялся и отложил трубку в сторону.

• То есть, если я правильно понял, вам известны только два зедарка: мать и ее сын? – Филатов тоже посмотрел на ставни, не убирая руки с пистолета. В нем были не серебряные, а обычные пули, но, как показала практика, они тоже неплохо останавливали нечисть.

– Нет, мы знаем, что у них были еще потомки. – Данилыч говорил с трудом, словно устал или именно эта тема почему-то давалась ему особенно тяжело. – Несмотря на predetermined будущее, зедарк убежал из дома, обманув ожидания матери и решив начать самостоятельную жизнь. Он даже женился, правда, на женщине, страдающей наркоманией. Но он надеялся спасти ее, используя свои природные возможности: он не умел физически трансформироваться в волка, зато очень искусно умел создавать альтернативную реальность, куда он все чаще и чаще брал с собой свою супругу. У них родилась дочь, маленькая девочка, судьба которой, к сожалению, тоже была уже предрешена. Ведьма нашла своего сына, более того, во время очередного видения, в котором несчастная жена зедарка пыталась перебороть свою слабость, ведьма убила ее, оставив все так, что зедарк был полностью уверен, что в гибели его жены виноваты тайшины. Зедарк вернулся в родительский дом, чтобы начать изучать под руководством

мамочки искусство Зеде, необходимое ему для совершения самого главного дела всей его жизни – мести тайшинам. Именно поэтому он так ненавидит меня. Ведь именно я послужил причиной провала их планов в середине века, именно меня зедарк считает виновным в гибели его жены, хотя на самом деле я даже ни разу не видел ее. И если Максим для него просто выполнение своего долга, то я – элемент его личной мести.

– А что случилось с девочкой? – этот вопрос почти одновременно задали Филатов и Арамова.

Данилыч развел руками:

– С ней случилось страшное. Ведьма забрала внучку у сына и манипулировала им с помощью этой своеобразной «заложницы», которую она тоже приобщила к Зеде, сделав своей лучшей ученицей.

– Значит, их трое? – спросил Филатов.

– Не знаю. Зедарки давно исчезли из поля моего зрения. Их вполне может быть и больше.

– А почему вы сказали, что в Барнауле зедарк может получить какую-либо помощь?

Данилыч мрачно посмотрел на Санаева, задавшего это вопрос.

– Потому что под Барнаулом находится Колодец Силы, который может послужить Воротами для тех, кто с нетерпением ждет снятия энергетической блокады.

– Что это за Колодец? – Филатов испытывал, вероятно, ощущения сродни тем, которые испытывала Алиса, попав в таинственный мир Зазеркалья.

– Это энергетический поток особой мощности, бьющий из земных глубин.

– А что это за энергия? Дьявольская? Данилыч усмехнулся:

– Не все, что связано с земными глубинами, нужно связывать с Ситами. Они лишь нашли себе там свой дом, адаптируясь к тем условиям, которые существовали в этой среде. А что касается именно этого Колодца, то энергию, которая поступает на поверхность планеты в этом месте, лишь условно можно назвать «темной», или, как бы ее назвали даосы – «иньской», женской, мерцающей. Это энергия «Воды», в которой зарождается жизнь.

– И что это значит?

– Ничего. Такие Колодцы есть везде. Почти каждый город выстроен на Колодце той или иной энергетической интенсивности и потенциала. Хотя, конечно, Барнаульский Колодец – явление особенное. Он очень древний и является частью большой энергетической системы, именуемой тайшинами – «шаманский Ромб», включающий в себя Четыре Алтайских Колодца Силы. Именно поэтому на месте, где сейчас выстроен Барнаул, раньше жили очень странные и таинственные племена.

– А что это за племена?

– Это очень долгая и туманная история. Сегодня не время упоминать об этом.

Старик замолчал, и в комнате повисла продолжительная, напряженная тишина.

– Данилыч, а мы еще увидимся? – осторожно спросила Анна, и все вспомнили, что ночь пройдет очень быстро и утром трем участникам этой невероятной мистерии придется покинуть этот дом.

– Не знаю, возможно, – Данилыч мягко улыбнулся.

– Ты уверен, что вам не понадобится наша помощь? – хмуро спросил Филатов.

– Я хочу, чтобы вы наконец поняли – эта битва не случайна. Вы думаете, что этот зедарк нападает на нас потому, что мы как-то связаны с кланом Тай-шин? Но на самом деле все гораздо глубже: он нападает на нас, потому что мы связаны с ним. Карма. Он является частью нашей личной истории, которую мы должны осознать, прежде чем выиграть это сражение. Максим понимает, о чем я говорю. Он на протяжении десятилетий испытывал на себе давление темного духа, которого он назвал Зеркальщиком и который приходил к нему в разных обличьях. Но он будет продолжать приходить к нему, пока Максим не осознает свою связь с этим духом и не сделает себя более подвижным, чтобы обратить Разрушителя в Союзника. Это внутренняя битва. Ее исход заключается вот здесь, – Данилыч опять показал рукой себе на грудь, – зедарк тоже находится где-то там, и он будет находиться там до тех пор, пока Макс не погрузится бесстрашно в глубины собственного «Я», чтобы разгадать тайну своей темной половины.

– Постой, но ведь зедарк напал и на нас тоже, значит, это и наша битва? – Филатов обвел рукой своих будущих утренних попутчиков.

– Конечно, потому что мы как-то связаны, если уж судьба свела нас вместе. Может быть, это наследие прошлых жизней и зедарк пришел оттуда, а может, это основа грядущих пересечений – не важно. Важно то, что каждый из нас должен посмотреть на своего Зеркальщика, свою темную половину. Все люди пытаются избежать этого, но темная половина рано или поздно все равно дает о себе знать. Она проявляет себя как болезнь, несчастье, враг, который угрожает вам смертью. В нашем случае это зедарк, и так как он выбрал в качестве своих основных противников меня и Максима, то соответственно именно мы вынуждены противостоять ему в этой мистической битве. Для вас же существует выбор: вы можете отойти в сторону, а можете присоединиться к этой битве, введя зедарка в свою личную историю. Но вы должны доверять своим чувствам, которые должны подсказать вам: ваша ли это битва и стоит ли вам ввязываться в нее. Не забывайте, принимать на себя чужие битвы – занятие глупое и недальновидное. Хотя вы, конечно же, сами принимаете решение. А сейчас давайте ложиться спать, мы и так изрядно засиделись. Завтра нам всем будут необходимы свежая голова и отдохнувшее тело.

– Я не смогу заснуть, – пробормотала Анна, хотя было видно, что девушка измотана до предела переживаниями минувших событий.

– Да, Данилыч, давай еще немного посидим, – Филатов наклонился к самовару, который стоял рядом со столом, и налил себе в кружку горячего чая. – А ты нам на ночь страшные истории порассказывай, а? Я, например, хотел бы услышать историю про Барнаульский Колодец. А то живу в нескольких часах езды от такого фундаментального места, а слышу про все это в первый раз.

– Про Колодец, говоришь? – Данилыч тоже налил себе чай и, поудобней устроившись на диване, словно и вправду собираясь рассказывать взрослым людям длинную и страшную сказку, заговорил:

– Эта история на самом деле началась очень давно. На месте, где сейчас стоит город, раньше шумела тайга, переходящая в дивные зеленые поля...

Прощание было долгим и даже чересчур затянутым. Данилыч, попрощавшись с Санаевым и Арамовой, о чем-то шептался недалеко с Филатовым. Максим, наоборот, стоял рядом с молодой парой.

– Вам хоть есть куда поехать-то? Всеволод кивнул:

– Да, Виталий нас пригласил к себе. У него в Новосибирске квартира еще одна

однокомнатная есть, так она пустует. Поживем там месяц-другой, глядишь, и вправду все образуется...

Максим вздохнул и пожал плечами. Они уже все сказали друг другу, и теперь между ними было лишь чувство того, что их пути расходятся. Может быть, даже навсегда. Они опять расходились на два разных мира. Мир, где оставались «СИУС», «Темный Ветер» и привычные житейские проблемы, которые просто нужно было научиться решать. И мир, где бил из-под земли столб невидимой энергии, где люди могут передвигаться в телах зверей и птиц, где был ослепленный маниакальной злобой зедарк, где оставались ведун Данилыч и Максим Ковров.

Иногда эти миры пересекались в самых непредсказуемых местах и временах, и в точках пересечения возможны были вот такие странные и полные напряженных приключений встречи.

***

Горный Алтай

Волки выбежали на просеку, разбиваясь по ходу движения в каком-то определенном порядке, в соответствии с иерархией стаи, существующей даже в минуты смертельной опасности.

Охотники, три молодых человека, прилетевшие на Алтай из Новосибирска и нанявшие проводника, выведшего их на волчье загонье, были готовы к появлению зверей. Два выстрела ухнули почти одновременно, и один из волков, взвизгнув, споткнулся и, кувыркнувшись в воздухе, упал на траву, забившись в предсмертной агонии.

– Есть! – один из охотников победно махнул рукой и жадно прикинул к оптическому прицелу «Тигра», разгоряченный успехом и особым азартом, возникающим в процессе убийства, узаконенного «отстрельной лицензией». Карабин резко выплюнул еще одну пулю, которая прорезала пространство, догоняя напряженное волчье тело, пытающееся раствориться в таежной чаще. Раскаленный металл с хищным треском, слышимым только самой жертве, жадно впился в бок волчице, которую развернуло ударом пули, отбросив в заросли папоротника. Еще две пули просвистели мимо. Одна из них с отвратительным чмоканьем ударилась в ствол кедра, оставив на коре аккуратную круглую дырку. Вторая сбила клоч шерсти с одного из молодых волков, успевших скрыться в кустарнике. Три горячих ствола разочарованно опустились вниз, словно давая лесу небольшую передышку.

Проводник, пожилой алтаец, молча смотрел, как вооруженная молодежь спускается с пригорка на просеку, и один из метких стрелков срезает с мертвого тела огромным армейским ножом свои охотничьи трофеи: кончик хвоста и окровавленные клыки. Двое других пошли к израненной волчице, которая еще ворочалась в папоротнике, издавая скулящие предсмертные хрипы.

– Слышь, Рома, – один из них кивнул проводнику, подзывая его к себе, – а волчонка здесь нельзя раздобыть?

– Тебе зачем? – спрашивает проводник, косясь краем глаза на труп волка рядом с ногами охотника.

– Ну тебе какая разница? – молодой стрелок ловко перезаряжает карабин, насмешливо поглядывая на алтайца, – с собой хочу забрать. Вырастить.

Проводник качает головой.

– Не сможешь вырастить. Это же не собака. У них другая жизнь. Убьешь все равно потом.

Охотник смотрит, как двое его товарищей вытаскивают из зарослей папоротника уже мертвое тело и склоняются над ним.

– Да что ты базаришь ерунду? Люпус, он и есть люпус. Что собака, что волк. Одна хрень. Короче, найди мне щенка, поменьше. Найдешь – пятьдесят баксов...

Проводник Рома деловито кивнул. Для него пятьдесят долларов были весьма солидной добавкой к стандартной оплате, а найти волчье логово было для него делом привычным и, можно даже сказать, обыденным.

Спустя полчаса они миновали заброшенный полевой стан и вышли к старой, полуразвалившейся избе, чернеющей сгнившими бревнами.

– Вот здесь у них нора, – Рома кивнул молодому парню на большой заросший лесом холм невдалеке.

– Ну так пойдём? – было видно, что молодые люди уделяют много внимания своему физическому состоянию, потому что получасовой переход их нисколько не утомил.

– Пойдем, – прищурившись от солнца, согласился проводник, и четверо людей вошли в предгорный лес, встретивший их настороженной трескотней кузнечиков.

***

Они остановились около того же уличного кафе, где обедали Санаев с Арамовой несколько дней спустя. Все столики были заняты, и шашлычник, молодой парнишка восточной внешности, вынес для них дополнительный комплект из своей палатки. Столик он собрал за несколько минут, протер его влажной тряпкой и, подставив стулья, побежал к мангалу, на котором аппетитно дымились на длинных шампурах зажаристые шашлыки.

– Что-то сердце у меня беспокойно как-то... – Филатов глубоко вздохнул, стараясь не смотреть на своих собеседников. – Вроде все правильно, а как-то не на месте что-то...

Санаев кивнул, словно соглашаясь с собеседником:

– Я вообще не представляю, как мы теперь дальше жить будем со всем этим?

Филатов внимательно осмотрел привычным фильтрующим взглядом публику за соседними столиками.

– Слушай, Сева, а правду Данилыч про этот Колодец рассказывал? Ну, в смысле, вы же с Анной барнаульские, может, вы это все и раньше ощущали?

– Да, под многим, что он нам рассказывал, я лично подпись могу поставить. Я ведь, когда первый раз про Колодец услышал, вообще в шоковое состояние впал: для меня многое моментально встало на свои места, хотя многое стало еще запуганнее. Я даже архив начал свой создавать.

– Что за архив? – Филатов поблагодарил шашлычника, который принес им три тарелочки с дымящимся мясом, и вновь повернулся к Санаеву, внимательно слушая его.

– Статистика различных необычных происшествий и наблюдений.

– Ну что это за происшествия?

– Видишь ли, уже давно говорят о том, что в конце этого десятилетия произойдут какие-то глобальные перемены на Земном шаре. В частности, произойдут глобальные изменения на политической и географической карте мира, поменяются полюса, произойдут перемены в климате, изменится даже временная метрика. Согласно многим предсказаниям, эти изменения начнутся именно с Сибири. И уж тем более особую роль в этой планетарной трансформации будут играть Колодцы Силы. Я стал наблюдать, связывать между собой иногда даже абсолютно разноплановые события. В моем архиве полно материалов по «серебристым облакам», климатическим скачкам, редким наводнениям, пожарам, землетрясениям, НЛО... Но самое главное, – Санаев наклонился к столику и заговорщицки прошептал, – я нашел древний Герпад – тоннель, через который ургуды пытаются выбраться наружу!

Про Герпад им рассказывал минувшей ночью Данилыч, упоминая его в своем повествовании об истории Барнаула. Теперь эта информация так же обретала реальные черты, как и все остальное, о чем говорил им старый «троповик».

– То есть? – Филатов перестал жевать, застыв с полным ртом и изумленно разглядывая Санаева. Анна тоже удивленно посмотрела на мужа.

– Я нашел барнаульский Герпад, – веско повторил Санаев, – раньше я сомневался, а теперь знаю это наверняка. Во-первых, я узнал место: это старый район города, где-то рядом с местом, куда водил нас в Сновидении Данилыч. Во-вторых, я много понял из его рассказа. Я уверен – зал, который я нашел, это барнаульский Герпад!

– Почему ты мне ничего не говорил? – растерянно спросила Анна.

– Потому что я не знал еще толком, что это такое.

– Сева, как же ты его нашел? – было видно, что Филатова эта тема очень сильно заинтересовала.

– Я занялся подземными изысканиями почти сразу, как только получил от Коврова информацию о Колодце Силы. Это совпало и с созданием «Темного Ветра». Сначала я изучил все доступные архивы, потом приступил к самостоятельным поискам. Но, к сожалению, ничего путного не обнаружил. Ситуация сдвинулась с места, когда я познакомился с Осьминогом – местным диггером.

– А что, и в Барнауле такие есть? – присвистнул Филатов. Ему доводилось слышать про московских, питерских и даже новосибирских диггеров. Но слышать про барнаульских исследователей подземных коммуникаций ему не приходилось.

– Конечно, есть! Но их единицы, дело в том, что подземелье Барнаула ограничивается в основном системой сливного коллектора, и все. Поэтому особенно исследовать там нечего. Но оказалось, что в районе старого города, особенно в районе, где размещались медеплавильные заводы, есть очень интересные подземные полости, причем искусственного происхождения. Часть из них принадлежала монетной индустрии: склады, плавильные печи, воздуходувы... Но некоторые помещения имели довольно отдаленное отношение к обычным человеческим постройкам. Когда я познакомился с Осьминогом, он мне понара рассказывал много интересного про эту загадочную область. Оказывается, туда могут проникать только очень хорошо подготовленные диггеры. Входы в эти коммуникации очень трудно найти и отличить от канализационных тоннелей. Кроме того, подземные ходы в этой части города очень опасны, и было уже несколько случаев, когда диггеры, ушедшие под землю, не возвращались. Мы с

Осьминогом объединили наши усилия и нашли внизу очень интересный зал, который Теперь я могу с полной уверенностью идентифицировать.

– Вот было бы интересно слазить туда, – по-мальчишески загорелся этой идеей Филатов.

– Ребята, вы забыли, что говорил Данилыч? – Анна махнула рукой шашлычнику и, когда тот подошел, попросила у него принести холодной минеральной воды. – Если это действительно Герпад, нам нужно держаться от него подальше, как, впрочем, и от Барнаула вообще.

– Насколько я помню, Данилыч говорил, что Герпады надежно изолированы от нашего мира.

– Герпады изолированы, но дело в том, что в этом Герпаде, скорее всего, скрывается раненый зедарк. Это единственное место в городе, где он может чувствовать себя комфортно и где грани между мирами максимально стерты.

За столиком воцарилось молчание, все обдумывали сказанное. Первым заговорил Филатов:

– Слушайте, так это что получается, мы теперь точно знаем, где находится зедарк?

Анна посмотрела на него с испугом:

– Виталий, вам что, было мало предыдущей встречи? Один раз мы чудом избежали гибели. Второй раз такой возможности может не представиться. Представляете, где-то под землей, в темноте, это жуткое существо... Ф-у... – девушку передернуло. – Данилыч не зря предостерегал нас держаться подальше от этой истории. Вам что, больше всех надо?

Филатов улыбнулся:

– Да нет, мне-то как раз мало надо. Но тошно что-то. Как будто мы бежим, как трусы. А я ведь в Афганистане воевал, в Таджикистане, в Чечне. Там так не принято было, понимаете? Мы, конечно, спрячемся, отсидимся, но Данилыч был прав, это всегда будет с нами. От этого не спрячешься. Нас потом всю жизнь это глодать будет. К тому же, Анна, я говорю только за себя. Вариант с квартирой остается в силе. От Всеволода мне нужны будут только координаты этого осьминога и рекомендации. Понимаете, Макс с Данилычем, может, что-нибудь и планируют, только зедарк за это время оклемается и залижет свои раны. И ищи потом ветра в поле. Он же их ухайдакает. А его нужно сейчас топтать, в его логове, где он нас не ждет, пока он еще от ранений не отошел. Ну что, братцы, по коням? Поехали в Новосиб. а там уже все организационные вопросы порешаем. Я вас на квартиру устрою, а сам приготовлю кое-что для путешествия под землю.

***

Askanai. Itu-Tai. Axhara

Молния. Прорезала фиолетовый небосвод и впилась в землю, жаля ее электрическим разрядом. Мгновение, и ее уже нет. Небосвод темен и мрачен. Угрюмые громады туч, налитые свинцовой серостью, скрывают в себе новую молнию. Гром. Слово сшибаются друг с другом огромные невидимые скалы. Гром утихает, и только эхо уносит дальше за горизонт его остаточный гул.

Адучи сидит на холме, неподвижно, словно каменное изваяние или старинная статуя, высеченная из камня. Черная одежда, в которую он облачен, смазывает его силуэт на

фоне грозового неба. Его лицо тоже наполовину скрыто под черной тканью. У Серого Будды нет лица. Темные глаза внимательно следят за небом. Где возникнет новый огненный штрих? Тучи сходятся в вышине, проникая друг в друга туманной чернотой. Молния. словно голубоватый росчерк невидимого клинка. Копье света врезается в землю. Сейчас последует громовой удар. Небо взрывается почти над самой головой. Адучи чувствует, что он в эпицентре грозы. Он уже научился угадывать, где черное полотно небес прорежет яркая ветвистая вспышка. Он научился чувствовать их. И гром уже не пугает его. Даже когда земля вздымается от оглушительного акустического удара, страха нет. Только вибрация, которая течет по земле и которую впитывает в себя неподвижное тело.

Айрук говорит, что тайшины должны пытаться улавливать молнии глазами и пробовать отождествлять себя с ними. Именно поэтому Адучи здесь. Его тело стало уже подобно аккумулятору, собирающему воедино сфокусированную энергию молнии и грома.

Еще Айрук говорил, что с каждой молнией умирает, а с каждым раскатом грома рождается волк. Может быть, именно поэтому волков считали символом бога-Громовника?

Глаза Адучи прикованы к небу. Целых шесть или семь ветвистых разрядов соединили на мгновение Небо и Землю. Все вокруг осветилось призрачным светом и тут же погрузилось во тьму, чтобы утонуть в буйстве звука, сотрясающего мир. В этом особенность молнии: она пришла и ушла, нанесла свой удар и исчезла в воздухе, чтобы оставить за собой мимолетную вспышку света и оглушающее потрясение.

Куда будет нанесен следующий удар? Увидеть может только тот, кто сам пытается стать таким же быстрым, как молния.

Максим открывает глаза. Яркое солнце заливает зеленый сад с еле слышно шелестящей листвой, которую ласкает легкий ветер, пролетающий мимо. Максим сидит под большой ветвистой березой и грезит о прошлом. Обучение Тай-Шин идет на более глубоких уровнях, нежели обычная память и даже подсознание, впитывающее в себя все неучтенное рассудочным мышлением.

Из дома вышел Данилыч, посмотрел на Коврова и снова зашел в дом. Максим опять закрывает глаза.

– Что спасет мир? – Айрук пристально смотрит на Адучи, который машинально выдает: – Любовь!

– Что такое любовь? Адучи в замешательстве.

– Это чувство...

Айрук быстро и хлестко шлепает его кончиками пальцев по лбу, больно и унижительно.

– Это любовь?

Адучи отрицательно качает головой.

– Это боль.

– А может, боль – это любовь?

– Боль – это боль.

– А что такое боль?

– Это когда... – еще один щелчок, от которого клацкают зубы, на глазах наворачиваются слезы и гудит в голове.

– Ты можешь описать это чувство?

Адучи пытается рассказать тайшину, что он чувствует. Тот внимательно слушает его.

– Если я снова ударю тебя, твои ощущения будут отличаться от того, что ты мне рассказал?

Адучи опять качает головой.

– Нет, я довольно точно передал то, что чувствовал. Очередной щелчок, и в глазах Адучи вспыхнули синеватые искры.

– Ты хотел бы получить еще?

– Нет, у меня уже голова трещит.

– Но почему? Ведь говорить о своих ощущениях ты можешь сколько угодно долго, а пережить их уже затруднительно для тебя?

– Наверное, все-таки описание ощущений отличается от самих ощущений?

– Насколько отличается?

Адучи осторожно трогает ушибленный лоб:

– Практически полностью. Описание – это жалкое подобие того, что мы ощущаем.

– Я хочу, чтобы ты подумал об этом. А потом перестал бы думать и попробовал ощутить. С болью у тебя получилось хорошо, посмотрим, как ты справишься с темой любви?

Несколько грубоватое объяснение в духе Айрука, но, как показывает практика, наиболее эффективное. Айрук обычно идет короткой дорогой. Он чрезвычайно ценит время, и ему наплевать на условности.

Адучи отправляется в лес, чтобы выполнить задание...

Максим опять открывает глаза. Айрук тогда еле нашел его в лесу: невменяемого, истощенного эмоциями и ощущениями. Адучи лежал на паучиной поляне, затянутой со всех сторон огромными ажурными паутинами, по каждой из которых бегали десятки пауков, три-четыре из которых величиной были с человеческий кулак. Тайшина трясло и корежило, он так глубоко ушел в чувственные переживания, что уже просто не мог да и не хотел оттуда возвращаться. Он разговаривал с пауками, с деревьями, с травой и цветами, с облаками и птицами. Все это походило со стороны на помешательство. Айрук взвалил его на плечо и вынес на поляну. И только когда Адучи немного пришел в себя, спросил:

– Ты нашел ответ на мой вопрос?

Но Адучи не мог ему ответить да и не хотел. Он чувствовал в себе огромный заряд необъяснимой нежности ко всему окружающему и знал наверняка: стоит ему сказать хоть одно слово про любовь, он сразу же потеряет это уникальное состояние.

Айрук тазами дал ему понять, что он может не отвечать на этот вопрос.

Максим вспоминает. Он должен найти что-то очень важное внутри, что-то, что подскажет ему дальнейшую стратегию противостояния зедарку.

***

Барнаул

Отвратительный запах гниения ударил по обонянию впереди идущего Осьминога, и он надел на лицо висевший на шее респиратор. Все остальные тут же последовали его примеру. Этот запах мог указывать либо на то, что где-то рядом проходит одна из магистралей сточного коллектора, либо на то, что где-нибудь неподалеку находится полуразложившийся труп живого существа. Диггеры старались не думать о природе этого запаха, это мог быть сорвавшийся в шахту колодца бомж,дохлая собака или крыса, неудачник из диггерской же братии...

Где-то вверху, над головами, раздался далекий гул и тут же смолк. Осьминог остановился и осветил своим мощным шахтерским фонарем развилку коридоров.

– Ос, ты что, заблудился? – Филатов настороженно озирался, периодически поправляя рюкзак у себя за спиной.

Диггер игнорировал реплику позади идущего и, казалось, что-то вспоминал.

– Виталий, а зачем ты с собой эту тяжесть прешь? – это уже шептал на ухо Филатову его сосед сзади – Санаев. Они отправились в экспедицию втроем, несмотря на яростные возражения Анны, которая, естественно, тоже не смогла остаться в Новосибирске и теперь ждала их на поверхности, сидя в автомобиле и тревожно прислушиваясь к шипению рации, комплект которой захватил с собой из дома Филатов.

– Надо, – уклончиво съязвил специалист по безопасности, решив не открывать тайну своей ноши попутчикам до момента прибытия в конечный пункт. Если бы Санаев мог проследить маршрут Филатова после того, как он привез молодоженов в свою однокомнатную квартиру, а сам уехал решать свои неотложные дела, он бы многое понял в его неудержимом стремлении попасть в Герпад. Первым делом Филатов приехал домой, и, помывшись и переодевшись, поел, перекинулся с женой несколькими фразами и помчался в «СИУС». Пробыв там еще пару часов, он встретился на окраине Северо-Чемского района с человеком, в криминальных кругах Новосибирска известным под прозвищем Оружейник. Еще через час он уже ехал по Красному проспекту, а в багажнике его «Мерседеса» лежали мощный радиодугас с дистанционным пультом инициирования, две фанаты «Ф-1», пистолет Стечкина, снабженный глушителем и двумя запасными обоймами, прибор ночного видения и новый водонепроницаемый штурмовой комбинезон, идеально подходящий для проведения небольшой спецоперации в неблагоприятных условиях канализационного лабиринта.

Молодую пару он застал в процессе обсуждения перспектив участия в этом мероприятии. Причем было видно, что Анна отговаривает мужа формально, на самом деле ей тоже было тяжело сознавать, что они могли что-либо сделать для того, чтобы оградить мир от этого чудовища, засевшего в подземелье, но не сделали. И еще ей было просто страшно, как и любой женщине, испытывающей обостренный инстинкт грядущего материнства. Филатов не представлял себе, как она вообще держится до сих пор после всего, что им пришлось пережить. Он сам, человек бывалый и тренированный, находился в каком-то сумеречном состоянии, когда все окружающее воспринимается не критично, зыбко и отрешенно. Решили ехать в Барнаул все

вместе.

– Ос, ну ты что? – Филатов нетерпеливо ткнул диггера пальцем в спину.

– Бляха-муха, вы заткнетесь или нет? – Осьминог, двадцатитрехлетний парень, раздраженно зашипел, извергая сквозь сглатывающий звуки респиратор отборные маты.

– Да ладно, ладно, молчу. Ну что ты так разошелся-то? – примирительно пробормотал Филатов, чувствуя, что от постоянного согбенного положения и тяжести радиодугаса в рюкзаке тело наливается усталостью и немеет. Через несколько минут они опять двинулись вперед, выбирая правый коридор, стены которого были вымазаны толстым слоем дегтя или сажи. Судя по далеким звукам, доносящимся через многочисленные препятствия, и пройденному маршруту, они уже достаточно глубоко вошли в подземные коммуникации города. Но, по рассказам Санаева, до Герпада были еще многие десятки метров узких и грязных коридоров, лазов и тоннелей.

***

Askanai. Itu-Tai. Axhara

Конь вынес его из леса за еловой падью. Он осмотрел сам себя и увидел тканую одежду, поверх которой была накинута роба из кожи, перетянутая широким поясом, на котором был закреплен меч в дорогих оплетенных кожей ножнах. Конь встал на дыбы и стремительно поскакал вперед, зная, куда нужно доставить своего седока. Впереди показался кордон – крепость, огороженная высокой стеной, составленной из остро заточенных кольев. Всадник увидел черный дым над резными крышами пограничных вышек. Это варили смолу. Конь фыркнул и поскакал по направлению к воротам, возле которых стояли суровые воины, мрачно смотревшие на вновь приезжего и державшие в руках средней длины копья. Сквозь прорези на вышках на приезжего внимательно смотрели лучники. Его узнали. Лица воинов сразу просветлели. Но ненадолго. Он громко прокричал им:

– Закрывайте ворота. Они идут! Они уже совсем рядом!

Всадник проехал во внутренний дворик крепости и спешил. Его крик слышали все. Со скрипом захлопнулись мощные ворота, и на них легли две грубо обструганные балки. Вес сразу пришло в движение...

Максим открыл глаза, с трудом вдыхая остывший вечерний воздух сада. Его всего трясло. На этот раз он копнул слишком глубоко. Картина осажденной крепости была настолько явственной, что не оставалось сомнений: интроспекция подняла из глубин сознания давние эпизоды какой-то прошлой жизни.

Максим осмотрелся. За весь день он фактически не двинулся с места, по-прежнему сидя под березой и предаваясь углубленному переосмотру внутреннего пространства. На этом настоял Данилыч, руководствуясь только ему известными мотивами. Угрожающей фигуры в воссозданных образах еще не обнаружилось, хотя Максиму казалось, что именно что-то подобное он и должен найти в себе, чтобы отследить глубинные мотивы преследования его зедарком. Но уже в конце дня выплыла эта незнакомая или давно позабытая жизнь, и Максим чувствовал, что должен вернуться в то далекое, скрытое в самых укромных уголках информационного генофонда пространство. Он снова закрывает глаза и делает необходимые

дыхательные упражнения, погружаясь в прошлое, наполненное лязгом оружия, яростными криками нападающих и мучительными стонами раненых.

Вокруг пылал огонь, вылизывая частокол и крепостные стены. Черный дым повис в небе плотным, густым облаком, закрывая непроницаемым пологом багровый диск солнца. Все окрестное пространство было заполнено яростью и смертью. Люди и нелюди сошлись в ужасной сече.

Чудь пришла...

Движение сзади, уворот, и легкий меч пробивает горло атакующему ургу. Обратное движение меча, и окровавленный клинок врезается в грудь еще одному чудцу.

– Андор, они пробилась в Огнеяр! Скачи... – короткая стрела обрывает фразу, и молодой воин падает навзничь, судорожно сжимая рукой темное оперение торчащего в районе груди древка.

Огнеяр... Там ведуны... там Световик... там крестовый Оберег...

– Акшун! – конь издает протяжное ржание. Нужно пробиться к нему, скорее... Удар, удар... Меч в руках словно живой – сам наносит удары, выискивая уязвимые места на телах врагов. Урги дрогнули, но не побежали. А значит, нужно прорубать себе путь сквозь их плотные ряды. Меч подрезает сухожилие на ноге огромного урга, занесшего над головой изогнутый топор. Удар рукояткой разбивает его голову. Кровь и хрипы. Вперед,

скорее...

– Акшун!!

Вот он, черный, вороной конь, бока которого перемазаны в крови – обломок стрелы торчит из бедра, а это значит, скакать на нем нельзя.

Воин гладит коня одной рукой, пытаясь успокоить раненое животное.

– Огнеяр горит!!! – истошный голос потонул в лязге сшибающихся

мечей.

Над Скитом действительно поднимался столб дыма, а это значило, что урги уже там.

Свист трех стрел прозвучал как один звук. Две из них вошли во вздымающийся и опадающий бок коня, третья пробила кожаную робу воина и вошла ему в спину. Его бросило на коня, и они оба завалились на землю.

– Волковника убили...

Превозмогая боль, воин дотянулся до древка стрелы и обломил его у самого основания.

Затем поднялся на одно колено, опираясь на меч. Прямо перед ним стоял ург. Их глаза встретились на мгновение. Ург оскалился лился и стремительным движением воткнул свое копьё воину в правую руку, сжимавшую меч, пробив ее насквозь. В это же самое мгновение левая рука поверженного воина взметнулась вверх, и в горло чужцу вонзился тонкий короткий клинок метательного ножа. Ург зашипел что-то на незнакомом языке жалобно и обреченно и, сев на колени, упал навзничь. Тот, кого называли Волковником, медленно поднялся на ноги и осмотрелся по сторонам. Урги заполонили все пространство внутри Скита. Никто и не предполагал, что их может быть так много. Еще одна стрела прилетела откуда-то из смолянистого дыма, стелющегося по двору, и ударила в грудь. Воин застонал, удержавшись на ногах. Но вслед за этой стрелой прилетела вторая. Мир вокруг закружился и погрузился во тьму...

Максим открыл глаза и понял, что уже давно была ночь. В окнах дома горел свет, и это значило, что Данилыч не спал. Через несколько секунд на веранду вышел и сам хозяин жилища, словно почувствовавший «возвращение» Коврова, который медленно встал, разминая затекшие от долгого сидения ноги.

– Данилыч, что такое Огнеяр?

Старик молча махнул ему рукой, приглашая в дом.

***

Барнаул

На мощной бетонной балке, отгораживающей тонкую дорожку и сточный канал, по которому текла вонючая черная вода, сидела огромная крыса, глаза которой светились в темноте, словно две фосфоресцирующих точки.

– Это промежуточный переход, – Осьминог осветил фонарем грязные стены, – здесь раньше был один из водооттоков, по которым стекала в Бар-наулку дождевая вода. Уже двадцать лет здесь никого не было.

– А почему здесь так воняет? – Санаев сморщился и боязливо посмотрел на крысу, не проявляющую абсолютно никакого беспокойства при виде редких гостей.

– Речка-говнотечка, – радостно сообщил Осьминог, – некоторые сливные шлюзы забились грязью, и вода иногда скапливается в резервуарах, загнивая и плесневея. Понемногу она растекается по другим водооттокам и впадает в Барнаулку.

– А эти крысы людей не жрут? – осведомился сдавленным голосом Филатов, тоже не привыкший к подобным испарениям.

– Да на фига вы им нужны, у них здесь своего корма хватает, – буркнул Осьминог и медленно стал двигаться вперед, придерживаясь свободной рукой за скользкую стену.

П-с. Тихий хлопок слился с шумом воды, и зеленые глаза крысы исчезли в темноте, будто се смела с балки невидимая рука. Осьминог удивленно обернулся на Филатова.

– Ты что, сдурел?

– А что? Проверка экипировки, зачистка местности. А вдруг это крыса-мутант? Ты мимо, а

она тебе, раз, на шею и в две секунды артерию сонную перегрызет.

– Ты что? – глаза диггера расширились и теперь смотрелись гротескно над шипящим респиратором. – Здесь нельзя стрелять! Тут же рикошетом может обратно мочкануть! Или газопровод какой-нибудь рядом заложен, и все... Знал бы, бляха-муха, вообще не стал бы с вами связываться!

– Да ладно. Ос, не кипятись. Ну не буду больше...

Диггер развернулся и, что-то бурча себе под нос, медленно двинулся дальше. Через десять метров они свернули в большой коридор, где можно было позволить себе выпрямиться во весь рост.

– Через десять минут прибудем на место, – торжественно провозгласил Осьминог и пошел вперед, освещая дорогу перед ногами пляшущим светом фонаря.

***

Горный Алтай

Волк вышел на вершину холма и замер, разглядывая идущих вверх по склону холма людей. Один из охотников тут же среагировал, скинув с плеча карабин и подняв на прицельную высоту. Все остальные замерли.

– Ух ты, красавчик! – охотник припал к окуляру оптического прицела, ловя неподвижный серый силуэт в перекрестие разметки, – ты смотри, стоит, не шелохнется.

Алтаец Рома издал какой-то икающий звук и, шагнув вперед, накрыл карабин своей рукой, пригибая его вниз. Молодой парень, не ожидавший от своего проводника такой наглости, удивленно округлил глаза.

-Ты что, Ром? Ты...

– Тихо, – прошептал охотовед и, не сводя взгляда с силуэта на вершине холма, многозначительно кивнул на ватка.

Парни недоуменно переглядывались: неожиданное поведение проводника наложилось на непривычное поведение зверя, создавая «эффект остановившегося времени», когда, кажется, замирает весь мир вокруг.

– Стойте тихо, не двигайтесь, – чуть слышно повторил алтаец, лицо которого превратилось в неподвижную каменную маску. Сам он чуть вышел вперед и, показывая волку пустые руки, поклонился и сказал что-то на не знакомом охотникам языке. А зверь стоял и разглядывал пришельцев, не показывая при этом ни малейшего намека на испуг. Парни, в глазах которых еще были живы моменты недавней охоты, когда безжалостные пули сбивали бегущих животных, словно кегли в кегельбане, недоуменно переводили взгляд с проводника на серую фигуру, контрастно выделяющуюся на фоне бирюзового неба. Их руки лежали на придающих уверенность мощных карабинах, но никто из них не двинулся с места, словно подпадая под гипнотические действия пожилого алтайца. Рома же попятился, по-прежнему не сводя взгляда с волка и показывая попутчикам жестаами, что им тоже нужно уходить.

– Ром, что это за цирк? – охотник явно чувствовал себя неуверенно. Уйти от очевидной добычи да еще таким позорным, ракообразным способом, – пятаться, – было для него неприемлемо. Однако он понимал, что все они находятся в тайге, где господствуют свои законы, которые проводник-алтаец, конечно же, знает лучше их. И если он реагирует на этого странного волка столь неординарно, забыв даже о субординации и об обещанных баксах, значит, в этом

действительно есть необходимость, которой следует подчиниться. Даже несмотря на карабины, снабженные многократной оптикой.

Уже внизу, когда они добрались до полуразрушенной избы, откуда начиналось их восхождение на холм, проводник нарушил молчание и взволнованно забормотал:

– Все, уходить надо. Скорее уходить отсюда.

Охотники, еще бросая удивленные взгляды в сторону лесистой горы, старались не смотреть друг на друга, скрывая смущение и непонятный страх, родившийся где-то глубоко внутри.

– Ром, ты не бормочи, а объясни, что произошло-то? Что мы от него побежали-то, как от оборотня, блин? Его мочкануть нужно было, и все дела.

Проводник испуганно вздернул брови и, прошептав что-то еле слышно, медленно проговорил:

– Нельзя. Это и был оборотень. Убьешь его – все, и двух дней не проживешь!

Парни недоверчиво уставились на перепуганного алтайца.

– Как это, оборотень? Настоящий, что ли? Ром...

Но проводник был не похож сам на себя: испуг искривил его спокойное обычно лицо и придавал движениям излишнюю резкость.

– Вы что, не видели? Разве волк может себя так вести? Это был не обычный волк! Его послал Хозяин Алтая! Там, в нем, – алтаец нервно сглотнул, – шаман сидел, вы что, не поняли? Там, в волке. Он его глазами на нас смотрел. Такое, говорят, в этих местах случается. Уходить надо...

Было видно, что охотникам и самим было неуютно в этом странном месте, но закончить охоту бегством означало для них потерять не только кайф от охоты, но и друг перед другом свое лицо. Поэтому предложение проводника было встречено ими неодобрительно.

– Роман, ты это что нас грузишь-то? Оборотни, шаманы – это все понятно. Но, по-моему, ты палку перегибаешь. Пойдем, вернемся, завалим его и посмотрим, кто там внутри сидит?

Алтаец шарахнулся в сторону, будто не было для него ничего страшнее, чем идти опять на эту страшную гору.

– Тут, неподалеку, – он махнул рукой куда-то в сторону, – древнее шаманское святилище стоит. Тут места особые. «Волчья гора». Давным-давно тут волки-шаманы обитали. А я, дурак, за деньги купился, чуть вас всех и себя не угробил. Уходить отсюда надо, пока отпускают.

Он развернулся и торопливо засеменял туда, откуда они пришли, периодически оборачиваясь и махая охотникам рукой. Парни задумчиво смотрели ему вслед, затем бросали быстрые взгляды на вершину горы, пытаясь разглядеть там крохотную фигурку таинственного волка, так сильно напугавшего их проводника. Спустя несколько минут они, посмеиваясь, медленно пошли за удаляющимся Ромой, давая ему понять, что в оборотней и шаманов они не верят, но и оставаться здесь одним, без провожатого, лишившегося своих комиссионных, им тоже не очень улыбалось.

***

Белый Яр

Максим сидел на диване, укрывшись большим клетчатым пледом, и, дрожа, прихлебывал из стакана фирменный травяной чай Данилыча.

– Максим, я не смогу ответить на твои вопросы, потому что не представляю себе содержание твоих видений. – Старик сидел напротив Коврова, попыхивая курительной трубкой и щурясь от удовольствия. Максим прислушался к своим ощущениям:

– Я много раз перепросматривал свою личную историю. Много раз у меня были подобные инсайты, но никогда я не переживал их так явственно. Тем более никогда не мог предположить, что в моих прошлых жизнях были какие-то древнеславянские корни.

– Просто ты копнул очень глубоко. И причиной этому послужила эмоциональная встряска, полученная тобой в результате атаки зедарка. Можно сказать, что он пришел и встряхнул тебя так, как не делал этого даже твой самый жесткий учитель – Айрук. И не исключено, кстати, что этот зедарк пришел именно из этого прошлого.

– Через сотни лет?

– Для кармы не существует понятие «время». Просто он мог прийти в это время теми же путями, которыми пришел сюда ты.

Максим усмехнулся:

– Данилыч, странно от тебя слышать понятие такое – карма. Когда говорил Айрук, это было понятно. Но ты...

Старик, ехидно прищурившись, посмотрел на него сквозь завесу пахнущего вишней дыма:

– Макс, с кем поведешься... Я же говорю, чтобы тебе понятно было. Ну назови я ее – «Тяги Земные» – проще тебе будет? Или начни я на Огне разговаривать...

– Как это «на огне»?

– На «маяке». Так назывался тайный язык офеней, позже переделанный блатными в «феню», «блатную музыку».

– Это что-то из криминального мира? Данилыч кивнул:

– Тут Санаев ко мне девушку одну привозил, ну из своих, из дуэнеров, – Елену, кажется. Так вот она меня, старого, замучила совсем. Все искала связь криминального мира с древней русской культурой. Даже диссертацию решила писать. Я ее сначала отослал с Богом, а она опять сюда.

Настырная девчонка попалась. Ее особенно интересовали образ Волка в традиции русских ведунов и возможные параллели с первыми обществами деклассированных элементов, ворами то есть. Блатной жаргон, ритуалы, язык жестов... И, ты знаешь, вижу, девчонке-то и вправду интересно – за ушедшее цепляется, свою личную историю перелопатить хочет. Вот как ты. Давай к тебе вернемся, а то времени у нас осталось всего ничего.

Максим сбросил с плеч плед, его уже больше не трясло – Данилыч, как всегда, очень грамотно и своевременно разрядил обстановку своими спонтанными отступлениями.

– Я бы хотел побольше узнать о... «том себе». Старик неопределенно пожал плечами:

– А кто тебе сказал, что это был ты? Как вообще можно мерить такие моменты категорией «Я»?

– Ну, как же... Данилыч фыркнул:

– Сейчас последует термин «реинкарнация». Я его тоже где-то слышал... Но давай не будем

все упрощать. Если ты будешь считать «себя того» собой, то рано или поздно непременно сойдешь с ума.

– Но это был я. Я все чувствовал: звуки, запахи, цвета, боль...

– Максим, в человеке содержится грандиозный запасник знаний – генофонд. В нем – информация от сотен биологических существ. Ты расшатал свое восприятие, и генофонд стал открывать тебе свои тайны. Но представь, что будет, если ты пойдешь дальше и начнешь ассоциировать себя с еще более древними предками, потом, может быть, животными и так далее... Не зацикливайся на личностях. Тебе и так необходимо научиться справляться с одной, своей личной историей, а ты пытаешься притянуть туда еще несколько. Ты просто открыл какую-то часть самого себя, не более. Ты должен отследить, почему именно это знание пришло к тебе в данный момент?

Максим задумался.

– Это определенно был какой-то переходный период между Крещением и древним Язычеством.

– Почему ты так решил?

– Я видел символы. Много разных символов. Среди них был, кажется, символ, похожий на Коловрат – славянскую свастику. Были какие-то кресты. Потом были резные обережки... Я вспомнил! Я был сыном ведуна!

– Опять «я»?

– Ну не я, ну «тот». Он был воином и ведуном, и в его задачу входила защита Скита, где находилась какая-то священная вещь. Не помню...

Данилыч остановил его жестом руки:

– Подожди, не напрягайся, так только хуже будет. Попробуй лучше вспомнить, что ты видел, когда я водил вас в «темный Барнаул»?

Ковров удивленно посмотрел на старика:

– Слушай, Данилыч, а ведь я все вспомнить не мог! Меня даже Анна тогда спросила то же самое, а я ей какую-то чепуху сказал, потому что никак не мог воспроизвести в памяти это видение. Все зедарк перед глазами стоял черным силуэтом. А вот теперь я вспомнил! Ну, конечно же...

– Что ты видел?

– Это была словно картина над землей: зеленые холмы, а над ними резные деревянные избы. Странные такие, незнакомые и знакомые одновременно! И люди. Я людей каких-то видел. Но только словно каша какая-то, наложение образов: будто смесь древнеславянского и азиатского стилей, конгломерат культур. Что это значит?

Данилыч довольно засмеялся, словно Ковров сделал наконец действительно что-то значимое и стоящее.

– Это было видение только для тебя. Остальные вряд ли могли увидеть это.

– Что это было?

– «Другой» Барнаул. Кто-то назвал бы его «эфирным», но, на мой взгляд, это было бы не совсем правильным определением.

– Постой, так я действительно видел тот самый «Воздушный Барнаул»?!

Данилыч зашелся в хохоте:

– Ну какой же он был «Воздушный», если мы, можно сказать, забрели на его задворки? Он просто «Другой»...

– А почему такое смешение стилей? Деревянные дома с резными узорами, похожие на славянские избы, и алтайские айлы одновременно?

Данилыч поднял вверх руку с отставленным указательным пальцем.

– Вот! Это и есть переходный момент, осознав который ты сможешь собрать все дремлющие во времени части самого себя, соединить их воедино, проследить свою связь с этим местом, этим городом и событиями, которые здесь должны будут произойти. Затем ты сможешь попасть в этот город самостоятельно, без моей помощи. Но перед этим тебе необходимо научиться преодолевать границы твоего сознания. Ты должен вызвать из небытия Рубеж, за которым и скрывается до поры до времени твое мнимое и истинное безумие. А потом ты должен будешь перешагнуть эту границу.

– И что я там найду?

Данилыч громко хлопнул в ладоши, словно подводя черту ночному бдению:

– Ты найдешь там зедарка.

***

Барнаул

Огромный зал казался бы еще огромней, если бы был освещен не тремя фонарями, а хотя бы тремя мощными прожекторами или, на худой конец, тремя десятками пылающих факелов. Но даже при таком скудном освещении его величие поражало. Трое людей стояли в самом центре грандиозного помещения, замороженно рассматривая изображения на стенах, выполненные в виде глиняной мозаики, раскрашенной всевозможными красками. Тусклые лучи фонарей выхватывали из темноты изображения каких-то древних воинов, низкорослых человечков, напоминающих гномов, высоченных одноглазых существ, похожих на демонов из буддийского пантеона. Было видно, что этим высокохудожественным рисункам, выполненным даже с эффектом некой объемности, очень много лет.

– Ух, ты! – восторженно прошептал Филатов, осторожно положив наконец свою тяжелую ногу себе под ноги. – Это же памятник архитектуры! Тайная комната дворцового замка! Наследие древней цивилизации!

– Да, эту залу еще, наверное, до демидовских заводов выстроили, – задумчиво пробормотал Осьминог, который был здесь уже третий раз и поэтому не испытывал столь бурных эмоций. –

Только никому до этого дела нет.

– Как это нет?! Да ты что, с ума сошел? Да сюда хоть одного профессора приведи, самого захудалого, он себе на этом мировое имя сделает! Тут же все древностью пропитано! И где: под никому не известным провинциальным городишком!

– Так в том-то все и дело! – Осьминог грустно усмехнулся, – ты думаешь, кого-то это заинтересовало?

– А кому ты уже успел наболтать? – востропнул молчавший до этого момента Санаев и направил луч фонаря в лицо молодому диггеру. Тот сразу закрылся руками и виновато запричитал:

– Да нет, Сев, ну ты что? Мы же с тобой договорились... Я сюда один раз только ходил. Сидел вот здесь, посередине – жуткое ощущение, аж дух захватывает. А потом как-то решил проконсультироваться с одним... ну, специалистом. Он меня фантазером и утопистом обозвал и посоветовал книжки начать фантастические писать. Так вот я и думаю, кроме Всеволода, никто этот зал всерьез не воспримет. А приводить сюда никого нельзя – это точно.

– Почему? – удивленно спросил Филатов.

– Здесь духи живут, – доверительно и на полтона ниже сообщил Осьминог. – Вот Сева не даст соврать.

Филатов посмотрел на Санаева, словно ожидая услышать от него подтверждение их первоначальной версии.

– Сева, ты думаешь, это он? Санаев кивнул.

– Да, это Герпад. Сомнений быть не может. Вот, смотри, на стенах – эти фигуры воинов. Это – тайшины. Видишь, у них лица закрыты? Вот это, скорее всего, аримаспы, демоны подземелья. Вот это – ургуды. Вот – карлики, гномы. А вот, смотри, человек, вокруг шеи которого обвилась небольшая змея, и волосы его, как у Медузы Горгоны, – из маленьких змеек – Змееносец, зедарк. Здесь нарисована вся история противостояния людей надземного мира и существ из мира под землей!

– Но почему ты уверен, что это тайшины? Может, это молитвенник какой-нибудь сатанинской секты, а эти фрески – изображения из религиозных мифов?

Санаев скользнул лучом света по стене, остановив световое пятно на каком-то символе.

– Узнаешь?

– Свастика?

– Нет, это не совсем та свастика, к которой привыкли люди. Смотри, у нее вместо окончаний на линиях обрыва узорное изображение волчьих голов. Это тайшинская свастика. Они поэтому так и называют ее – «волчок». Мне Максим рассказывал. «Волчок», понимаешь? Тебе это ничего не напоминает?

– Детство. Когда такая игрушка была, юла, по-моему, называлась?

– Вот-вот. Юла! В этом заключается тайна свастики. Для людей она неподвижна, а мастера Тай-Шин умели «сдвигать» ее с места и даже «раскручивать». как юлу! Овладевший тайной движения свастики был неуязвим против сил Зла.

– Слушай, да они тут везде. На всех стенах.

– Я же тебе говорю. Это тайшинский зал. А какую функцию выполняли тайшины, ну, помнишь, я тебе рассказывал?

Филатов задумчиво хмыкнул:

– Они сторожили ургудов?

Санаев поводил еще лучом фонаря по стенам, словно оживляя его электрическим светом древние символы.

– Они сдерживали то, что находится под землей и что стремится выйти наружу, уничтожая все живое на этой планете. Именно поэтому здесь столько защитных символов. Я же говорю – это Герпад, адский тоннель. Ургуды нашли Колодец Силы и прорыли прямые ходы из самого сердца их обиталища вот сюда, в надежде, что, когда Колодцы Силы разбалансируются вследствие определенных социальных и психосоциальных причин, то станут вместо поддерживающей функции выполнять функции разрушительные. И первым делом защитный слой будет нарушен именно здесь, рядом с Колодцем Силы. Понимаешь?

– Я-то понимаю, а вот он? – Филатов тихонько засмеялся и несильно ткнул ничего не понимающего из их разговора Осьминога рукой в плечо.

– Смотри, еще, – Санаев опять чиркнул светом по стенам и остановил светящееся пятно на изображении какого-то странного зверя. – Знаешь, кто это?

Филатов внимательно изучил рисунок существа, усилив его освещенность светом своего фонаря.

– Если я ничего не путаю, это Грифон?

– Да, только это – тайшинский Грифон.

– А в чем разница?

– Средневековые Грифоны были существами с телом льва, шеей змеи, крыльями и мордой орла с перепончатым гребнем. Тайшинский Грифон является сочетанием двух существ: Волка и Орла. То есть можно сказать, что это «Крылатый Волк» – особый символ Тай-Шин, который тоже является одним из ключевых элементов их мифологии. Поэтому я уверен на сто процентов: этот зал создали тайшины, чтобы изолировать пути, ведущие из подземелья наружу.

– Какие тут пути? – Филатов еще раз бегло осмотрел зал. – Он же пустой!

Санаев что-то прикинул и, сориентировавшись по рисункам на мозаике, вышел на самый центр зала.

– Осьминог, когда ты здесь один бывал, где, ты говоришь, тебе было особенно жутко?

Диггер лучом показал место у ног Санаева.

– Нет, Ос, только такой отморозок, как ты, смог бы сюда один прийти, – уважительно пробормотал Филатов. – А потом еще и обратно дорогу найти. «Парень – железные нервы». Если бы из таких парней да понаделать бы гвоздей...

– Виталий, хватит! Иди сюда. – Санаев показал рукой себе под ноги. – Смотри внимательно. Ничего не замечаешь?

После десятиминутного изучения поверхности пола исследователи сделали вывод, что ровно посередине зала пол имеет иную структуру.

– Что это значит? – задумчиво спросил Филатов.

– Это то, о чем я тебе говорил, – почему-то тихо прошептал Санаев. – Ворота в другой мир.

– Какие же это Ворота? Как они открываются? Здесь есть секретный механизм?

– Да нет, эти Ворота не открываются. Это даже не Ворота, это заблокированный вход в Герпад. Заплата на поверхности Земли, которая закрывает ургудский тоннель.

– Из чего же она сделана? – Филатов провел рукой по ровной поверхности пола, – если

езде камень, то здесь явно какой-то металл.

Санаев нервно засмеялся, хлопнув в ладоши:

– Все сходится!

Осьминог и Филатов удивленно посмотрели на него, затем переглянулись друг с другом.

– Что сходится?

– Когда я изучал историю застройки города, мне в руки попались очень интересные документы, хранившиеся до шестидесятого года в спецхране, а затем каким-то образом перешедшие в частное владение к одному историку. Там были отчеты одного из негласных соглядатаев императорской тайной службы, Семена Решетова, посланного Кабинетом Его Императорского Величества в ближайшее окружение Акинфия Демидова, строившего здесь первые медеплавильные печи. Так вот очень любопытные дневники, надо сказать. Этот Решетов, в частности, писал, что иногда на заводе происходили удивительные вещи: стали пропадать рабочие. Исчезали – и все. Хотя все были на виду, да и исчезнуть тут было некуда. Упоминает он и каких-то странных людей, появляющихся иногда в районе завода. Пишет он, что однажды на рабочих, обслуживающих «толчею» для дробления руды, напало какое-то существо, похожее на человека, но страшное. Оно убило одного рабочего, а другого схватило в охапку и скрылось под землей. Кроме этого, есть в его дневниках упоминание о некоем загадочном консультанте, привлеченном для проверки качества руды. Согласно описаниям Решетова, консультант имел очень низкий рост и очень плохое зрение. Сторонился солнечных лучей и работал в комнате, освещенной красной лампой, а также имел странный говор и манеры. Но в руде понимал толк и определял ее характеристики на глаз. Решетов так и писал: «Будучи инженером, он знал о меди, серебре, золоте и иных металлах больше, чем все штейгеры – горные мастера и «командиры производства», вместе взятые. И вообще, вероятно, более чем любой человек...» Понимаете, он ведь неслучайно делает это сравнение! Низкорослый человек, фактически карлик, сторонящийся солнечных лучей и разбирающийся в горно-рудном производстве, как никто другой! Странно, правда? Но и это еще не самое интересное. Согласно его сообщениям, в Кабинет в 1753 году в отчетность заводской бухгалтерии были внесены преступные ошибки. Куда-то исчезло большое количество серебра, неучтенное в плавильных записях, – около сорока пудов драгоценного металла! До разбирательства дело почему-то не дошло, хотя объем пропажи был достаточно велик. Информация тоже каким-то образом в Кабинет не поступила.

– Сева, к чему ты клонишь-то?

Санаев топнул ногой по полу и заговорщически произнес:

– Вы что, не поняли до сих пор? Шестьсот семьдесят килограммов чистого серебра. И Пятно посередине тайшинского схрона. А какой металл всегда тормозил всякую нечисть?

– Шестьсот килограммов серебра? – на выдохе произнес Осьминог, присаживаясь на пол и положив на него ладони, – думаешь, это они все сюда вбухали?

– Уверен, – Санаев кивнул, – среди заводского руководства наверняка были люди, связанные с Тай-Шин. И серебро это у нас под ногами. Только толку, Ос, от этого никакого. Ты, я смотрю, уже свое новое диггерское снаряжение обсчитываешь? Только, во-первых, не забывай, зачем это серебро здесь было залито многие годы назад. А во-вторых, не забывай, что это собственность Тай-Шин, и если ты кому-нибудь языком трепанешь, то без языка в лучшем

случае и останешься.

– А в-третьих, не забывай, Сева, зачем мы сюда пришли. А то совсем мы что-то от главной темы отвлеклись.

– Ты имеешь в виду зедарка?

– Давай не будем в этих стенах поминать нечисть, а то и так что-то жутковато здесь.

– Но его здесь нет. Возможно, мы ошиблись, а возможно, он где-то рядом. Сидит в темноте и смотрит на нас оттуда.

Все трое инстинктивно встали друг к другу поближе, и лучи фонарей забежали по погруженному во тьму залу Тай-Шин.

«Воин света порой подобен струящейся воде, обтекающей препятствия, которые встретились ей на пути.

Бывает так, что сопротивление приведет к неминуемой гибели, и тогда воин применяется к обстоятельствам. Без жалоб и сетований он следует по каменистой тропе, выходящей вдоль горных ущелий.

И силы его сродни силе воды, ибо никто покуда не сумел разбить воду молотом или пронзить ножом. Самый могучий на свете меч не в силах оставить шрам на ее поверхности.

Воды реки применяются к возможностям и особенностям пути, но всегда помнят при этом о главной цели – о море. Слабый ручеек постепенно обретает силы от встреч с другими реками.

И вот приходит миг, когда мощь воды становится необратима».

Пауло Коэльо

«Книга воина света»

Небольшая горная речка ниспадала со снежных вершин по скальным породам вниз, на перекатах превращаясь в шумные водопады и разделяясь у основания горы на два потока: один – все такой же бурный и стремительный, уносящийся прочь прозрачными светло-синими перекатами, и второй – медленный, успокоившийся, образующий в подгорной впадине чистое глубокое озеро, отражающее в себе бесконечный голубой небосвод.

На огромном валуне, словно вросшем в берег озера, сидят два человека: старик и молодой мужчина, оба закутанные в темную одежду, перехваченную синими поясами. Тай-Шин. Клан Волка. Воины-призраки, обитающие в лесных святилищах. Тайга шумит вокруг них непроницаемой зеленой стеной, а высоко в небе кружится черная точка – орел, зорко несущий караул над водной купелью. Старик смотрит на этого небесного скитальца и задумчиво произносит:

– Скоро небо станет темным, а земля зыбкой...

Туан кивает. Он знает, о чем хочет сказать ему Юрг. Скоро земная твердь вскипит подобно волнам бурной реки, и из открывшихся дыр на поверхность Среднего Мира выйдет Ур.

– Грядет большая Битва, – голос его печален, словно Юрг способен прозреть взглядом времена и уже видит безумие, обрушившееся на людские поселения. – Немногие племена отважатся противостоять ему.

– Я слышал, какой-то богатырь, живущий у подножия Белых Гор, объединил несколько

племен в одно войско?

– Да, это славный воин, но его войско малочисленно. Все погибнут в этой битве, никого не останется в живых из этих храбрых богатырей.

– Но я слышал, что к нему примкнуло много «инородцев», владеющих тайной «огненного боя». Это оружие превосходит стрелы и мечи.

Юрг вздохнул:

– Ур тоже несет из земных глубин страшное оружие. Но то, что разные племена стали объединяться, уже многое значит.

– Не все верят в Нашествие. Не все знают о Темном Солнце. Для многих Ур лишь страшное предание, переходящее из уст в уста, от стариков – детям.

– Когда они выйдут наружу, тогда будет уже поздно. Призраки обретут плоть, духи вступят в противоборство с людьми.

– Юрг, что будет с нами? Что будет с Тай-Шин? Старик пристально смотрит Туану прямо в глаза:

– Тебе решать...

Молодой тайшин удивленно смотрит на своего учителя.

– Я не понимаю... Юрг кивает:

– Конечно же. ты понимаешь, только не хочешь себе в этом признаться.

Туан озадаченно разглядывает старика, одновременно прислушиваясь к своим ощущениям.

– Мне кажется, что ты хочешь сказать мне, что мы больше уже не увидимся.

Юрг пожимает плечами.

– Разве это имеет значение?

– Для меня имеет. Юрг смеется:

– Значит, мы еще увидимся.

– Меня изгоняют из Тай-Шин?

Старый шаман рисует палкой какие-то невидимые символы на горячей поверхности валуна.

– Туан, из Тай-Шин никого невозможно изгнать. Наша община существует не как племя или орда. Мы подчиняемся иным законам и у нас иной порядок. Изучая ИГУ-ТАЙ, мы становимся подобны Ветру. А как можно изгнать откуда-либо Ветер? Он летает неудержимо в любом направлении, между Небом и Землей. Его невозможно поймать, ему невозможно приказывать. Когда Волки обретают Крылья, их уже становится невозможно остановить в своем стремлении к Свободе, к полетам сквозь Вечное Синее Небо. И даже если один Ветерок отобьется от общего потока, это ничего не значит, потому что Ветер меняет направление своего движения в соответствии с голосом своего сердца.

– Но мое сердце не говорит мне, что я должен уйти!

– Правильно, – Юрг говорит полузакрыв глаза, подставляя сморщенное лицо ярким солнечным лучам, – это говорит мне мое сердце. Уйти дач-жен я.

Туан растерян и удивлен.

– Ты должен уйти? Куда?

– На Ту Сторону Дня.

– Но ты... Камкурт! Община не может остаться без руководства. Юрг улыбается:

– Теперь уже нет. Теперь, Камкурт – ты!

– Я!? – Туан недоверчиво смеется, словно отдавая должное юмору своего учителя, – ты говоришь это серьезно?

– Я не могу быть серьезным, ты же знаешь, – старик поднимает палку посох и опускает один из ее концов в воду, – серьезность давно бы свела меня с ума. Серьезность подобна этой палке: на нее опираешься, когда чувствуешь себя неуверенно. Но стоит опустить ее в воду, и ни о какой уверенности не может быть и речи.

Посох выпал из его рук и заскользил по зеркальной поверхности озера.

– Но если ты оказался в воде, она сама будет поддерживать тебя гораздо надежнее старой древесной палки.

– Но причем здесь вода? Ты говоришь, что теперь Камкурт – я. Что это значит?

– Я должен уйти. Завтра вечером будет большая битва. Я уже чувствую движение ургудов под нашими ногами. Они минуют Ворота днем, когда солнце окрасится в черное. Они выйдут, но будут скрываться в пещерах, дожидаясь вечерних сумерек. С наступлением вечера ургуды выйдут в наш мир. Они будут уничтожать все живое, попадающееся им на пути. Но основной их целью будет то, что ты принес ко мне, когда тебе угрожала опасность.

– Ты имеешь в виду...

– Тсс! – Юрг прикладывает палец к губам, – не произноси вслух его названия. Сейчас это становится действительно опасно. Ургуды где-то совсем рядом. Если они завладеют Им, они смогут открыть Ворота своего мира настезь, и тогда нечисть хлынет оттуда подобно таежному гнусу, которого уже будет невозможно остановить. Поэтому Его нужно надежно спрятать. Но сделать это лучше меня не получится ни у кого. Потому что я лучше остальных знаю дороги невидимого мира. Я унесу Его туда, где ургуды и их Черные Властелины никогда не смогут отыскать Его.

– А... что же будет с нами? Юрг опять пожимает плечами.

– Тебе теперь решать, какова будет дальнейшая судьба Клана. Вы можете раствориться в лесу, где вас будет очень сложно найти даже многочисленным ургам. Можете уйти со мной, исчезнув из этого мира подобно теням в солнечный день. А можете вступить в битву с Ургачимиду, проявив все свое воинское искусство и силу союзных духов. Какой путь выберешь ты, мне неизвестно.

– Но почему я? Почему ни Юрмон, твой сын? Он гораздо более опытный воин, нежели я. Управление Кланом по праву принадлежит ему.

Юрг кивает, складывая руки на груди.

– Не мы выбираем, кому встать во главе Общины. Воинское мастерство здесь не играет никакой роли. Юрмон знает это, и он пойдет за тобой, как и все остальные тайшины, какое бы решение ты ни принял. Но прежде чем принять его, ты должен все хорошенько взвесить.

– Сколько у меня есть времени? Юрг разводит руки в стороны:

– У тебя его нет. Отталкивайся от этого понимания. Окончательное решение ты должен принять до заката солнца. Потом наступит ночь, последняя ночь перед битвой. И тайшины либо уйдут в Сновидение, либо останутся ждать рассвета. Рассвета, который принесет людям день, наполненный невиданным ужасом.

***

Барнаул

Анна ждала их в «Тойоте», слегка задремав, свернувшись калачиком на заднем сиденье автомобиля. Всеволод осторожно потрогал ее за плечо. Девушка вздрогнула и открыла глаза, испуганно вглядываясь в полумрак салона. На улице была уже ночь, и Санаев включил только тусклый осветитель, установленный за зеркалом заднего обзора.

– Ой, ребята. А я такой сон про вас страшный видела. Ну как, нашли? Филатов издал неопределенный звук, похожий на сдержанный вопль

восторга и разочарования одновременно.

– Найти-то нашли. Да не сберегли.

Анна удивленно переводила взгляд с одного мужчины на другого.

– В каком смысле не сберегли? И что нашли?

– Тайшинский пограничный зал нашли, – взволнованно пробормотал Всеволод, – как я и предполагал. Все сошлось. Но вот только...

– Зедарк там? – нервно спросила Анна, и в ее взгляде промелькнул испуг.

– Зедарка там мы не застали. Но зато нашли шестьсот семьдесят килограммов чистого серебра и потеряли одного вонючего диггера. Паршивца и выродка. – Филатов несильно стукнул ладонью правой руки по своему же колену.

– Что вы говорите? Как потеряли? – Анна еще, видимо, не отошла после своей дремы, потому что было видно, что она тщетно силится что-либо понять. – А где Осьминог? Вы же вместе уходили?

– Уходили-то вместе. А потом у этого голодного по жизни молокососа мозги съехали, как он только про серебро услышал.

– Да про какое серебро? – девушка раздраженно ущипнула мужа за руку.

– Мы нашли изоляционное Пятно, «заплатку» в Щите, которую сделали триста лет назад, использовав для этого серебро плавки демидовских печей.

– Слушай, Севка! А может, заводы здесь тоже неслучайно появились?

– Мне тоже эта мысль в голову приходила, – Санаев ответил Филатову кивком, словно подтверждая свою старую и довольно сомнительную гипотезу. – Кольвань, Змеиногорск, Павловск, Алейск... и еще множество окрестных городов, где были построены сереброплавильные заводы. Я собирал информацию: согласно моим предположениям, именно в этих городах или в их окрестностях могут находиться «зоны минимальной плотности» Щита. Этакие «мини-Герпады». Поэтому...

– Сева, Виталий! Куда вы подевали Осьминога? Он что, остался в подzemелье?

– Да шут его знает! – Филатов откинулся на спинку сиденья и устало произнес:

– Этот опарыш, как про серебро услышал, так занервничал, засуетился. А когда мы назад пошли, он и сгинул. Мы его звали, по рации вызывали – бесполезно. По-моему, этот гаденьш нас просто кинул. Как мы вообще выбрались, непонятно. Бродили там среди дерьма.

– Да-а, запах от вас, – сморщившись, пробормотала Анна.

– Понимаю, Аннушка, – Филатов перегнулся через переднее сиденье, на котором сидел, и улыбнулся девушке, – а ты бы знала, какое... м-м, амбрэ под землей! Как будто все фекалии города хлынули в отсыревшие катакомбы подземного мира!

– И что теперь будем делать дальше? – Анна задумчиво закусила губу, нахмутив брови и закинув ногу на ногу.

– С серебром или с Осьминогом? – весело спросил Филатов.

– С зедарком, – хмуро пробормотала Анна, и в салоне автомобиля воцарилось тревожное молчание.

***

Белый Яр

– Тебе нужно уходить, – произнес Данилыч и показал рукой в сторону темного неба, усыпанного мириадами звезд и нависшего над горизонтом мерцающим шатром.

– Уходить? Куда? – Максим еще слабо понимал, зачем хозяин дома разбудил его посреди ночи. С момента, когда они легли спать, прошел всего час от силы. Поэтому Ковров чувствовал себя отвратительно: его шатало, сильно кружилась голова и закрывались от усталости и недосыпания глаза.

– Ты до сих пор не понял, зачем змееносец выманил тебя в Барнаул?

– Зачем? Ему нужен был Курмин...

– Курмин, это понятно. Зачем он тебя выманил именно в Барнаул?

– Да черт его знает... Данилыч усмехнулся:

– Да черт-то знает, в этом ты не сомневайся. Он даже то знает, чего ты не знаешь. Он не просто хочет тебя убить – это было бы для него слишком простой задачей. Он хочет принести тебя в жертву. Дело в том, что он некромант. Он владеет тайной перехода в иные измерения с помощью особых ритуалов над трупами своих жертв. Кровь Камкурта, пролитая на Камень Грома и Молний, поможет ему не только пробить брешь в Щите, она поможет ему самому беспрепятственно войти в Подземный мир, чтобы воссоединиться со своими предками и своими Повелителями. И даже если он не получит Курмин, у него есть запасной ход – он не сможет войти в Айказар в физическом теле, но сможет пробиться сквозь защитное Пятно в тонком, энергетическом теле. То есть он просто ускользнет под землю, оставив на поверхности Пятна два трупа – свой и твой. Именно поэтому тебе не только нельзя сейчас возвращаться в Барнаул. Тебе нужно бежать отсюда так далеко, как ты только сможешь, пока я придумаю способ, с помощью которого мы сможем избавиться от змееносца.

– Но куда мне бежать?

– Не знаю. Куда-нибудь. Причем желательно куда-то, где мало людей или все люди находятся на виду. Зеда опасна прежде всего тем, что ее адепты обладают даром обманывать зрение. Я уже говорил вам об этом, предупреждая твоих друзей от поездки в Барнаул. Зедарк может годами вживаться в твое ближайшее окружение, стать твоим другом, твоим компаньоном по бизнесу, твоим родственником. А потом, когда ты будешь искать врага где-то на стороне, он

нанесет тебе свой смертельный удар. Поэтому беги, беги туда, где ты сразу почувствуешь змееносца.

Слова Данилыча окончательно рассеяли сон. Максим тряхнул головой и пробормотал нерешительно:

– Я знаю такое место. Это... Данилыч прижал палец к губам:

– Тс-с, я тоже не должен знать место твоего пребывания. Это твое личное дело. Когда все закончится, ты почувствуешь это и приедешь сюда сам. Если Бог даст, мы увидимся с тобой еще.

Максим кивнул и тоскливо посмотрел на светлеющий горизонт. Он уже точно знал, куда нужно ехать. Одно из тех редких мест в Горном Алтае, где реальность пересекается с иллюзией и привычные вещи могут представлять совершенно в непредсказуемых ракурсах. Место, где, так же, как и в Барнауле, переплелись воедино два мощнейших эгрегора, образуя уникальный субстрат завораживающего потустороннего влияния.

Сначала Максим подумал было отправиться в горы, где ночуют в зеленых лощинах дымные туманы и где стоит среди скал и деревьев маленькая хижина, где он впервые встретился с таинственным искусством Тай-Шин и древней магией ИТУ-ТАЙ. Там живет Шорхит, старый шаман, тайшин, который тоже решил остаться в этом противоречивом мире. Но потом перед глазами снова встала потрясающая картина, виденная Максимом много раз, но постоянно ускользающая на волнах эмоций, мыслей и чувств. Это видение и определило его выбор.

Данилыч, стоявший рядом, протянул ему небольшую спортивную сумку.

– Я должен уехать прямо сейчас?

– Да, уезжай. Время сейчас стало слишком непредсказуемым, чтобы можно было рассчитывать на него и строить какие-то планы.

– А как же ты?

Данилыч решительно поднял перед собой руки:

– Поезжай, мой мальчик. А обо мне не беспокойся. Ты видел, я могу постоять за себя. Поэтому выкинь меня из головы, как и все лишнее, мешающее тебе вступить в свой самый ответственный поединок.

***

Барнаул

– Почему же его здесь нет? Может, этот зедарк уже сдох и лежит себе где-нибудь в этой

подземной клоаке, разлагается? – Филатов нервно барабанил пальцами по панели автомобиля.

– Ага, с такой живучестью он нас всех переживет, – мрачно пробормотал Санаев.

– Типун тебе на язык, – буркнул Виталий и посмотрел сквозь приспущенное окно в направлении колодцев, через которые они вышли наружу. – Он где-то там, я чувствую. Только мутит он чего-то, чего-то выжидает. И Осьминог этот паршивый. Ведь растреплет все...

– Оба-на! – Санаев хлопнул в ладоши, – а ведь я, кажется, понял. Мы ему не нужны. Мы его жену не убивали. Это он Данилыча пришил хочет, это его личная вендетта. А Макс ему нужен для того, чтобы открыть Ворота. Понимаете? Вот его основная цель! Все остальное – средства. А для чего? Он хочет уйти. Но сейчас он ранен, у него осталось мало сил. Как он может решить свою проблему, затратив на это минимальные усилия?

Филатов с Анной посмотрели друг на друга и синхронно пожали плечами.

– Ему нужно снять заплатку – Пятно. В одиночку он этого сделать не сможет, поэтому он решил сделать это чужими руками.

– Осьминог! – отрывисто бросил Филатов, играя желваками.

– Осьминог, – подтвердил Санаев, – зедарк, скорее всего, был где-то неподалеку, скрываясь в темноте, он мог слышать нашу беседу. Обладая даром внушения, он мог воспользоваться эмоциональной сферой нашего проводника, чтобы внушить ему жажду обладания этим грандиозным кладом, стремление первым преподнести обществу сенсационную новость, да мало ли что... Главное, что своей цели он добивается в этом случае все равно. Придут люди, жадные, сильные, энергичные, и проблема Пятна будет решена. Понимаете?

– Интересно, – пробормотала Анна, – где же он сейчас, этот ваш горе-проводник?

– Не важно, – буркнул Филатов, – это уже не важно. Главное, что произошла капитальная утечка информации. Не сегодня завтра этот малолетний корыстолюбец приведет туда людей. И тогда все...

– Но что же мы можем сделать? – Санаев переглянулся с женой. – Не бегать же, не искать его по всему городу, объясняя, что разблокирование Герпада чревато самыми непредсказуемыми последствиями?

– Конечно же, не бегать, – как-то странно и спокойно произнес Филатов, и Санаев вдруг все понял.

– Виталий, а где твой рюкзак?

– Я его там оставил. Сева. Как видно – не напрасно.

– Там взрывчатка?

– Да. Тротил. Детонатор – «гремучая ртуть» – реагирует на ток. – Филатов вынул из кармана портативный пульт дистанционного управления и показал напарникам.

– А он не расплавит серебро? Может, наоборот, мы окажем зедарку услугу, взорвав его? – Анна обеспокоенно смотрела на пульт.

– Нет, Пятно он не повредит, – отозвался Филатов уверенно, – я положил его у края дальней стены, в самом углу. Во-первых, чтобы его никто не нашел, а во-вторых, чтобы при направленном взрыве рухнули несущие длинные стены, завалив Пятно десятиметровым слоем земли.

– Ты хочешь его сейчас рвануть? – осторожно спросил Санаев.

– А что тянуть-то? Что-то изменится через десять минут, через час, сутки? Завалим его, чтобы больше никому, ни зедарку, ни диггерам всяким типа этого «мсгайтиса», соваться туда

неповадно было.

– А если Осьминог все еще там? – Анна кивнула головой на люки колодцев, зияющих черными кругами в светлеющем воздухе утренних сумерек.

– Да и черт с ним! – Филатов прищурился, – если бы не Севкино чутье, мы бы могли из этих катакомб вообще не выйти. Да и нет его там. Ты что? Он же здесь каждую щелочку в земле знает. Если уж мы давно наружу выбрались, то этот-то гвардеец уже наверняка оттуда за два часа до нас выскользнул.

Он открыл дверцу автомобиля и направил радиопульт на отверстия колодцев.

– Ну что? С богом?

Анна нерешительно кивнула, а Санаев махнул рукой. Филатов нажал кнопку инициирования, но ничего не произошло. Ни через секунду, ни через три, ни через минуту напряженного ожидания.

– Не сработало? – спросил Всеволод, а Филатов вышел из автомобиля и сплюнул на асфальт.

– Мощности не хватает. Сигнал до закладки не доходит – тут же земли многометровый слой да еще всякие бетонные стены внутри, трубопроводы. Изоляция, короче.

– Что будем делать? – спросил после продолжительного молчания Сева.

– Идти надо, что еще тут делать, – пробурчал Филатов.

– Куда идти? – спросила Анна, машинально взяв мужа за руку.

– Туда. Под землю, – Филатов топнул ногой по асфальту, засунув руки в карманы своего черного штурмового спецкомбинезона.

– Ребята, это безумие! – Анна с надеждой посмотрела на мужа, словно ожидая от него поддержки, – вы же без Осьминога дороги не найдете! Да и как вы собираетесь взрывать этот ваш тротил, вас же там самих завалит?

– Другого выхода нет, – жестко сказал Филатов и выжидательно посмотрел на Санаева. Тот согласно кивнул.

– Анна, ты пойми! Это уже не просто наше дело. Если информация о Герпаде, а тем более о шестистах килограммах серебра выйдет в общество, ты представляешь, что начнется? Идти нужно. А без меня Виталий точно там сгинет. Я примерно помню наш маршрут. Ведь Осьминог нашел Герпад с моей помощью, – добавил он виновато, боковым зрением посмотрев на Филатова.

Через пять минут они уже были около люков канализационного коллектора, но спуститься туда они не успели. Из-за заваленного ржавыми баками пустыря, отделяющего место входа в подземелье от небольшой однорядной дороги, стремительно выехали, освещая местность голубоватым светом галогенных фар, три иномарки. Увидев их издалека, Филатов досадливо пробормотал:

– Быстро, однако, – и махнул рукой Анне, которая осталась сидеть в автомобиле. Она тоже увидела машины и, все поняв, завела мотор. Не зажигая фар, «Тойота» медленно сдала назад, заезжая за поросшие густым кустарником полуразвалившиеся сараи, став невидимой для вновь приезжих.

Филатов удовлетворенно кивнул и прыгнул в люк. Следом за ним в черное отверстие юркнул Санаев. Подземная эпопея продолжалась.

Сквозь густое сплетение веток Анна могла видеть, как к самым люкам коллектора

подъехали три автомобиля: два джипа и один полуспортивный «Ниссан». С шумом открылись дверцы, и из машин стали выскакивать крепкие парни, вооруженные автоматическим оружием. Девушке показалось, что среди вновь прибывших она увидела того самого проводника, которого муж называл странным прозвищем – Осьминог. В том, что молодые люди были представителями какой-то криминальной группировки, сомневаться не приходилось. Молодой человек, очевидно, использовал свои знакомства в этой сфере, чтобы, опередив своих попутчиков по заброшенным подземным ходам, получить доступ к Пятну, состоящему из чистого благородного металла. Филатов оказался прав. И среагировал пацан молниеносно, видно, желание пробиться к сокровищам демидовского схрона было на самом деле непомерно велико. Анна нажала кнопку на радиопередатчике и торопливо проговорила в эфир:

– Сева, Виталий, они спускаются. С ними Осьминог У них автоматы и пистолеты. Уходите оттуда.

Спустя несколько минут в салоне автомобиля раздался шипящий далекий голос Филатова:

– Анна, мы их слышим. Они идут за нами. Сиди на месте, не высовывайся. Если с нами что-нибудь случится – немедленно уезжай. Мотор не глуши. Будь осторожна. Конец связи.

Голос исчез, оставляя девушку в одиночестве. Анна закрыла глаза и, дрожа от волнения, опять сжалась в клубок на переднем сиденьи. В ее воображении возникали и гасли видения, одно страшнее другого. И от этого становилось еще тревожней. Хотелось нажать клавишу вызова на пенале радиопередатчика и говорить, говорить, но она знала – там, в подземелье, мужчины скорее всего уже выключили рации, чтобы не обнаружить себя посторонними звуками. Или, как в прошлый раз, передача оборвалась в одно мгновение – видимо, они вошли тогда в какое-нибудь помещение с толстыми бетонными стенами. В любом случае оставалось сидеть и ждать. Ждать, пока каким-то образом разрешится эта напряженная ситуация под землей или, в крайнем случае, Филатов сам выйдет на связь и сообщит об их местонахождении. Замерев, Анна стала наблюдать за автомобилями криминальной группировки, рядом с которыми стояли и курили несколько бригадных бойцов.

Выстрелы ударили оглушительно громко, эхом отлетая от стен, разрывая многолетнюю тишину заброшенных под землей катакомб. Пули с отвратительным чмоканьем ударились в бетонное ограждение, где несколько мгновений назад двигались две темных фигуры.

Филатов толкнул Санаева за угол развилки, ведущей в два смежных коридора, и, чуть высунувшись из-за угла, несколько раз выстрелил в ответ. Его выстрелы в отличие от громких уханий АКСУ прозвучали в замкнутом пространстве подземелья разительно контрастно.

П-с. П-с. П-с. П-с. Глушитель сглатывал звуки, но пули, очевидно, нашли цель, потому что послышался негромкий вскрик и звуки шагов преследователей поутихли.

Филатов удовлетворенно кивнул и, достав из кармана передатчик активизации радиодугаса, еще несколько раз нажал кнопку. Опять ничего не произошло. Взрыва не последовало. А это значило, что изоляционный порог еще не был ими преодолен.

– Сева, на передатчик и иди потихоньку вперед. Я их сейчас тормозну и тебя догоню.

Подождав, пока Санаев скроется в коридоре, Филатов стремительно достал из кармана ребристое яйцо осколочной гранаты «Ф-1». Второй рукой он положил пистолет себе на колено, отвел защелку магазина, извлек почти пустой магазин, зацепив его пальцем за выступающий край. Этой же рукой он вставил в рукоятку новую обойму, ухитрившись захватить затвор и отвести его назад для досылки патрона. Инерционный момент вернул пистолет в руку. Филатов улыбнулся: навыки, полученные им в спецшколе ФСБ, были наработаны до автоматизма. Теперь

их приходилось применять против вооруженных бандитов, прельстившихся на легкую добычу. Осьминог наверняка предупредил их, что у одного из его подопечных есть оружие, этим и объяснялось столь агрессивное поведение преследующей стороны. Хотя после эффектной демонстрации способностей преследуемых бойцы стали более осторожными.

– Эй, братан, давай по-мирному порешаем вопрос. Вас ведь всего двое. У нас автоматы. Мы же вас на куски порвем. Давайте так: мы вас отпускаем и забираем металл. Лады?

Судя по тону и манере разговора, парни принадлежали к категории «отморозков», тех, кто был ютов, не задумываясь, пустить в ход оружие, особенно если речь шла о значительном куше.

Филатов покатал фанату в руке. «Лимонка», «ананасовка», «черепашка» – старая добрая «Ф-1» до сих пор не имела аналогов в мире по убойному действию осколков. В спецназе «лимонка» использовалась как раз именно в подобных случаях: когда малыми силами нужно было достигнуть максимальных результатов по нейтрализации превосходящих сил противника. В узком коридоре подземелья эта граната была, пожалуй, самым страшным останавливающим оружием. При взрыве бризантного – дробящего заряда корпус гранаты, отлитый из «сухого» чугуна, раскалывается на мельчайшие осколки неправильной формы с рваными острыми краями, которых во время взрыва образуется до трехсот-четырехсот. Поэтому на близких дистанциях, тем более в условиях замкнутого узкого пространства от осколков «Ф-1» спастись было просто невозможно.

Шаги по гулкому бетону.

– Эй, пацаны, дергайте отсюда, – Филатов старался говорить громко и спокойно, – это чужой металл. Глупо умирать за него. Я вас всех здесь оставляю, если...

Отрывисто рывкнул автомат, и несколько пуль разбили угол стены, за которым сидел главный специалист по безопасности «СИУСа».

П-с. П-с. Филатов сделал несколько выстрелов вслепую, а затем выдернул фиксирующее кольцо «лимонки» одним пальцем. Отсчитав после хлопка запала одну секунду и сжав вместе колени, он бросил ее без замаха в коридор. Метнувшись в нишу, где скрылся несколько минут назад Санаев, он слышал, как граната упала на пол, покотившись прямо под ноги набегающих преследователей. В темноте они не сразу поняли, что это такое: шипящий запал УЗРГМ был похож на безобидную шутиху, которые жгли на новогодние праздники эти молодые ребята, развлекая своих подруг, своих детей, друг друга. Но тогда это было пьяное праздничное веселье, теперь же это был жуткий кошмар, настигнувший их в подземных переходах заброшенных тоннелей.

Колоссальное давление разворотило чугунный корпус «старой черепахи», и акустический удар вместе со взрывной волной и мелкими осколками разошелся в стороны, подбивая крепежные подпорки, удерживающие потолочные сваи, и обеспечивая сплошное поражение ростовой цели, находящейся в коридоре, в радиусе десяти-пятнадцати метров.

Филатова ударило в спину оторвавшейся балкой, и он упал на пол, потеряв сознание.

На улице звук взрыва был услышан только курившими водителями иномарок, теперь сгрудившимися около входа в подземелье и беспokoйно заглядывающими в черные отверстия люков. Анна, следившая за ними, ничего не почувствовала, но поняла, что что-то произошло. Она попыталась позвать ликвидаторов Герпада по рации, но ответом ей было только пустое, безжалостное шипение.

Подмосковье

Вновь прибывший оказался невысоким, но кряжистым мужчиной с интеллигентной внешностью, подчеркиваемой такими аксессуарами, как очки в дорогой тонкой оправе, изящный кожаный портфель, ручка «Паркер», торчащая из кармана рубашки в мелкую синюю полоску. Ратников общался с ним как со старым добрым знакомым и даже вышел из беседки, чтобы встретить его на дальних подходах, на гладко выстриженной поляне.

– Господа, разрешите представить, Громов Александр Дмитриевич, в прошлом достаточно известный ученый и политик, а ныне философ, историк, а также руководитель Славяно-тюркского союза. Вот он-то как раз и сможет рассказать нам всем кое-что интересное про возможную консолидацию Азиатского мира, России и Германии. А также именно от него я услышал очень интересную версию причин геополитических претензий США на нынешней мировой арене.

Громов пожал руки всем присутствующим и, расположившись за столиком, достал из портфеля несколько тонких папок, раздав их окружающим.

– Это результаты моих последних изысканий. Я сейчас расскажу тезисно, о чем идет речь, а потом, если у вас возникнет интерес к данной теме, я готов предоставить более детальную и развернутую информацию по любому заинтересовавшему вас вопросу. Итак, будучи недавно на Алтае, я получил довольно-таки интересную информацию о деятельности некоего мистического культа, именуемого «Клан Волка» и имеющего отношение к ряду событий, не побоюсь этого слова, мирового масштаба. Согласно этой информации в середине двадцатого века на территории СССР действовала тайная организация «ЩИТ», управляемая одним из адептов этого загадочного шаманского клана и по совместительству руководителем одного из силовых ведомств МГБ. В свою очередь эта организация являлась также структурным подразделением некой международной организации «Треугольник», в которую входили представители еще двух государств – Германии и США. Понимаете, к чему я клоню?

Ответом Громову было недоуменное молчание, которое, однако, нисколько его не смутило.

– Все противоречия между этими государствами протекали на фоне действия неких геомагнитных аномалий, именуемых «Большими Колодцами». Мистическая энергия, источаемая этими Колодцами, и являлась той невидимой силой, столкнувшей между собой эти страны, управляли которыми некие ставленники подземной цивилизации, именуемой «Айказар».

– Секундочку, Сергей Владимирович, – Селиванов посмотрел на Ратникова и криво усмехнулся, – это что же, шутка такая?

Ратников виновато улыбнулся невозмутимому Громову и веско произнес:

– Герман Юрьевич, сделайте одолжение, выслушайте человека до конца, а уже потом выносите суждения. Может так случиться, что к концу этого рассказа ваш скепсис сменится на искреннюю заинтересованность.

– А мне интересно! – Славин задумчиво покивал головой, – у меня тоже есть кое-какие мысли на этот счет. Только я не осмеливался предложить их на всеобщее обсуждение.

Селиванов откинулся на лавке и развел руками, ожидая продолжения рассказа.

Барнаул

Санаев уже дошел почти до самого входа в Герпад, а пульт все не срабатывал. Дуэнерг давил на кнопку инициации, но фугас безмолвствовал.

– Виталий, ты меня слышишь? – Всеволод вспомнил о рации и теперь давил на кнопку передачи. – Ты где? Что это был за взрыв?

– Сева, я в порядке, – ответил Филатов после минутной паузы. – Я их взорвал, почти всех. Ты где? Почему не активируешь закладку?

– Я в схроне. Пульт не работает.

– Вот черт! Я подойду через десять минут, заплутал немного, но сейчас уже сориентировался. Найди фугас, там, в сумке, есть локальный таймер. Установи его на двадцать минут.

Санаев вошел в зал и, осветив его фонарем, испытал странное чувство, изморозью скользнувшее по коже. Через полчаса этот грандиозный тайник, который он искал целый год, превратится в завал. С землей смешаются эти завораживающие картинки на стенах, и никто из людей, живущих в этом городе, так никогда и не узнает, что скрывалось в недрах этого таинственного места.

Он еще раз осветил фонарем настенные фрески и прошелся по залу, отыскивая в углах сумку, оставленную Филатовым. Когда луч фонаря упал на черный человеческий силуэт, Санаев даже не сразу понял, что это не элемент мозаики, а кто-то, стоявший в нескольких метрах от него, закутанный в черную плащ-накидку.

Дуэнерг вздрогнул и выронил фонарь, отпрянув назад. Тут же тьма в зале слегка просветлела – это в спрятанных в настенных нишах светильниках зажегся тусклый свет, осветивший зал призрачным рассеянным мерцанием. Черный человек, стоявший посередине помещения, не двигался, и Санаев на мгновение подумал, что это представитель какой-нибудь сатанинской секты, о жутких ритуалах которой рассказывал им Осьминог.

– Кто ты? – хриплый голос дуэнерга прозвучал в гулких стенах зала сдавленным шепотом.

Фигура откинула назад капюшон, скрывающий лицо, и Санаев увидел, что это – девушка. Ее красивое лицо с завораживающим взглядом темных глаз было покрыто вязью, напоминающей татуировку. Узор был так гармонично наложен на лицо, что составлял, казалось, единую композицию, отдельные элементы которой уже невозможно было отделить друг от друга.

– Кто ты? – повторил Санаев, почему-то вспоминая жуткие глаза зедарка там, в саду...

– Уходи отсюда, – голос девушки звучит как-то странно. В нем нет привычных тонов, присущих обычно женским голосам. Он будто звучит из другого мира. От него в пространстве раздается дрожь и останавливается время.

– Что тебе нужно от меня?

– Уходи отсюда... – повторяет девушка, словно стараясь донести глубинный смысл сказанного до разума дуэнерга, – если хочешь остаться жить.

«У них родилась дочь, маленькая девочка, судьба которой, к сожалению, тоже была уже предрешена».

Санаев смотрел на незнакомку, а тело его обмирало от ужаса.

«Ведьма забрала внучку у сына и манипулировала им с помощью этой своеобразной «заложницы», которую она тоже приобщила к Зеде, сделав своей лучшей ученицей».

– Я... не могу уйти... – произнес он решительно, стараясь не смотреть ей в глаза, похожие на два черных уголька, по которым только что прошло пламя костра.

Девушка смотрит куда-то поверх его плеча. Санаев чувствует, что там тоже кто-то есть, но не может повернуться – тело отказалось повиноваться ему. Шаги...

Дуэнерг преодолел мучительную обездвиженность и развернулся назад всем телом. Перед ним стоял Филатов.

– Ты с кем разговариваешь? Что с закладкой? Е-мое, свет провели. Маслом каким-то воняет. Сева, что с тобой? Очнись уже.

Санаев стремительно повернулся назад, но там уже никого не было. Темный силуэт девушки с лицом-тату растаял в спертom воздухе зала подобно призраку.

– Виталий, она только что была здесь, – прошептал он неуверенно.

– Кто? – Филатов был всклокочен и перепачкан в грязи и пыли. Его мутные после удара деревянной балкой глаза растерянно блуждали по пустому залу, освещенному рассеянным потусторонним светом скрытых светильников.

– Его дочь, – пробормотал Санаев.

– Чья? – Филатов перехватил в руке пистолет.

– Зедарка, – Санаев стоял как зачарованный, по-прежнему смотря на то место, где несколько мгновений назад стояла девушка.

– Севка, да ты что? Тут нет никого. Куда бы она делась? Здесь же, кроме входа, ни одной щели. А я никого не встречал. – Филатов осмотрелся, отыскивая глазами свой рюкзак, по-прежнему лежавший в дальнем углу зала. – Слушай, давай убираться отсюда. Это все его проделки. Он же может на сознание влиять, забыл? Значит, он где-то рядом. Пойдем.

Он побежал к фугасу, скрытому в сумке, и, склонившись над ним, принялся совершать манипуляции с таймером отсроченной детонации. Оружейник специально продублировал системы инициации заряда, очевидно, уже не раз сталкиваясь с подобными случаями, когда дистанционный пульт не позволял взорвать тротил на расстоянии. На жидкокристаллическом дисплее отобразились цифры, обозначающие время до момента взрыва.

– Пойдем отсюда скорее, – Филатов схватил оцепеневшего дуэнерга за плечи и встряхнул его, – Севка, этого всего не было. Это в твоей голове. Он воздействует на наше сознание. Побежали.

– У нее удивительные глаза... И татуировка на лице, – Санаев напоминал сомнамбулу, – помнишь, Данилыч говорил о знаках Зеды? Может, это они?

– Пойдем, пойдем, сейчас здесь все взлетит к чертовой матери, – Филатов потащил дуэнерга к выходу, – Сева, это – гипноз. О чем ты говоришь? Какие татуировки?

– Я где-то читал: у скифов были такие воины, которые наносили себе на лицо татуировки, посвящая себя родовому отмщению. Она...

Филатов несильно ударил Санаева по щеке. Тот качнулся и, видимо, пришел в себя. Во всяком случае, его движения стали более скоординированными и осознанными. Они остановились на выходе из зала и обернулись.

– Господи, как все глупо... Такая красотища канет в Лету... – Филатов смотрел последний раз на настенную мозаику, словно насыщая напоследок глаза созерцанием зала. Взгляд же Санаева был прикован к Пятну, которое в рассеянном свете лампад четко выделялось на фоне пола. Было сложно понять, пытался ли он представить, как глубоко вниз ведет тоннель, скрытый за этими Воротами, или вспоминал таинственную незнакомку, стоявшую на этом Пятне и исчезнувшую в сумраке тайшинского святилища. Через несколько секунд зал опустел.

Чох двигался по темным коридорам своей подземной империи, не прибегая к осветительным приборам. Он и так прекрасно видел в темноте, чувствовал малейшие нюансы мира, погруженного во тьму. Он знал здесь каждый уголок, каждый тоннель, каждую лазейку в этом мрачном царстве. За то время, которое он провел рядом с Герпадом, он досконально изучил этот причудливый мир подземных нор. Иногда ради охотничьего азарта он выслеживал и ловил голыми руками толстых крыс, снующих по своим секретным ходам. Иногда он крался бесплотным призраком позади диггеров, изредка забредающих в эти края. А один раз он встретил здесь даже пятерых сатанистов, облюбовавших в качестве ритуального зала оставшийся после затопления водой, а потому заброшенный, старозаводской склад. Вода впоследствии ушла, оставив после себя значительную подземную нишу, в которой и расположились барнаульские адепты Черного Знания. Чох приходил сюда во время их месс и наблюдал из темноты за ритуалом жертвоприношения собак и совокуплением, совершаемым при свете больших красных свечей. Сначала это его забавляло, а потом он устроил самый значительный пир за все время своего пребывания в Барнауле. Он появился перед парализованными ужасом жрецами и жрицами подобно самому Сатане – быстрый и стремительный ангел смерти, вышедший из адовых глубин. Четверых он убил сразу и тут же освежевал, приводя в действие мистический механизм Зеды, питаемый некротическими ритуалами, кровью и агонией жертв. Пятого чернокнижника, молодую, но уже безнадежно испорченную наркотиками девушку, Чох утащил в Герпад, где провел ее по всем кругам ада и иллюзий, сплетенных из энергии Зеды подобно паутине. Но эти сатанисты были, скорее всего, просто любителями, начитавшимися книжек, рафинированной молодежью, одуревшей от самолюбия, ненависти и максимализма, так свойственного молодежному безрассудству. В них не было той мощи и энергетики, которую Чох ожидал встретить в истинных служителях Черного Культа. Но и этой энергии ему хватило, чтобы заглянуть за порог серебряной заплатки, скрывающей подобно заслонке печи закрытое за гранью привычного мира. В эти моменты Чох ощущал себя древним героем, вершившим судьбы мира и открывающим темницу, в которой заточен истинный Король.

Когда-то здесь были тайшины. Чоха передернуло от одного упоминания этого ненавистного названия. Но они ушли, трусливо убежали в свои непроходимые горы, надеясь отсидеться там, бросив свои охранительные рубежи и оставив вершить историю существам, которым по праву принадлежит эта планета.

Сейчас сюда опять пришли чужаки. Нужно срочно решить эту проблему. Азия... Дочка... Чох чувствовал ее присутствие где-то поблизости. Это ощущение позволяло ему приглушить в себе боль от ран, полученных в этой проклятой деревне. Коридоры сменялись на узкие лазы, но Чох не останавливался. Он проскальзывал даже в самые неудобные ходы, словно и в самом деле был хозяином этого подземного мирка, призраком давно усопшего для мира людей существа.

Филатов шел по коридорам, надев на голову громоздкий прибор ночного видения, и теперь для него все было окрашено в мягкий зеленоватый цвет, чередующийся черными контрастными линиями подобно графике, отчетливо прорисовывающей детали окружающего интерьера.

Санаев шел сзади, светя себе под ноги тускнеющим фонарем: аккумулятор стал разряжаться от длительного использования и теперь его света хватало только на освещение пространства под ногами.

Дуэнерг непрестанно что-то бормотал себе под нос, и Филатов, машинально прислушивающийся к его громкому шепоту, слышал только обрывки фраз:

– Это она, слышь, Виталий... Ведьма... Жить, говорит, хочешь... Знаки... Зедарка. .

Коридор сузился, и беглецы вышли в соединительный узел, откуда тянулись параллельно друг другу два узких тоннельных штрека. По одному из них они должны были выйти в систему

канализационного коллектора. Филатов решительно свернул направо, он помнил этот путь не рассудком, а мышечной памятью, которая сама направляла тело в необходимом направлении. Сделав еще несколько шагов вперед, он вдруг остановился. Легкое ощущение опасности мелькнуло на периферии сознания тревожным маячком. Бормотание. Оно стихло. Санаев замолчал. Филатов стремительно обернулся, вытянув перед собой пистолет. Дуэнера рядом не было.

– Черт, – в сердцах бросил Виталий и метнулся назад, понимая, что он теряет драгоценные минуты. Он мог разминуться с Санаевым только на перекрестке тоннелей.

В узком пространстве развилки дуэнера тоже не было. Это могло означать только одно – он вернулся в зал. Что толкнуло его на этот поступок, Филатов не знал: заморозила ли его эта мифическая зедарка или это было очередной проделкой ее дьявольского палы? В любом случае возвращаться назад было бессмысленно – у него даже не хватило бы времени вернуться и выключить таймер. А до люков оставалось всего несколько десятков метров хитросплетенных ходов.

– Черт! – повторил он и растерянно замер на месте, не зная, что делать дальше. Рация! Он стремительно потянулся к пеналу радиопередатчика.

– Сева! Прием! Сева, ты где?

В ответ раздалось лишь раздраженное шипение. И тут же взволнованный голос:

– Ребята! Наконец-то! Вы где? Сева! Виталий! – передатчик Анны преодолел изоляционный потолок, что означало, что Филатов был очень близко от выхода.

– Анна, это Виталий. У нас ЧП! Сева пропал.

– Как пропал? Что ты говоришь? Как пропал? – взвинченный голос девушки неприятно ударил по натянутым нервам.

– Я его найду. Не переживай. Жди, мы скоро будем. Все, конец связи. Он замолчал и выключил передатчик: рассчитывать, что ответит Санаев, уже, по всей видимости, не приходилось, а слушать истеричные крики Арамовой ему не хотелось.

– Эх, Сева, Сева, – пробормотал Филатов устало и, зло сплюнув себе под ноги, побежал в обратном направлении, туда, где отсчитывала время до взрыва тротиловая закладка. Но к его изумлению, коридора, откуда он вышел несколько минут назад, не было – дорогу перегородила гладкая бетонная стена. Виталий растерянно потрогал ее рукой и тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение. Этого просто не могло быть, он осмотрелся, подумав, что просто ошибся направлением, но все было по-прежнему, вот только вместо коридора темнела эта монолитная плита, закрывающая ему дорогу к Герпаду.

– С ума сойти можно... – пробурчал растерянно Филатов, чувствуя, как действительно зыбким и нереальным становится его восприятие. – Это что же делается, а? Шизофрения, блин.

И тут он вспомнил: точно такое же липкое и тягучее ощущение нереальности было у него, когда их атаковал зедарк. Так вот в чем дело. Зеда. Магия, навевающая иллюзию.

– Эй ты, ублюдок! – закричал Филатов, и эхо его слов улетело в черноту подземелья, утонув там в тишине, господствующей повсюду. – Иди сюда! Ты! Если ты воин, давай сразимся как воины!

Тьма коридоров безмолвствовала, создавая иллюзию отсутствия в ней живых существ. Но Филатов знал, что это ощущение обманчиво – где-то здесь, может быть, за ближайшим поворотом притаился зедарк, источающий вокруг себя невидимые круги иллюзорного мира, искривляющие пространство и время и создающие свою, альтернативную реальность. И его дочь... Теперь они вместе. Может быть, это даже не он, а она перекраивает трехмерное пространство, возводя перед растерянным и почти обессиленным человеком из ничего крепкие

бетонные стены. А может, их и не существует вовсе? Если это иллюзия и она обретает реальные очертания только в его воображении, значит, можно попытаться преодолеть ее телесно?

Филатов врезался в стену боком и отскочил назад, потирая ушибленное плечо. Иллюзия склеивает сознание прочнее всякого клея. Но если тело и разум можно обмануть, то обмануть пулю, для которой не существует понятия «магия», невозможно. Филатов вытянул вперед руку с пистолетом. Выстрела не было слышно. Только тихий хлопок глушителя, искры рикошета и обжигающий кусочек металла, вошедший обратной траекторией в грудь в районе плеча. Тут Осьминог был прав – стрельба в ограниченном пространстве была чревата подобными неприятностями. Филатов отлетел назад и сполз по противоположной стене. Пистолета из руки он не выпустил, но теперь оружие заливала кровь, тонкой струйкой сочившаяся по руке, стекая из раны на груди.

– Проклятие, – прошептал он обреченно, и, словно сдетонировав на это кодовое слово, из глубины подземелья пришел грохот, и дрогнули стены. Зал Тай-Шин прекратил свое существование, завалив Герпад непроходимой толщей земли, гравия и бетонного крошева. Филатова закружило в пылевом смерче, промчавшемся по всем ходам и тоннельным ответвлениям подземного Барнаула, и он, закрыв лицо здоровой рукой, побежал туда, где должен быть выход.

Все остальное Анна помнила как во сне, в котором липкий ужас обволакивает тело и душу, и невозможно что-либо сделать, кроме как напрячь все свои силы и... проснуться. Но сейчас чуда не произошло. Им не суждено было окунуться в небытие в самый страшный момент и проснуться в своих кроватях где-нибудь подальше от этого места, как это было тогда, когда их вел за собой загадочный старик Данилыч.

Что-то неуловимо изменилось в воздухе, как будто все краски мира на мгновение стали ярче, а небо стало глубже и яснее. Взлетели с насиженных мест стаи воробьев и голубей, потревоженные невидимой рукой. Заунывно завывали автомобильные сигнализации. Качнулись кроны деревьев и верхушки кустов. Анна медленно вышла из автомобиля, не отрывая взгляда от люков, где стояли озадаченные бригадные водители, напряженно ожидавшие возвращения вооруженной «пехоты».

Ей почему-то до последнего момента не верилось, что в подземелье прогремит взрыв. То есть она, конечно, верила, но все это было как-то нереально: тротил, ритуальный зал. бандиты... И вот теперь все сбывалось как в дурном сне. Невидимый взрыв качнул почву под ногами, словно наконец-то облегченно вздохнула Земля. Из люков вырвался легкий пылевой выхлоп, от которого шарахнулись озадаченные и испуганные охотники за серебром.

Затем, словно демон из преисподней, из люка показался окровавленный Филатов с пистолетом в руке. Он выполз на асфальт и с ходу прострелил колеса впереди стоявшему джипу. Увидев столь ужасающую картину и бесшумное оружие в руках израненного яростного человека в спецкомбинезоне, оставшиеся и полностью деморализованные бригадные водилы стремительно покинули место происшествия на двух оставшихся автомобилях.

Только тогда для Анны стал проясняться смысл происходящего. Она схватилась обеими руками за голову и, обессиленно опустившись на колени, закричала...

***

Белый Яр

В доме Данилыча все было по-прежнему: зеленый сад окружал со всех сторон уютную

избу с разноцветными стеклами на витраже веранды.

Филатов устало оперся на плечо Арамовой. Было видно, что он держится из последних сил, и девушка облегченно вздохнула, когда они пересекли калитку, ведущую во владения старого волшебника.

– Виталий, сейчас, потерпи еще немного, – она тоже изрядно устала, поддерживая раненого мужчину, вдвое превосходящего ее по весу.

– Все нормально, – разлепив сухие губы, пробормотал Филатов и сморщился от боли, рана была, по всей видимости, достаточно серьезной.

Навстречу им из дома вышел удивленный Данилыч, подбежал и помог девушке поддержать совсем уже заваливающегося на бок Филатова.

– Что с вами? Господи...

Они занесли Виталия в дом и уложили на диван, освобождая от пропитанной насквозь кровью одежды. Пока они это делали, Анна вкратце рассказала старику обо всем, что с ними произошло после того, как они покинули этот дом.

– Ему нужна медицинская помощь, – Данилыч внимательно осмотрел пулевое ранение, синяки и кровоподтеки на теле раненого.

– Нет, нельзя, – Филатов говорил с трудом, делая паузы между словами, – у меня оружие... Мне его светить нельзя. Да и взрыв... Вопросы будут ненужные. Мне это ни к чему.

– Все равно вас будут искать, – с сомнением сказал Данилыч, глядя на Арамову.

– Вряд ли, – Филатов медленно покачал головой, – никого искать не будут. Никто ничего и не поймет. Район старый. Никаких стратегических объектов и коммуникаций. Качнуло землю, и все. А коллектор заброшенный был. Туда никто даже соваться не додумается. Да и бесполезно – там сейчас все завалено.

– Странные вы люди, – Данилыч сходил на кухню и вернулся оттуда с эмалированной миской, наполненной какой-то зеленоватой кашницей, – вам же было сказано – не соваться в Барнаул! Уехать куда-нибудь подальше! Притихнуть и не высовываться, как будто и не было вас никогда. Что за героизм такой?

Он зачерпнул кашницу рукой и вывалил влажную «лепешку» прямо на рану. Филатов вздрогнул, но потом почти сразу же расслабился. Видимо, травяной компресс оказал значительный болеутоляющий эффект.

– Севку потеряли... – он украдкой посмотрел на Анну, но в ее глазах была пустота. Она уже выплакалась, и у нее просто не осталось сил на хоть какие-то эмоциональные реакции.

– Данилыч, мы же хотели, как лучше, – Филатов говорил, не открывая глаз, отдавшись ощущению прохлады и легкости, расплывающемуся по телу. – Этот дьявол хотел раскурочить Пятно. Он пер как танк, и, если бы не мы, он бы открыл Герпад.

– А вы уверены, что надежно изолировали Пятно? – старик смотрел на них с какой-то потаенной грустью в глазах.

– На сто процентов, – Филатов приоткрыл глаза, фокусируя мутный взгляд на присутствующих. – И Пятно, и зедарка, и дочку его. Навсегда...

– Его дочка? – глаза Данилыча округлились, – что это значит? Вы видели там его дочь?

– Сева видел, – Виталий опять откинулся на подложенных ему под спину подушках. – Он ее в зале видел... разговаривал с ней. У нее... татуировки на лице... знаки Зеды или скифские... не

ясно... Родовое отмщение, короче... И зедарк там был... папаша ее. Тоже сгинул... И Севка... И пацаны эти безумные... И Ос... Все.

– А где Максим? – спросила вдруг Анна.

– Максим? Ушел.

– Куда? – девушка пристально посмотрела старику в глаза, а он неопределенно махнул рукой в направлении калитки.

– Не знаю. Ушел, и все.

– Почему вы не хотите нам сказать, где Макс? – Анна говорила тихо и монотонно, словно гибель мужа навсегда уничтожила в ней все эмоции, перегоревшие в этой безумной и нереальной гонке за призрачным врагом.

– А вам зачем? – нехотя ответил Данилыч, – главное, что все закончилось. И если то, что вы говорите, – правда, и дочь зедарка тоже была в зале, значит, будем считать свою миссию выполненной. А Максим... Он Камкурт, он опять стал недостижим для нас, и поэтому нам вовсе не обязательно знать его местонахождение.

– Данилыч, вы что-то скрываете от нас, – Анна даже не смотрела на него, а просто говорила, холодно и отстраненно устремив взгляд в окно, – вы по-прежнему держите нас за неразумных детей, которые не могут понять очевидных истин. Но, если бы не мы, неизвестно, чем бы сейчас закончилась вся эта история. И дай бог, что все действительно закончилось. Но уж слишком дорогой ценой обходится это наше движение вслепую.

Старик покачал головой:

– Ты, Анна, только что совершенно правильно сказала – ваше движение. Вы сами выбрали себе этот путь: и ты, и Виталий, и уж, конечно же, Всеволод. Вы вторглись в запретную для людей область, но, видимо, у вас были на это свои причины. Максим ведь неслучайно создал видоизмененную версию ИТУ-ТАЙ – Мирформизм. Он, как никто другой, знает, что такое выход из контекста привычного мира. Системы. Когда человек говорит, что не хочет более служить Одержателям и выполнять их замаскированную волю, он оказывается в другом мире – Большой Вселенной, совершенно не похожей на тот мир, который мы с детства привыкли считать своей родиной. И вот тут человек понимает, что не готов к принятию этого нового мира, он не знает его правил и законов. Ему нужна альтернатива. Иная система координат, применимая к иной пространственно-временной вселенной. Именно поэтому в свое время возникла Кобь – древнейшее магическое искусство ведунов. Именно поэтому появилось на свет таинственное Общество Серого Будды. Поэтому появился Клан Волка – Тай-Шин и множество других общин, где люди объединились для того, чтобы как можно мягче перейти к осознанию своего невероятного одиночества, но в то же время своей загадочной связи со всем сущим. Но... – Данилыч сделал значительную паузу, – каждая община также имеет свои законы и свое собственное Сновидение.

– Точно, – Филатов хрипло засмеялся, не открывая глаз, – у меня сейчас такое ощущение, что я влез в чужое сновидение, и если я сейчас не проснусь, то точно сойду с ума.

– Сойти с ума – это еще не самое страшное, что может случиться с человеком в этом мире. Иногда гораздо страшнее заблудиться в его извилистых лабиринтах, так и не увидев настоящего, а не иллюзорного мира вокруг, – Данилыч встал и прошелся по комнате. – Воины всегда сами выбирают свой Путь. Именно в этом и заключается их отличие от других людей. Большинство предпочитают жить в плену иллюзий, навеянных цивилизацией неорганических существ, фактически контролирующей каждый наш шаг, каждую нашу эмоцию. Но иногда кто-то из

людей решает жить по-другому. Он отвергает чуждые, навязанные ему правила бытия. Он отказывается от всего, что до сих пор управляло его жизнью и на что он не давал добровольного согласия, будучи введен в этот управляемый мир своими родителями и своими учителями. Но и этот мир тоже так просто не отпустит своего подчиненного. Он будет давить на него, чтобы либо вернуть в свое прежнее лоно, либо сломать, уничтожить. И лгут те люди, которые утверждают, что мир счастья и любви можно обрести без борьбы, без ломки прежних заборов сознания. Поэтому бросить вызов своим прежним, невидимым хозяевам и отвоевать у них право на свою жизненную Силу может только Воин. Путь Воина – это непрестанная борьба за право оставаться самим собой. И этот Путь полон небывалых приключений, великих тайн, сокровищ, но и не только. В нем с избытком боли и предательства, нечеловеческой тоски и яростных битв. Поэтому такие Пути не бывают ложными и иллюзорными. И единственная возможность проверить свой Путь – это готовность умереть за него. Если вы не готовы сделать этого, подумайте, ваш ли это Путь? А если готовы, то не ропщите, что на нем вам встретились трудности и даже смертельная опасность. Сева был воином, он и сражался как воин за право обрести Силу и стать Свободным. Так было всегда! И мы все подвержены этому закону. Мы все когда-нибудь умрем, так не лучше ли умереть на своем Пути, погибнуть за свою Мечту, а не потому, что невидимые Хозяева истощили наши силы и мы просто стали не способны жить дальше? Это лучшая участь для воина! Человек становится воином не для того, чтобы всю жизнь бегать от своих страхов.

– О каких Хозяевах вы говорите? – так же тихо спросила Анна, – о Ситах?

– И не только, – Данилыч грустно усмехнулся, – мир, который нас окружает, на самом деле гораздо сложнее наших самых смелых предположений о нем. Но каждый человек должен самостоятельно увидеть все это, чтобы опять не подпасть под чужие, навязанные ему ощущения. Вот сейчас люди бегают вокруг идеи шаманизма в надежде на то, что шаманы дадут им какое-то уникальное мировоззрение, позволяющее быстро и безболезненно обрести сверхъестественные силы. Много разговоров про Любовь. Мир и все такое. Но, если бы вы встретили хотя бы одного из учителей Максима, я уверен, все ваши представления о шаманизме сильно бы пошатнулись. Во-первых, потому что никакого шаманизма на самом деле нет. Есть шаманы, а шаманизма нет. А знаете, почему?

Данилыч сделал жест рукой, словно извиняясь и предлагая немного подождать, и вышел из комнаты.

Анна положила руку на лоб Виталию. У него был сильный жар.

– Я что-то не понял, про что это он?

Анна нахмурила брови и посмотрела на дверь, за которой скрылся старик.

– Ни про что. Он что-то почувствовал. –Что?

– Мы появились не вовремя. Он нас не ждал.

– Ну, понятно. Мы же должны были уехать в Новосибирск.

– Да, должны... Но поехали в Барнаул. И он знал об этом. Более того, он был уверен, что мы сунемся в этот проклятый зал. И именно поэтому он нас не ждал. Он не думал, что нам удастся выбраться оттуда живым.

– Анна, – Филатов убрал ее руку со своего лица и теперь вопросительно смотрел на нее,

облизывая пересохшие от высокой температуры губы, –ты про что, вообще?

Девушка, не отрываясь, продолжала смотреть на дверь.

– Он не вернется.

– Да кто не вернется? Макс?

– Данилыч.

– Как? А куда он денется?

– Не знаю. Но он не вернется.

– Анна, что происходит? У меня что-то вообще голова не варит... Арамова перевела свой пустой взгляд на Филатова и тихо произнесла:

– Ты что, Виталий, так до сих пор и не понял?

– Да, елки-метелки, что я должен понять-то?

– Данилыч не вернется, потому что спектакль подошел к концу. И все действующие лица выходят на сцену.

– Анна...

– Настоящий зедарк – он! Понимаешь? – надрывно произнесла Анна и, не выдержав, заплакала, уткнувшись головой в подушки, лежавшие вокруг Филатова наподобие королевского ложа.

– Анна, девочка моя, что же ты такое говоришь? Тебе нужно отдохнуть, нам всем нужен отдых, – Филатов неподвижно лежал на диване, чувствуя, как сладкая истома обволакивает израненное тело и уносит сознание в мерцающий и упоительный мир грез.

– Он не придет, – упрямо повторила девушка, – он почувствовал, что я его вычислила. И не смотри на меня так. Факты налицо. Неужели ты думаешь, что мы действительно могли спокойно сидеть в Новосибирске после всего, что с нами произошло? И он это прекрасно знал. И именно поэтому так подробно описал нам возможное местонахождение Герпада. Даже сводил туда в своем Сновидении. Кстати, отличительной особенностью зедарков является умение создавать иллюзорные миры, фактически не отличающиеся от настоящих. Тебе это ни о чем не говорит? Даже Максим в шоке был, а ведь он обучался у тайшинов и наверняка такую насмотрелся...

– Но Макс бы его почувствовал...

– Виталий! Данилыч сам говорил, что зедарка не могли вычислить даже мастера Тай-Шин. Это вторая отличительная особенность адептов Зеды. Именно поэтому их и выбрали в качестве наемных убийц, которых подсылали к тайшинам!

– Но он же охранял дедушку Максима! Был его телохранителем!

– Охранял, да не уберег. И ведь был всегда рядом...

– Постой, Анна. Что-то не складывается. Зачем же тогда на него напал тот зедарк, в саду?

– Ты видел, что Данилыч мог с ним сделать?

Оба сразу вспомнили не видимые для глаз перемещения старика в пространстве и его, практически невероятный удар на расстоянии, которым он сбил зедарка с ног.

– Видел, ну и что?

– Но ничего не сделал! Понимаешь? Он мог убить его, но не убил. Потому что это был показушный спектакль.

– Ну, хорошо, а что тогда ему помешало убить сейчас нас? Он мог бы сделать это без труда.

– Не знаю, но, очевидно, мы ему просто неинтересны. Он игрался с нами. И мы ему

надоели.

– Как-то не укладывается все это в голове. Но его и правда что-то долго нет. А кто же тогда напал на нас там, в саду?

Анна вскинула брови.

– Ты помнишь этот волчий крик, который издал Данилыч, чтобы перебить им крик зедарка?

Филатов кивнул.

– Да, жуткий вопль. У меня до сих пор мурашки по телу. Я слышал, что некоторые охотники владеют способностью подражать волчьим голосам. Они называют это искусством «вабить». Я думал...

Анна остановила его жестом руки.

– Тот зедарк, в саду, был его сыном, так же, как и та девушка в подземелье – его внучкой. «Юр-мэнсук» не исчез, вот тут Данилыч немного приврал. Он стал телохранителем генерала Коврова. Понимаешь? И по-волчьи он воет, не потому, что умеет вабить, а потому, что в его жилах течет кровь оборотня. Данилыч – это его очередная маска. Его зовут Кайчи, теперь я уверена в этом.

Филатов с хрустом сжал пальцы в кулаки.

***

Подмосковье

– Человек, передавший мне эти материалы, создал некую концепцию информационно-психологической безопасности, в основе которой лежат не только самые последние достижения в области психологии и биоэнергетики, – Громов специально старался говорить не очень громко, чтобы слушатели подстраивались к его повествованию, не отвлекаясь на посторонние звуки и даже собственные мысли. – Автор использовал при ее создании древние методы развития психофизических и интуитивных способностей, полученных в результате посвящения в тайную языческую доктрину, именуемую «ИГУ-ТАЙ». Эта доктрина на протяжении сотен лет оставалась достоянием узкого круга посвященных, воинов-шаманов, принадлежащих к тайному Клану Волка. Мастера ИГУ-ТАЙ владели знаниями природы, людей, явлений. И одним из аспектов этих знаний была наука о так называемых «Духах, управляющих странами». В контексте современной терминологии автор привязал их к названию «Эгрегоры», которое используется сейчас многими исследователями-эзотериками для обозначения совокупности силовых полей, порожденных волей людей и образующих собственную целостность. Согласно этой науке Средний Мир, то есть мир, в котором мы живем, наполнен этими эгрегорами, которые взаимодействуют друг с другом самым непредсказуемым образом. Соответственно одни из них, менее динамичные, подчинены другим, более динамичным.

Например, самым сильным является эгрегор государства, которому структурно подчинены

все остальные эгрегоры этой политической системы. Автор убежден, что эффективная геополитика, так же, как и информационно-психологическая безопасность граждан и правящей элиты, возможна лишь в том случае, когда будут приниматься во внимание все аспекты этой, на первой взгляд, странной науки. Взять, например, так называемые Колодцы Силы. Согласно ИТУ-ТАЙ в двадцатом веке на карте мира существовали три действующих Больших Колодца Силы, три активных геомагнитных аномалии. Территориально они находятся в Германии, России и США и соответственно влияют на политические и экономические приоритеты этих государств и их взаимодействие друг с другом. После Второй мировой войны Германский Колодец был истощен, но не погашен, что до сих пор оставляет людям шанс на синхронизацию Российского Колодца с Колодцем Германии. Тогда же как Американский Колодец остался незатронутым этой войной. Но в соответствии с незримыми законами мироздания Колодцы должны взаимодействовать друг с другом: либо созидательно, либо разрушительно. И то, что мы наблюдаем сегодня с США, является следствием того, что Колодец начал неконтролируемо извергаться. А разбалансированный Колодец рано или поздно приводит страну либо к деградации, либо к внутренним конфликтам, либо к внешней войне.

– Герман Юрьевич, – Ратников переглянулся с Селивановым, – вот и подтверждение вашей теории. Я, простите Александр Дмитриевич, ненадолго прерву вас, чтобы внести свои комментарии. Дело в том, что я получил материалы из архивов Авиакосмического Агентства, которые полностью подтверждают сказанное господином Громовым. Спектральная аэрофотосъемка, сделанная со специальных спутников, показала наличие на территории вышеуказанных государств локализованных очагов с особым электромагнитным фоном, ставшим доступным нашей фиксирующей технике только в прошлом году. Во всех других государствах, кроме названных трех, этот фон значительно ниже. Это что касается существования Колодцев. Теперь создание Единой Евроазиатской информационной структуры, предложенной господином Славным. Она, насколько мы все понимаем, предусматривает поиск некой интегрирующей концепции, на основе которой можно выстраивать взаимоотношения между предполагаемыми участниками этого Блока. Игорь Борисович предлагает всячески развивать сотрудничество России в рамках Шанхайского форума. Но расширение состава участников Шанхайской пятерки также нуждается в четко продуманной информационной стратегии. Здесь недостаточно открытия в этих странах российских информационно-аналитических представительств. Здесь необходимо что-то большее.

– Вы можете предложить это что-то? – Селиванов поднялся из-за стола и подошел к окну беседки.

Ратников молча посмотрел на Громова, словно отдавая ему инициативу дальнейшего изложения материала.

– Да, могу. Хотя материал и требует еще очень вдумчивой и кропотливой доработки, – Громов выглядел уверенно, и Славин, наблюдавший за ним, вдруг понял, что все они неслучайно собрались в этой беседке, как не случайна была и их первая встреча в офисе РИАБ, состоявшаяся под предлогом обсуждения некоторых аспектов нового направления в державной жизни их государства. Какая-то невидимая рука словно специально свела вместе специалистов, которые могли не только мыслить широко и смело, но и имели в своих руках реальные рычаги исполнительной сети, которая могла позволить им реализовать то, о чем они только начинают, по сути

дела, говорить.

– Вы имеете в виду древние знания этого загадочного клана? – Селиванов говорил без иронии, и было видно, что что-то сказанное Громым с комментариями Ратникова действительно пересекалось с его собственными изысканиями.

– Не только, – Громов кивнул на папки, лежащие перед участниками этой импровизированной дачной «посиделки», – там я все изложил. Я могу сказать лишь, что знаю отправную точку, точку пересечения наших интересов в этой области. Для меня это очевидно. Это и геополитика, и информация, и реальная сила, веками хранимая в самом сердце

Азиатского мира.

Селиванов повернулся к нему и, приподняв солнцезащитные очки, изобразил на своем лице удивление.

– Я так понимаю, что речь идет про Алтай? Громов молча кивнул.

– А вот это ваше упоминание, ну про подземных правителей и про их ставленников, которые управляют этими тремя государствами. Хотелось бы услышать про это подробнее, – Селиванов протянул руку к вазе на столе и, взяв оттуда гроздь черно-фиолетового винограда, облокотился на перила беседки.

– Не управляют, а управляли, – значительно проговорил Громов, – речь идет о втором, не очень удачном взаимодействии Больших Колодцев друг с другом, которое вылилось во Вторую мировую войну. Сейчас же можно с уверенностью говорить о том, что США до сих пор управляются людьми, которые имеют непосредственные связи с этой цивилизацией существ, которая живет под земной корой и которая, несмотря на это, активно пытается влиять на цивилизацию на поверхности земли.

– То есть германское руководство и российское... – Мельников сделал сознательную паузу.

– В этом как раз и заключается уникальность ситуации, – Громов поднял вверх указательный палец, – руководства этих двух государств в меньшей степени подвержены влиянию подземной империи. Тогда как в США можно ожидать появление их прямого ставленника, лишь наполовину являющегося человеком. Обычно такие существа бывают послушными марионетками в руках подземных властителей, которые стремятся к неограниченной власти. И если он займет трон этой сверхдержавы, то единственной альтернативой этому воплощенному злу может стать только Единый Континентальный Блок, о котором, как я понимаю, и шла речь в ваших предыдущих беседах, и который должен объединить Европейский и Азиатский мир при лидирующих позициях стран, располагающих мистическими Колодцами Силы.

– А все-таки, что это за подземная империя? – Мельников переглянулся с Селивановым, который напряженно обдумывал какую-то только что пришедшую ему в голову мысль.

– Ее существование уже не является секретом для многих ведомств: как российского, так и многих других государств. Уже сейчас известны даже места, где люди вступают в открытое взаимодействие с представителями этого человечества, которое описано практически во всех этнических мифах и легендах. Между прочим, на Алтае местным жителям доступно как минимум три или четыре таких места. И появление низкорослых «подземников» или, наоборот, ужасных человекообразных существ, а также всех элементов их цивилизации, в частности, так называемых «НЛО», не является для них чем-то необычным или сверхъестественным. Эти существа, впрочем, как и все обычные люди, находятся в прямой зависимости от функционирования этих самых пресловутых Колодцев, о которых шла речь. Поэтому в непосредственной близости от Колодцев возможно наблюдение активности как позитивных, так

и негативных манифестаций, совершенно непредсказуемо влияющих на людей.

***

Белый Яр

Анна обошла весь дом, но Данилыч действительно исчез. Его нигде не было.

– Куда он поехал? – Филатов не поднимался с дивана, хотя ему уже стало немного лучше. Как ни парадоксально, травяная мазь, приготовленная Данилычем, сняла отек с раны и остановила кровотечение. Пуля вышла насквозь через мышцы плеча, но Виталий все равно был слаб и поэтому даже не пытался встать на ноги.

– Не знаю, – Анна стояла около окна, скрестив руки на груди, и рассеянно смотрела в сад, – если он еще не убил Макса, значит, он поехал заканчивать свое дело.

– А куда мог поехать Макс? Анна пожала плечами.

– Куда угодно. Но скорее всего он поедет в горы. Там мало народа, там трудно найти человека, там можно скрыться от кого угодно. И Макс наверняка знает такие места. Сева рассказывал, что он очень много времени провел на Алтае. Но если он хотел спрятаться от зедарка, то нам его и подавно не найти.

Филатов вздохнул.

– Как ты думаешь, он еще жив?

– Не знаю. Но если Кайчи не привел его в Герпад, значит, он хотел найти какую-то альтернативу и убить его там. Помнишь, как он сам говорил, что для зедарка важно соблюсти все ритуальные нюансы. А это значит, что он нашел место, где поле Щита имеет наименьшую плотность и где наш мир соприкасается с миром подземелья. А таких мест здесь, в юго-западной Сибири может быть достаточно много.

Они замолчали, обдумывая сложившуюся ситуацию. За окнами привычно шелестел сад, и им казалось, что все то, о чем они говорили сейчас, лишь очередное наваждение, страшный сон, который развеется в любой момент, и в комнату войдут улыбающийся Данилыч, Ковров, Санаев...

– Я заварю чай, – наконец тихо произнесла Анна и вышла из комнаты. На кухне послышались звуки передвигаемой посуды, и Филатову вдруг почему-то пришла в голову мысль, что Данилыч мог напоследок оставить им какой-нибудь сюрприз. Нечто вроде воды, отравленной этим жутким молниеносным ядом, которым пользовались зедарки на протяжении столетий. Но он уже устал бояться. События последних дней выбили в нем какой-то психологический предохранитель, который включал периодически на полную мощность инстинкт самосохранения. Сейчас внутри было пусто. Очень хотелось спать. Филатов чувствовал, что, если он будет моргать чуть медленней, дрема неизбежно улучит момент и навалится на него обволакивающим пологом, смыкая веки и погружая разум в столь желанный сон. Комната уже становилась зыбкой, и туманная дымка уже заполняла внутреннее пространство, когда в комнату вернулась Арамова. Она несла в руках тарелку с нарезанными овощами и дымящийся чайник.

– Виталий, тебе нужно поесть.

Филатов мотнул головой, отгоняя сон, и улыбнулся девушке.

– Засыпаю. Прямо утягивает на дно, в водоворот какой-то...

Анна улыбнулась ему, и вдруг брови ее взметнулись вверх, и она взволнованно вздохнула.

– Я... я, кажется, поняла! Виталий, я знаю... Знаю, где может скрываться Макс!

Филатов до боли надавил ногтем большого пальца на тыльную поверхность ладони, чтобы не потерять сознание и не отключиться. – Где?

– Тогда, помнишь, когда мы все очнулись в этом доме после похода на изнанку Барнаула? Я спросила Максима, что он видел, а он долго не мог вспомнить, а потом сказал, что видел Черную воду.

– Черную воду?

– Вот именно. Я его точно также переспросила, а он сказал, что видел Черную воду Озера Сновидений. Понимаешь, что это значит?

– Я ее тоже вижу... Аня, плесни мне кипятка, а то я сейчас вырублюсь совсем.

– Мне Сева показывал кое-какие бумаги, оставленные ему в свое время Максимом. На одной из них была надпись, сделанная им на полях: «Река, омывающая невидимый город, берет свое начало в непроглядной Тьме, почти в самом сердце священной земли, в Золотом Озере...» Черная вода Озера Сновидений... Макс брал Севу с собой туда прошлым летом, после того, как Сева организовал «Темный Ветер». Он мне рассказывал... Там такое место... Точно! Точно! – Анна всплеснула руками, – Макс, скорее всего, поехал туда. И Данилыч... по всей видимости, тоже...

Она замолчала, взволнованно перемещаясь по комнате.

– Виталий, все сложилось в картинку. Макс там, я чувствую. – Да где?

– Золотое озеро – Алтын-Кель.

– Это где-то в Горном Алтае?

Она удивленно посмотрела на него.

– Да ты что? Это же Телецкое озеро. Они там. Оба. Нужно что-то

делать. Виталий...

Филатов глотнул чая и, печально усмехнувшись, кивнул головой на окровавленную повязку на плече.

– Ань, что делать-то? Я, видишь, не боец уже. Совсем размагнитился. Может, сообщим в компетентные органы?

Арамова села на диван, рядом с Филатовым.

– Виталий, да ты что? Кто нас будет слушать? Да и что мы скажем? Расскажем им про Герпад, Ситов, зедарков? Данилыч уехал совсем недавно. Нужно опередить его. Нужно ехать.

– Куда ехать-то? Ты знаешь, где точно скрывается Макс? Насколько я знаю, Телецкое озеро имеет протяженность что-то около семидесяти километров. Где ты собираешься его искать?

Анна растерянно пожала плечами.

***

Горный Алтай. Телецкое озеро

Волны заплескались на прибрежных камнях – это совсем рядом с берегом прошла, урча мотором, небольшая лодка, проследовавшая в направлении деревни Иогач. Анна проводила ее взглядом и, поежившись от вечерней прохлады, встала с небольшой скамейки, вкопанной в землю неподалеку от воды. Она приехала на Телецкое озеро уже несколько дней назад, но до сих пор совершенно не представляла себе, где искать Коврова. Филатов был прав, ее затея изначально была совершенно утопической, и она поняла это, когда только приехала в Артыбаш – одну из деревень, расположенных у самой оконечности озера. На Телецком был самый разгар сезона и множество туристов, наводнивших окрестные турбазы, создавали идеальный маскирующий фон, в котором одному человеку можно было раствориться без труда. То, что Максим был где-то здесь, Анна чувствовала. Она не зря считалась одним из самых сильных дуэнеров в «Темном Ветре» и была фактически единственным квалифицированным специалистом по виртуальному психомоделированию, что позволяло ей оперировать более тонкими ощущениями, нежели окружающие ее люди. Максим был здесь, но она постоянно теряла его тонкий, едва уловимый, след в пространстве. Все-таки он был тайшином и умел скрывать свое присутствие. Данилыча ей обнаружить не удалось. Возможно, он потерял Коврова и его появления на озере можно было не опасаться, а может, он был еще более искусен в умении оставаться невидимым, нежели даже тайшины, мастера перевоплощений. В любом случае время играло против нее, и Анна не оставляла надежды на то, что Максим каким-либо образом обнаружит себя сам. Большую часть своего времени она проводила в районе туристической базы «Алтын-Кель», где и остановилась в одном из летних корпусов, расположенных на берегу озера. Здесь располагалась большая пристань, через которую ежедневно проходило очень мною народа. Она наблюдала за туристами, и ей все казалось, что сейчас в толпе мелькнет знакомое лицо Коврова. Но ее ожидания были тщетны. Время шло, а Максим так и не появлялся. Возможно, что он нашел пристанище где-нибудь в Иогаче или в самом Артыбаше, избегая общества приезжих. Хотя наиболее вероятным было то, что он жил у какого-нибудь лесника, или на какой-нибудь изолированной от людей маленькой базе, или даже в палатке где-нибудь на противоположном берегу озера, покрытом густой растительностью прителецкой тайги.

Анна вздохнула и, встав со скамьи, пошла вдоль кромки воды по направлению к базе. Сумерки здесь сгущались необычайно стремительно, и уже через десять-пятнадцать минут станет совсем темно. На озеро выплыл из-за таежных склонов туманный дракон, стелящийся вдоль самой воды, словно глотая ее, утоляя жажду солнечного дня. Анна любовалась еще немного на это зрелище и вышла на мощеную набережную, которую освещали старинные фонарные столбы, придававшие местности какой-то нереальный, сказочный колорит. Возле аллеи хвойных деревьев, выстроившихся вдоль тропинки живой изгородью, дорогу ей перегородил темный силуэт человека,

вставшего таким образом, чтобы рассеянный свет от фонарей падал ему со спины и чтобы не было видно лица.

Анна вздрогнула и остановилась, обернувшись. Вокруг не было ни души. Поздние вечера туристы обычно проводили в районе единственного ночного бара с забавным названием «Медвежонок», и сейчас ей слышались только далекие голоса нескольких человек, задержавшихся в районе пирса.

– Что ты здесь делаешь?

Максим! Она узнала его голос и, облегченно вздохнув и не веря еще до конца в случившееся, шагнула вперед. Но силуэт отпрянул назад, и Анна почувствовала его настороженность.

– Макс! Я тебя наконец-то нашла!

– Зачем? Откуда ты узнала, что я здесь? Вы же уехали, все вместе...

В тишине аллеи раздался легкий, чуть слышный звук, похожий на звяканье двух металлических предметов, соприкасающихся друг с другом. Ковров усмехнулся из темноты.

– Это Итум, метательные шары. На коротких расстояниях расшибают голову не хуже пули, выпущенной из пистолета.

– Макс... – растерянно прошептала Арамова, – ты что... Ты думаешь, что я?... Ты что, на меня думаешь? Меня же Филатов послал предупредить тебя.

– Предупредить о чем?

– О зедарке. Ты же не знаешь ничего... Я... – она присела на корточки и расплакалась, чувствуя обиду и бессилие, радуясь невероятной встрече и огорчаясь вполне закономерной в данной ситуации подозрительности. На улице было уже совсем темно, и она даже не увидела, как Ковров оказался около нее, присаживаясь напротив и перебирая в ладони свои страшные шары, вглядываясь в се мокрое от слез лицо.

Они сидели на кровати в ее домике и беседовали вполголоса, хотя оснований для шепота особых не было: домик стоял отдельно от других однотипных деревянных «треугольничков», выстроившихся в длинный ряд вдоль той самой аллеи, на которой Арамова встретила Максима.

Их разговор длился уже несколько часов, за время которых Анна поведала Коврову о всех злоключениях, произошедших с ней и ее спутниками в Барнауле. Девушка отметила, что Максим еще больше похудел и был по-прежнему напряжен, не выпуская из руки металлические шары, которые он перебирал в ладони на манер китайских шариков со звоном.

– Аня, мне не верится что Данилыч – зедарк. Понимаешь, я не хочу сказать, что ты вводишь меня в заблуждение, но скорее всего ты просто ошибаешься. Я знаю его практически с детства. Поверь мне, если бы он был Кайчи, мастера Тай-Шин знали бы об этом, какими бы дьявольскими уловками он не пользовался.

Арамова решительно кивнула головой.

– Хорошо. Как же ты тогда прокомментируешь его поведение? Он оставил нас в своем доме, когда Витале срочно нужна была помощь. Он убежал, скрылся. Причем он был очень удивлен, увидев нас на пороге своего дома. Мы его спугнули, и он...

– Подожди. Он неслучайно сказал вам, чтобы вы уезжали. Пойми, мы перешли на военное положение. И в этом свете его действия очень легко можно объяснить. А тут появляетесь вы, ты и Филатов, перемазанный в кровище, и говорите, что взорвали Герпад, уничтожили зедарка и

его дочь, а Сева погиб... Я, например, тоже очень удивился, увидев тебя здесь.

Анна грустно усмехнулась:

– Ты же следил за мной, да? Ковров кивнул.

– Я тебя сразу почувствовал. Вчера я тебя нашел ну и понаблюдал со стороны, конечно. А вот сегодня решил прояснить причину твоего присутствия в этих краях. Между прочим, в отличие от тебя Данилыч не знал, где я могу быть. Он даже отказался от того, чтобы я назвал ему место своего предположительного нахождения.

– Я уверена, он и так все знает. С его способностями это не составит для него большого труда. А что касается меня, то ты сам мне сказал про Черную воду Озера Сновидений. После нашего похода на изнанку Барнаула, помнишь? Все остальное было нетрудно додумать. А вот поведение Данилыча меня настораживает. И, по-моему, самый актуальный вопрос сейчас: когда нам ждать появления этого пожилого оборотня? Ты сможешь его почувствовать так же, как меня?

Максим перебросил один шар в другую ладонь, зажав в кулаках, грозное метательное оружие.

– Почувствовать Данилыча – это совсем не то, что почувствовать тебя. Но здесь дело в другом: я по-прежнему не могу поверить в его причастность к культуре Зеда, понимаешь?

Анна нервно сложила руки на груди.

– Макс, когда ты согласишься, боюсь, будет уже слишком поздно. Он появится, можешь не сомневаться. Что делать дальше – это уже исключительно твое личное дело. Мое дело – тебя предупредить. Да я и не смогу сделать для тебя что-либо большее. Поэтому завтра я уеду. Я и так слишком много натерпелась от этой непонятной войны. Мужа потеряла, постарела лет на десять. Во всяком случае, теперь мне не придется корить себя за то, что я что-то не смогла сделать для всего этого. Мы выжались на полную катушку. Севка рассчитался жизнью, Филатов здоровьем, я нервными клетками и издерганной психикой с устойчивым неврозом, от которого теперь, по всей видимости, придется избавляться всю оставшуюся жизнь. Максим примирительно кивнул ей.

– Не обижайся. Я благодарен вам за все, что вы сделали. Просто пойми и мое состояние. Когда я тебя увидел...

– Ты подумал, что дочка зедарка – это я? – Анна понимающе посмотрела на Коврова, – ты знаешь, я много думала о ней. Представляешь, каково маленькой девочке попасть в такую семейку? Мне, откровенно говоря, поначалу даже не верилось в ее существование. Но Сева сказал Виталию там, в подземелье, что видел ее. А еще он сказал, что у нее лицо было покрыто татуировкой. Кошмар, правда?

– А ты уверена, что эта девушка погибла, как и зедарк, да, впрочем, и Сева? Ведь фактического подтверждения их гибели нет. Они могли спрятаться где-нибудь в подземелье и покинуть его после того, как все успокоилось.

Анна пожала плечами:

– Не знаю. Возможно. Мне сложно судить, но Филатов был там. Он утверждал, что взрывом

проломило все гнилые деревянные подпорки старых сооружений, а бетонные стены полопались от какого-то «остронаправленного взрыва». Ему самому еле удалось спастись. Проходы обваливались, по его рассказам, прямо у него за спиной. Вряд ли кому-то удалось выжить в этом аду.

Максим рассеянно посмотрел на окно, за которым чернильным пятном расплылась во все стороны непроницаемо черная ночь.

– Давай поговорим об этом завтра? Уже поздно. Нужно поспать. Я, если ты не против, устроюсь вот здесь, в углу, на стуле.

Девушка удивленно вскинула брови.

– Ты будешь спать на стуле? Максим улыбнулся:

– Я привык. Пусть тебя это не беспокоит.

Анна понимающе кивнула и иронично спросила:

– А-а, понимаю, ты боишься, что ночью я прикоснусь к тебе ядовитой рукой?

Максим шутливо показал ей блестящие шары на раскрытой ладони.

Огромный водопад с грохотом обрушивал вниз кристально чистую ледяную воду, и в мелких брызгах, повисших над окрестными валунами невидимым прохладным облаком, светилась неуловимыми цветами призрачная дугообразная радуга.

Корбу. Один из самых красивейших водопадов Телецкого озера. Туристы фотографировались на его фоне, опасаясь подходить близко к гудящему потоку, от которого исходил пронзительный холод ледниковой воды.

– Красиво, – Аня зажмурилась и, приложив руку ко лбу на манер защитного козырька, стала пристально вглядываться в бликующую на солнце водную лавину. – Макс, смотри, если вглядываться вглубь водопада, то можно рассмотреть черты лица. Ой! Он и вправду похож на деда, древнего горного деда с прозрачной бородой.

Она еще смотрела несколько мгновений на Корбу, а потом вдруг помрачнела и отвернулась, стараясь не смотреть на Коврова.

– Ань, что случилось?

– Черт бы его побрал! – Кого?

– Данилыча этого твоего. Даже водопад мне напоминает о нем. Этот старик сведет меня с ума. Мне, правда, нужно ехать. Я больше не могу! Уеду к тетке, во Владивосток, может быть, там смогу забыть про все это.

Ковров накрыл ее ладонь своей и понимающе кивнул:

– Хорошо. Завтра ты уедешь. Я думал, что несколько дней на озере пойдут тебе на пользу, но вижу, что здесь тебе действительно больше не стоит оставаться. Давай хоть сегодня не будем думать обо всем этом.

– Макс! Как мы можем не думать об этом!? Особенно ты! Он охотится за тобой. Ты же воин, ты не можешь так легкомысленно относиться к своему врагу.

Ковров усмехнулся.

– Именно потому, что я – воин, я не могу позволить себе забивать голову мыслями о врагах. Такие мысли подтачивают дух воина изнутри. Когда враг придет, только тогда я смогу позволить себе реагировать на его появление.

– Но ведь можно предвидеть его появление, предотвратить его.

– Анна, пойми: зедарк является частью мира, который меня окружает, отражением моей темной половины сознания. Думать о нем значит усиливать и без того его могущественный потенциал. Бегать от него или пытаться спрятаться значит пытаться бегать и прятаться от самого себя. И это не просто теория, это часть философии, которую я исповедую. Зедарк является частью меня...

Анна поежилась, словно водопад протянул к ней свои невидимые руки и обнял, отодвинув от Максима холодным током влажного воздуха.

– Как же ты... хочешь одолеть его?

– Его невозможно одолеть.

Арамова внимательно посмотрела на Коврова, но не увидела в его поведении и следа от обреченности человека, говорящего о неизбежности победы над собой своего врага. Максим уловил ее чувства и улыбнулся.

– Ты не поняла меня, я вовсе не хочу сидеть и ждать, пока зедарк придет и уничтожит меня физически. Цель воинов Тай-Шин – Свобода. А свободный человек не будет уподобляться узнику, приговоренному к смерти. Ты знаешь, однажды я прочитал интересную книгу одного американского психолога, в которой приводился очень любопытный ацтекский миф о Тецкатлипоке, ужасном и устрашающем божестве, бродящем по ночам в образе гиганта и несущем свою голову в руке. Люди, увидевшие его, умирали от ужаса, но среди них оказался человек, который схватил гиганта и пообещал удерживать его до рассвета. Божество стало просить смельчака отпустить его, потом стало ругаться, а когда солнце окрасило горизонт рассветными лучами, оно стало уговаривать героя обменять свою свободу в обмен на богатство и непобедимую силу. Победитель отпустил бога тьмы, но в качестве залога взял себе его сердце, которое завернул в ткань и отнес домой. Развернув дома свою ношу, человек не обнаружил там ничего, кроме белых перьев, шипа, пепла и старой тряпки.

Анна усмехнулась, внимательно слушая Максима:

– Эти боги тьмы всегда обманывают героев. Ковров кивнул головой:

– Да, эти вещи не имели непосредственной земной ценности, но для человека вдумчивого и дальновидного таинственные дары Тецкатлипока могли бы оказаться бесценными духовными подарками, значение которых трудно переоценить. Это ключи к жизни, но потаенная суть этого мифа не в содержании залога, оставленного ночным богом.

– А в чем же? Может, этот герой просто хотел показать своим соотечественникам и богам избыток своей силы? Или, может быть, он сделал это от отчаяния или страха?

– Он сделал это, потому что оценивал мир с позиций иной системы координат, нежели это делают обычные люди. Тецкатлипока – это темный дух, который является людям в виде их второй половины – Разрушителя. Но ацтеки знали, что подобные духи не были однозначными врагами, а являлись отождествлением Силы, которая аморфна, безлична, дуальна и может стать как Врагом, так и Союзником. Поэтому для того чтобы овладеть этой Силой, они бросали ей вызов и начинали свою смертельную Битву, прежде чем темное божество убивало их своих ужасающим видом.

– Макс, подожди, но ведь ты сам себе противоречишь. Только что ты говорил, что войны наносят упреждающие удары по своим противникам, а до этого ты утверждал, что не собираешься противостоять зедарку, который и является для тебя этим самым темным духом, твоим личным демоном?

Ковров вздохнул, словно ему приходилось объяснять то, что не укладывалось ни в какие речевые обороты, и, поморщившись, пробормотал:

– Это сложно понять логически, но можно пережить телесно.

– Пережить телесно своего демона? Дать ему волю управлять своим телом?

– Нет, пережить его проявления, обуздать его в своем теле и своем сознании, не попадая под его пугающие действия. Шаманы уделяют основное внимание не тому, что можно выразить словами, а тому, что переживается ими в телесных ощущениях, видениях, снах. Темный Воин, чародей, полудемон, приходящий во снах с заходом солнца, – именно такой облик чаще всего принимает Союзник, который хочет привлечь наше внимание. Между прочим, имя Тецкатлипока означает «дымящееся зеркало». Союзник всегда отражает лицо того, кто борется с ним.

– Что-то не очень на тебя был похож тот убийца-зедарк, который напал на нас в саду Данилыча. Да и сам Данилыч, или, скорее всего, именно Кайчи, не очень похож на тебя.

– Отражения могут надевать на себя тысячи масок. Они могут прийти в виде профессионального убийцы с красными глазами, в виде некроманта-зедарка, даже, если ты настаиваешь, в виде старого друга семьи. Но все они суть проявления Союзника, витающего где-то в пространстве и обитающего на Той Стороне Снов. «Дымящееся зеркало», каково? А ведь своего темного духа я назвал в свое время Зеркальщиком Может быть, я интуитивно чувствовал его происхождение, а может, он сам подсказал мне свое имя, объявляя его перед Битвой, как это делали средневековые рыцари?

– Ну, хорошо, в теории это все действительно можно представить как угодно. Что ты будешь делать, когда зедарк возникнет перед тобой во плоти? Разнесешь ему голову своими метательными шарами? Покажешь ему прожигающий ауру «взгляд Волка»? Попытаешься схватить и удерживать до утра?

Максим пожал плечами.

– Будет видно. Предрешать исход Битвы на самом деле неблагоприятное занятие. Единственное, что я могу делать сейчас, – это постигать свое внутреннее пространство, откуда зедарк черпает силы для своей агрессии. Видишь ли, для меня все то, что я тебе сказал, не является просто теорией. Зедарк хочет убить именно меня, понимаешь, меня – Коврова Максима. Но если я перестану быть Ковровым Максимом, цель исчезнет прямо перед его лицом, растает в воздухе подобно призраку.

– Как это возможно? Ты поменяешь себе имя, внешность, сделаешь пластическую операцию?

– Это ничего не изменит. Изменив свою внешность, я останусь Ковровым Максимом, но лишь изменившим свою внешность. Зедарка сложно обмануть масками. Он пришел из моей личной истории. Поэтому чтобы избежать его удара, мне нужно избавиться от личной истории, которая задаст ему безошибочные ориентиры для преследования. Этим я и занимаюсь. Закрепощенный своим образом самого себя, воин является слишком явной мишенью для своего Противника. Камень тверд и непоколебим, но он неподвижен, и его все равно можно расколоть. Тогда как воин, уподобившийся воде, – Максим кивнул на струящуюся из-под водопада шумную речку, – не может быть уничтожен. Он текуч, мобилен, жизнерадостен и силен.

– Но и река имеет свое русло, – Анна задумчиво смотрела на буруны воды, обтекающей каменный валежник и с веселым журчанием бегущей дальше. – Тайшины ушли. Ты остался один. Сможешь ли ты сохранить текучесть, жизнерадостность и силу, когда встретишься с зедарком один на один?

– Вода использует русло, чтобы как можно скорее добраться до океана. Но если на ее пути встает преграда, она все равно улизнет из западни, поднявшись с утренним туманом высоко в небо, сливаясь с грозowymi облаками, господствующими в вышине, чтобы потом пролиться в океан ливнем.

– Максим, я замерзла, – Арамова улыбнулась и взяла Коврова за руку, – пойдем к озеру, на пристань, я видела там павильончики с горячим чаем. Там и поболтаем.

Они покинули смотровую площадку над водопадом, которую тут же заняли возбужденные туристы, снимающие на видеокамеру окрестный природный ландшафт.

Катер разрезал острым носом кристально чистую воду Телецкого озера, а по обе стороны медленно проплывали величественные горные холмы, покрытые разноцветными лентами тайги. Максим с Анной сидели на кормовой скамье и зачарованно смотрели на открывающиеся виды.

– Максим, а все-таки почему ты приехал именно сюда? И почему – «Озеро Сновидений»?

Ковров встал и подошел к бортику, подзвав Арамову к себе и показывая на воду, расходившуюся во все стороны от катера волнистой бликующей чернотой.

– Это уникальное место, о котором людям неизвестно фактически ничего. С ним связано множество легенд. Где ты еще видела такую чистую воду? Такую чистую и прозрачную, что она похожа на чернила.

– У этого озера зловещий цвет.

– Может быть, именно поэтому, от своего скрытого страха, люди ведут себя с этим сказочным местом подобным образом?

Максим кивнул на группу молодых людей, сгрудившихся на носу катера. Молодежь пила пиво, гыкая и улюлюкая, запуская пустые бутылки прямо в воду. Девушки смеялись, а молодые люди, поощренные их смехом, старались выпить пива как можно больше, разбавляя его водкой, пустая бутылка от которой скоро тоже оказалась в озере. От этого алкогольного марафона их и без того не одухотворенные лица прямо на глазах всех остальных участников круиза делались дегенеративными, а иногда даже откровенно страшными.

– Мутанты, – брезгливо пробормотала Аня и отвернулась в сторону, – а у этих мутантов тоже будет встреча со своей темной половиной?

Ковров кивнул:

– Она будет у всех нас, потому что все мы – существа дуальные.

– А Дух Озера как-то проявит себя в ответ на подобное поведение?

– Он проявляет себя постоянно. Мы сейчас находимся в его владениях, и он предоставляет нам уникальную возможность узнать о себе и о мире, окружающем нас, что-то новое.

– А какую возможность он дает этим гоблинам?

– Невозможно говорить об этом. Предоставим этот урок им самим. Я знаю только одно: мир вокруг нас – Зеркало. И если ты швыряешь в него бутылку, то должен быть готов к тому, что отражение тоже метнет в тебя что-либо. Это закон.

– А почему ты сказал, что они делают это от страха? По-моему, они просто дебилы.

Ковров поправил волосы на голове, развеваемые прохладным ветерком, и, сложив руки на груди, задумчиво сказал:

– Видишь ли, это озеро на самом деле может очень сильно встряхнуть человека, потому что в нем скрыты таинственные и могущественные силы.

– Где скрыты? Под водой?

– Да, под водой – в первую очередь.

– А правду говорят, что здесь, под водой, уже много сотен лет стоят на глубине трупы замерзших воинов, не потревоженных временем?

– Правда. Это озеро хранит множество величайших тайн планеты. Иногда его вода начинает светиться, и в черноте возникают разноцветные огни. Иногда над озером возникают призрачные видения, рождаемые в тумане. Иногда... А вот, смотри, интереснейшее место, – Максим показал рукой на заросший густым кустарником берег. – Это Каменный залив. Ты не бывала на нем?

Анна отрицательно покачала головой.

– Жаль, что у нас не будет возможности посетить это загадочное место. Про него, в частности, тоже ходит много легенд. Представляешь, овальный залив с такой странной водой, а вокруг завалы из валунов, как бы оплавленных с одной стороны и поросших мхом – с другой. Согласно одной из версий образования этого залива в этом месте возник тектонический раскол, заполнившийся впоследствии водой. Согласно второй версии источником возникновения залива послужил метеорит. Но есть и народный эпос, который рассказывает о противостоянии богатыря Сартакпая и чудовищного Дюльбегеня, который обитал в этих горах. Согласно этому эпосу они долго сражались друг с другом, пока Сартакпай не понял, в чем тайная сила Дюльбегеня. Дело в том, что у великана Дюльбегеня был волшебный камень, от которого он черпал невероятную силу. Сартакпай отобрал у него этот камень и швырнул его прочь, после чего быстро справился с чудовищем. А залив, кстати, образовался от ямы, оставленной вывороченным Кедром, который выдернул во время схватки богатырь Сартакпай. А Камень Дюльбегеня этот, согласно поверьям, до сих пор лежит на берегу этого озера. И тот, кто найдет его и прикоснется к нему, обретет невиданное могущество. Анна улыбнулась.

– Ты его нашел?

Максим кивнул и протянул руку, показывая на берег

– А что его искать? Вон он лежит, его даже отсюда видно.

Анна приложила ладонь ко лбу, разглядывая большую темную глыбу, лежащую в нескольких метрах от воды.

– М-да, интересно... Так ты не ответил, Макс, на мой вопрос. Почему ты приехал именно

сюда?

Ковров закрыл глаза и подставил лицо ярким лучам обжигающего солнца.

– Ты знаешь, когда-то давным-давно я прочитал одну повесть. К сожалению, не помню ни ее автора, ни ее названия. Так вот, там описана очень любопытная история. Про оборотней ты, конечно, слышала, а в этой повести, наоборот, какой-то человек взял и укусил волка. Лунными ночами этот несчастный волк превращался в человека, и в эти моменты его почему-то неудержимо тянуло в Париж.

– В Париж? Почему именно в Париж? Максим пожал плечами.

– Не знаю. Но он очень мучился этим своим желанием. Вот такая вот история.

Анна внимательно посмотрела на Коврова.

– Бедненький волк. Но к чему ты рассказал мне эту историю, какая тут связь? Ты опять ушел от ответа вот таким бессовестным способом, да?

Ковров надел солнцезащитные очки и молча улыбнулся.

Волны медленно и монотонно раскачивали катамаран, и Максим откинулся на сиденьи, открываясь горячим лучам закатного солнца, зависшего над зелеными холмами, опоясывающими озеро со всех сторон. Анна осталась на пирсе, а он отправился поплавать на катамаране, чтобы наконец почувствовать себя по-настоящему расслабленным. Вокруг не было людей, только чернильно-черная вода, и можно было позволить себе даже вздремнуть, отпуская мысли свободно течь подобно облакам, проплывающим в вышине. Но внимание упорно скатывалось к внутреннему диалогу, возникающему вокруг одной и той же проблемы, захватившей полностью все аспекты сознания.

Тайшины, зедарки, Данилыч, Кайчи... Все перемешалось в какой-то сумбурный клубок событий, распутать который логическим путем действительно было невозможно. Максим чувствовал, что стоит перед каким-то рубежом, за которым его жизнь изменит свое привычное русло. И границы этого рубежа охраняет устрашающая фигура зедарка, поединок с которым должен определить: удастся ли миновать эту загадочную черту или результатом этой схватки будет смерть.

Данилыч. Максим посмотрел на пирс, где белела крохотная фигурка Анны в светлом летнем платье. Мог ли Данилыч действительно быть «Юр-мэнсуком»? Или это было страшным недоразумением, порожденным перепуганным восприятием Арамовой и Филатова?

Максим посмотрел на воду под двумя понтонами катамарана, и разыгравшаяся фантазия нарисовала ему жуткую картинку: из черной глубины поднимается призрачно белое лицо ведуна, и он выныривает на поверхность, цепляясь за поручни раскачивающегося на слабых волнах плавсредства. Мгновение, и старик хватает его за руку, отталкиваясь от катамарана и опять погружаясь в ледяную бездну, утягивая с собой Коврова. А катамаран остается плавать на поверхности, пока его не прибьет волнами к берегу или его не обнаружат удивленные отсутствием пассажира спасатели с дебаркадера.

Максим мотнул головой. Наваждение пропало. Бликующая поверхность озера была безжизненна и спокойна, и только мелкая рябь, поднятая прохладной вечерней «низовкой» – коварным ветром, дующим с далекого залива, несильно раскачивала катамаран из стороны в сторону. Солнце спряталось за рваную темную тучу, приплывшую с севера, и на черной глади воды, как в зеркале, отражались причудливые силуэты затемненных облаков. Максим отрешенно наблюдал за их трансформациями, словно это был «театр теней», пока из хаотических клякс, подсвеченных солнечными лучами, не стали формироваться вполне определенные персонажи. Вот прямо рядом с левым понтоном возникла угрожающая фигура с четырьмя руками и отчетливыми рожками на большой голове! Ковров усмехнулся, но в свете его последней фантазии с выныривающим из глубины ведуном эта иллюстрация на водной поверхности вызвала в нем волну холодного ужаса, заструившегося по спине. Фигурка черта была столь реальна, что не оставалось никаких сомнений: мир вокруг о чем-то предупреждал его, подавал знак, пренебречь которым было попросту невозможно, когда он был показан с такой очевидностью. Ковров сжал зубы и стал продолжать наблюдение за движущимся на экране озера чертиком. А четырехрукий силуэт раздувался, улыбаясь провалом огромного рта на рогатой голове. Казалось, что он, эта бесплотная тень, символизирующая, без сомнения, Зурду, а может, даже более конкретную его ипостась – зедарка, схватит катамаран и раскачает его не хуже, чем это сделал бы большой катер, проплыви он в опасной близости от лодки. Максим осмотрелся. До ближайшего берега было метров сто. В холодной воде Телецкого озера это расстояние было равносильно смерти. Мелькнула бредовая мысль: а вдруг эта тень на воде – порождение темного дара зедарка, создающего в привычном материальном мире свой аналог пространственно-временного континуума, в котором тени могут выступать в роли неуловимых убийц?

Но ощущения измененного восприятия Ковров не испытывал, значит, тень на воде была не более чем зловещий символ. А черт на обратной поверхности волн танцевал какой-то завораживающий ритуальный танец, изгилаясь и гримасничая, помахивая четырьмя длинными руками и закрывая собой солнечный свет. Максим уже хотел было метнуть в жуткое отражение один из своих метательных шаров, но в этот самый момент из-под катамарана выплыла еще одна тень. Ковров с изумлением увидел, что эта фигура была похожа на силуэт большой черной собаки, зависшей в воде между ним и ухмыляющимся чертом. Это было невероятно, но это также невозможно было списать на игру воображения. Вот они, анимационные картинки, на расстоянии двух метров от единственного зрителя исполняющие какую-то потустороннюю, завораживающую мистерию. Светотени на экране озера Сновидений...

Максим замер, наблюдая, как черт заметно уменьшился в размерах и стал менее динамичен, будто появление силуэта собаки поубавило в нем былой негативный энтузиазм. Все это могло обозначать только одно: Сила Тай-Шин по-прежнему охраняла одного из своих воинов. Но это означало также и другое: черный Каркамас и темный чертик не зря появились перед ним в этот вечер. Максим прищурился и обвел взглядом берег озера. Это означало также еще и то, что Битва начнется очень скоро и зедарк уже прибыл.

Ночь была жаркой и душной. У Анны поднялась температура, и Максим сидел около ее кровати, положив свою ладонь ей на лоб. Тогда жар спадал, но стоило ему убрать руку, девушку снова начинало трясти. Скорее всего ее продуло во время экспедиции по

озеру: коварные ветры «верховка» и «низовка», господствующие в этих местах, были непредсказуемы и вполне возможно, именно они послужили причиной столь стремительного недомогания. Кроме того, организм девушки был ослаблен нервными переживаниями, выпавшими на ее долю в эти несколько последних безумных дней.

– Максим, – Аня облизала пересохшие от внутреннего жара губы и провела пальцами руки по его ладони, – от тебя такая энергия идет... словно круги или волны. Сразу становится легче.

Ковров кивнул ей, хотя она и не заметила этого движения: свет в домике был погашен и они находились в полной темноте.

– Только ты ведь устал сидеть вот так со мной. Тебе нужно отдохнуть.

– Не нужно. Это тебе нужно поспать. Завтра тебе предстоит долгая дорога.

– Да, завтра я уеду. Правда, странно? Я уеду, а ты останешься...

Они замолчали, слушая, как зашелестел по крыше легкий летний дождик, словно ночь зашептала им одну из своих колыбельных песен.

– А может, все-таки поедем вместе? – произнесла она задумчиво. Ковров сместил уровень своего восприятия и теперь отчетливо видел

в темноте, словно внутри включился биологический прибор ночного видения, позволяющий глазам схватывать более широкий спектр излучений. Он видел, что Анна смотрит на него мерцающими глазами, в которых отражалась сложная гамма чувств: страх, сожаление, усталость, боль.

– Мы могли бы спрятаться и в другом месте. Там, где этот оборотень не найдет нас никогда.

Максим грустно усмехнулся.

– Нет таких мест на этой земле.

Анна хотела что-то сказать, но потом передумала и, закусив губу, перевела взгляд в потолок, переживая какую-то внутреннюю дилемму.

– Я же тебе уже говорил, помнишь? Нет смысла бегать от своего страха. От этого он только набирает силы. Это как в Библии: если побежишь от своего страха, упадешь в яму страха еще большего. Зедарк – это часть моего Союзника, часть какой-то непроявленной ситуации, растянувшейся в веках. Он будет преследовать меня до тех пор, пока я не повернусь к нему лицом, чтобы выяснить его претензии ко мне. Он все равно появится рано или поздно, и это место идеально подходит для нашей встречи.

– Значит, здесь? – в глазах Анны были слезы, – ты будешь ждать его здесь?

– Да. Наконец-то все закончится. Я устал бегать от Зеркальщика. Настало время повернуться к нему лицом.

– Ты не боишься?

– Ты знаешь, сначала боялся. Но сегодня, когда я был на катамаране, произошло нечто, что вселило в меня надежду и силы. Я ведь думал, что остался один. Но, оказывается, Тай-Шин по-прежнему рядом. Он поддерживает меня даже на расстоянии. Поэтому сейчас страха нет. Я поднял такой глубинный пласт своей истории, что пережил сразу несколько своих смертей. Поэтому я готов к встрече с зедарком. Пусть все будет, как будет...

Анна закрыла глаза и отвернулась в сторону.

– А я боюсь. Вся моя жизнь была пронизана страхом. Жутким страхом, который пропитал мою сущность насквозь. И вот теперь я чувствую, что он опять поднимается во мне тягучей волной. Ему невозможно противостоять, его невозможно послушаться. Я бы хотела, очень хотела остаться с тобой, но этот страх внутри гонит меня прочь отсюда. Завтра я уеду, Макс. Уеду. Далеко. А ты останешься...

Максим почувствовал, как девушка сильно сжала его руку в своей ладони.

– Чего ты так боишься?

– Знаешь, Макс, очень давно, когда я еще была совсем маленькой, одна колдунья нагадала мне, что однажды я встречу Волка с глазами Дракона, который убьет меня. Я помню тот жуткий ужас, который я испытала, услышав ее слова. С тех пор это мифическое чудовище преследует мое воображение.

– Ты поэтому ввязалась во все это безумие с Герпадом?

– Да. Я надеялась, что, когда я перестану бегать от своего страха, он растает словно призрачный морок и предсказание колдуньи окажется враньем. Но Волк с глазами Дракона оказался более чем конкретным созданием, и даже одна мысль о нем повергает меня в ужас.

По крыше еще громче забарабанил дождь, словно предупреждая о чем-то двоих людей, беседующих в темноте. А через мгновение ночную пелену прорезала яркая вспышка молнии.

Максим погладил Анну по голове, и вдруг вторая молния прочертила ослепительную черту в его внутреннем пространстве. Предчувствие... Вибрация, пришедшая волной опасности извне. Он отвел в сторону руки девушки и переместился к окну. Его движения стали выверенными и стремительными.

– Что? – тревожно спросила Анна, которая тоже почувствовала что-то. Максим обернулся и тихо прошептал.

– Зедарк. Он здесь...

Девушка закрыла себе рот рукой, чтобы не закричать. Ветвистый разряд молнии осветил ее искаженное ужасом лицо.

Они стояли на дебаркадере, а внизу, около причала, возился с моторной лодкой один из частных «извозчиков», живущий неподалеку от базы. Небо уже чуть просветлело на горизонте, но лодочник вес равно не мог понять, куда собрались ранним утром два странных молодых человека: болезненного вида красивая девушка и парень, одетый в черную одежду диковинного покроя. Но сто долларов скрасили ситуацию, оставив без ответа этот не высказанный вслух вопрос.

Максим повернулся к Ане и хмуро пробормотал:

– Тебе нужно остаться. Это моя битва. Я его задержу. А ты уезжай. Уезжай с первым автобусом. Тебя он не тронет.

Девушка отчаянно замотала головой. Ее по-прежнему трясло, и было непонятно, то ли от температуры, то ли от страха и перевозбуждения.

– Я не могу. Я пойду с тобой! Я тоже должна посмотреть своему страху в лицо. Пожалуйста, Макс!

Ковров, прищурившись, посмотрел на озеро, скрытое за плотной пеленой утреннего тумана.
– Максим, ты чувствуешь его? Ты знаешь, где он будет тебя ждать? Ковров кивнул и показал девушке направление:

– Я знаю это наверняка. Зедарк будет ждать меня на Каменном Заливе, – он поежился от утренней сырости и прохлады и, усмехнувшись, добавил, – на «камне Дюльбегеня».

На причале затарахтел мотор, и лодочник хриплым прокуренным голосом позвал их вниз.

«Прогресс-4» продирался сквозь туман, словно продавливая плотный дымный полог, развешенный над озером. Анна закуталась в теплую куртку, взятую из домика, и посмотрела на Коврова, который молча наносил на лицо ритуальную раскраску Тай-Шин. Лодочник тоже обалдело наблюдал за этим зрелищем, и было видно, что он уже раздумывает о правильности принятого им решения связаться с этой странной парочкой.

Правая сторона лица Коврова уже была покрыта несколькими белыми линиями, нарисованными вертикально. На левую половину лица уверенными мазками ложились горизонтальные синие линии, придающие облику Максима какое-то потустороннее, нереальное выражение. Анна заметила, как в его левую руку незаметно выскользнули из кармана метательные шары Итум, которые он сжал, впитывая в себя сконцентрированную в них энергию.

На правом берегу показался темный камень, который, согласно легенде, и являлся средоточием силы демона Дюльбегеня. На нем никого не было, но оба, и Анна, и Максим, чувствовали явное присутствие поблизости существа, обладающего сверхъестественными силами.

Анна тихо заплакала. Лодочник взволнованно заерзал на своем месте.

– А чего мне делать-то? Ждать вас?

Максим показал ему рукой на место, где нужно было причалить.

– Высадишь меня ваг здесь. Девушка останется с тобой.

– Нет! – Анна решительно взмахнула рукой, – мы же договорились. У меня нет другого выхода. Я должна сделать это. Иначе мой страх сведет меня с ума...

Максим сжал зубы и спокойно кивнул лодочнику.

– Хорошо, высадишь нас обоих на Заливе. Потом отплываешь на расстояние десять метров от берега и ждешь моего сигнала или сигнала вот этой девушки. Забираешь нас и получаешь на базе еще двести долларов.

Лодка уткнулась носом в мокрый и вязкий прибрежный песок.

Дождь перестал моросить уже минут пятнадцать назад, но камни были еще мокрыми и скользкими, и поэтому идти по ним было невероятно трудно. Максиму приходилось одной рукой поддерживать девушку, а в другой были зажаты Итум, готовые в любое мгновение пронзить воздух своими грозными металлическими телами. Поэтому ему приходилось балансировать, чтобы удерживать равновесие и еще помогать Арамовой

перепрыгивать с одного валуна на другой.

Камни со всех сторон окружали зеленовато-голубой Залив сплошной грядой, придавая ему какой-то мрачный и угрюмый колорит. Человеку с развитым воображением действительно могло показаться, что много сотен лет назад здесь на самом деле происходила наполненная невероятным динамизмом схватка между Добром и Злом, Сартакпаем и Дюльбегенем.

Перебираться по валунам, особенно в ранних утренних сумерках было действительно очень тяжело, и случилось то, что неизбежно должно было произойти: Анна вскрикнула и медленно опустилась на колени на камне, нависшем прямо над мутной водой Залива.

– Ой... Все... Ногу подвернула, дальше идти не могу

Максим осмотрелся по сторонам, сканируя пространство вокруг и отмечая, что ощущение противника лишь только усилилось.

И зачем он послушал ее, зачем потащил с собой в это мрачное место. Девушка сидела на камне, бережно массируя больную ногу и растерянно смотря на Коврова. Максим чувствовал, что теряет инициативу и время, необходимое на то, чтобы успеть сориентироваться на местности и вычислить зедарка.

– Аня, сиди здесь. Я сейчас приду.

Было видно, что девушка напугана и перспектива остаться здесь в одиночестве испугала ее еще больше, но она лишь молча кивнула, затравленно озираясь по сторонам.

На «камне Дюльбегеня» никого не было. Лишь только тихо шелестели заросли кустарника и плескалась вода, набегающая на прибрежные камни и песок. На середине озера прошла в сторону базы моторная лодка: очевидно, решив, что никакие деньги не стоят душевного спокойствия на причал возвращался их перепуганный перевозчик.

Черная фигура тайшина неподвижно застыла на темном валуне, словно вызывая противника на открытый бой. Но зедарк не обнаруживал себя. Максим прождал его несколько минут, а затем, прыгнув с камня вниз, подошел к озеру и склонился к нему, окуная в холодную воду правую руку, успокаивая озерной прохладой жгучий жар, возникший во всем теле. Казалось, что внутри открыли заслонку раскаленной печи и обжигающее излучение заструилось по рукам и ногам, заливая жидким огнем голову. Перед глазами побежали сверкающие блики, которым просто неоткуда было взяться ни в воздухе, ни на воде ранним темным утром, лишенным любых источников света. Максим закрыл глаза и тряхнул головой, словно стряхивая с себя это странное вязкое ощущение. Но кружение светлячков перед глазами только усилилось, и сквозь их стремительную круговерть тайшин увидел на поверхности озера отражение своего темного силуэта. Это мимолетное видение словно включило какой-то скрытый механизм трансформации привычного трехмерного пространства, и Телецкое озеро поднялось навстречу Адучи, изменяя положение своей гигантской котловины на девяносто градусов!

Первой его мыслью было: он упал в воду! Но он по-прежнему твердо стоял на прибрежном песке, а прямо перед ним, на расстоянии метра возвышалось во все стороны огромное черное пространство бликующей воды, удерживаемой в таком положении вопреки всем известным законам этого мира! Озеро Сновидений... Адучи зачарованно смотрел на это пространство перед собой – словно темный полог, натянутый от земли и до самого неба. А в голове звучал далеким шепотом тихий голос, гулким эхом гуляющий внутри:

«Ты знаешь, что такое ИТУ-ТАЙ? ...ай ...ай ...ай ...й».

Через мгновение, словно ожившее отражение его силуэта в воде, из искрящейся разноцветными огоньками темноты вертикального Озера наружу выпрыгнула фигура, закутанная в черную одежду, и замерла прямо перед тайшином. Вместо лица, будто являясь продолжением водной поверхности, – тьма. В руках незнакомца – длинная, чуть изогнутая сабля, по острию которой бежит жидкая синяя молния или блик далекой луны, потерявшейся в облаках. Черный человек замер перед тайшином, словно разглядывая его. Зедарк? Зурда? Союзник? Тайшин?

«Ты знаешь, что такое ИТУ-ТАЙ? ...ай ...ай ...ай ...й».

Адучи разводит в стороны руки, показывая, что не боится этого загадочного воина, полностью доверяя себя Силе, ведущей его в этой жизни. Вода позади незнакомца завибрировала, покрылась мелкой рябью, и черный человек стремительно занес саблю для смертельного удара, который неминуемо должен был разрубить тайшина на две половинки. Удар!

Адучи качнулся и пришел в себя... Он по-прежнему сидел на корточках перед водой, лишь опираясь рукой в мокрый песок. Но все вокруг встало на свои места: озеро опять спокойно плескало волнами в горизонтальной плоскости и не было никакого безликого воина с занесенной для жуткого удара остроотточенной саблей. Видение... Аберрации издерганной психики... Или иллюзорный мир, навеянный магией зедарка? Адучи встал и, развернувшись, стремительно побежал в сторону Залива, туда, где осталась ждать его лишенная возможности передвигаться Аня. Возможно, Ганшину показалось, но после этого странного видения его ощущения еще больше обострились, приобретая совершенно новый, недоступный ранее ракурс.

Анна ждала его на том же самом месте, где он ее оставил. Она сидела над самой водой, обхватив ноги руками, и задумчиво смотрела на Залив. Ее сутулые плечи безвольно опустились, выдавая в ней полную покорность обстоятельствам и невероятную усталость, порожденную последними событиями.

Максим неслышно подошел к ней сзади, еще раз осматривая каменные завалы, сгрудившиеся по окружности небольшого озерца. Вокруг никого не было.

Вдруг на сознание набежала легкая тень. В глазах появилась неуловимая дымка, свидетельствующая об изменении состояния восприятия. Зедарк... Повелитель иллюзий... Он прятался где-то поблизости, верный своей коварной тактике смещения яви и сна. Два мира начали накладываться друг на друга, путая воедино свои законы и свои специфические пространства.

Он мог скрываться где угодно: за вон тем огромным валуном, вон в той гуще таежной зелени, под водой... Полем боя теперь становились не каменные глыбы Залива, а пространства, скрытые за гранью видимого.

Максим почувствовал, как его качнуло и повело куда-то в сторону. Из носа побежала тонкой струйкой алая кровь, капая на черную куртку и мгновенно впитываясь в ткань. Из руки выскользнул один из шаров Итум, с гулким стуком падая на камень, на котором стоял Ковров, и, скатившись с него вниз, с пронзительным плеском ушел под воду.

Анна стремительно обернулась и, увидев Максима, всхлипнула, улыбнувшись через силу.

– Ух... Это ты... Ты меня напугал. Ты его нашел?

– Нет, – Ковров отрицательно покачал головой, стряхивая с себя пелену наваждения древней магии, – нам нужно уходить отсюда. Скорее. Ты можешь идти?

Анна кивнула и, встав, протянула ему свою руку, чтобы он помог ей перепрыгнуть на другой камень. Максим наклонился, тоже протягивая ей руку, и девушка потянулась к нему всем телом, но вдруг что-то произошло в воздухе. Какое-то неуловимое движение. И Анна отпрянула назад. В ее глазах появилась растерянность, а затем целая гамма других эмоций: удивление, боль, ярость. И тут Максим понял, что произошло: из ее груди торчала толстая металлическая стрела, увенчанная серым оперением. Аня удержалась на камне и снова подалась к Коврову, словно еще надеясь, что он может ее спасти.

Вж-х. Вж-х. Вж-х. Пространство наполнилось жужжанием, и еще три стрелы, прилетевшие с различных сторон, вонзились в ее тело, впиваясь в спину и шею. Пронзительно закричав, Анна сорвалась в воду, сразу скрывшись в ее мутной глубине.

Максим затравленно обернулся. У него оставался всего лишь один Итум, но, судя по стрелам, противников было гораздо больше.

– Эй, вы, хватит прятаться! Выходите!

Из-за большого валуна, накрытого густым козырьком зелени, в нескольких метрах от него неслышно поднялась грозная безмолвная фигура, закутанная в серый балахон. В руках зедарка был арбалет, который он медленно положил к своим ногам. В это мгновение из глубины залива всплыло окутанное кровавой пеленой мертвое и безвольное тело Арамовой, зависшее в голубоватой воде.

Максим сделал неуловимый жест, и Итум, брошенный без взмаха одним лишь только движением кисти, устремился по направлению к зедарку. Но серый силуэт словно пропустил метательный шар сквозь себя, потому что Итум непонятным образом исчез далеко за его спиной, с треском пробивая себе путь сквозь таежные заросли. Из-за камней, словно по команде, поднялись еще три таких же серых тени, вооруженных арбалетами. Их лица скрыты под капюшонами.

– Кто вы? – обреченно спрашивает Максим, стараясь не смотреть на пронзенное стрелами тело в воде, плавающее почти у его ног. Одна из теней, которая увернулась от метательного снаряда, откидывает капюшон, и Максим видит лицо девушки, испещренное татуировками.

Максим ждет, когда грозное оружие в их руках опять выплюнет в воздух смертоносные стрелы, но зедарки стоят не шелохнувшись.

– Ну? Чего вы ждете?

Мертвое тело в воде переворачивается, и лицо девушки, искаженное болью, смотрит прямо на него, словно ожидая, когда он упадет рядом, ошестинившийся, словно дикобраз, иглами окровавленных стрел.

Максим смотрит на неподвижных убийц, и вдруг в напряженной тишине Залива за его спиной раздался негромкий знакомый смешок. Ковров стремительно обернулся: на камнях, в нескольких метрах от него, улыбаясь своей неизменной улыбкой, сидел Данилыч.

***

Askanai. Itu-Tai. Axhara

Одно из воспоминаний, словно яркий слайд, отражающий уроки прошлого. Он и Полина, мастер Тай-Шин, одетая в алое кимоно, с белыми иероглифами на груди. Их беседа происходит в Темной Усадьбе, доме, где собирались чародеи ИТУ-ТАЙ,

съезжаясь со всех концов Алтая и Сибири.

За открытым окном тихо шелестят ветви рябины, и яркое солнце заливает своим обжигающим светом просторный зал, где проходит их очередной урок.

– Ты можешь осознать, в чем заключается тайна Равновесия ИГУ-ТАЙ? – внимательные глаза Полины распространяют вовне осязаемые волны энергии, захлестывающие сознание и пугающие мысли.

– В уравнивании двух Сил, двух Потенциалов, – Адучи с наслаждением погружается в эти концентрические круги энергии, расходящиеся во все стороны от собеседницы. И если раньше подобная динамика пугала его, то теперь он открывается этому нежному потоку, понимая, что чародейка неспроста делает это с ним.

– Что является следствием уравнивания этих двух Сил?

– Пустота...

Адучи чувствует, что даже от простого присутствия рядом мастера Тай-Шин в голове возникают внутреннее безмолвие и пустота, которая дремлет на дне чувственной сферы, ожидая, когда ее пробудят и осознают.

– Что такое Пустота?

– Не знаю... Об этом невозможно говорить, – Адучи общается с Полиной легко и свободно. Ей можно совершенно искренне признаться в своем незнании или непонимании чего-либо. Подобная открытость была следствием особого доверия, которое эта удивительная женщина смогла вызвать в своем ученике.

– Ты подумал сейчас об открытости в отношении с женщиной? – От нее невозможно было спрятать свои мысли, поэтому Адучи даже не старался заблокировать свою мыслительную деятельность.

– Да, для меня это чувство было недоступно еще несколько месяцев тому назад.

– Почему?

– Не знаю. Я всегда испытывал по отношению к женщинам чувство подозрительности и настороженности.

– В чем причина такого отношения?

– Все женщины казались мне скрытыми манипуляторами. Страх, пожалуй, именно страх. – Адучи постучал рукой по груди, – был неизменным спутником моих взаимоотношений с противоположным полом.

Полина кивает головой.

– Это и есть самая большая проблема современности. Максим, – в ее глазах сверкали две яркие точки – это солнечный свет отражался от окон, но казалось, что глаза чародейки светятся изнутри, – тайна Полов! Это и есть ИГУ-ТАЙ в чистом виде: мужчины и женщины, их внешние и внутренние потенциалы. И прежде чем кто-нибудь из нас прикоснется к тайне Пустоты, он должен открыть для себя тайну взаимодополняющих Потенциалов, двух Сил, из которых соткано все вокруг. Великая Война Полов бушует на планете! И, пожалуй, мы, тайшины, – одни из немногих стремимся повернуть этот процесс вспять.

Адучи удивленно смотрит на собеседницу.

– Но как это возможно? По-моему, эта война еще даже грандиозней, чем Вавилонское проклятье, обрекшее людей на непонимание.

– Колоссальное количество разводов, захлестнувшее человечество в конце тысячелетия, свидетельствует об одном: мужчины и женщины неумолимо расходятся в разные стороны. Между ними царит полное непонимание, и от этого ими утеряно искусство нежности, которое склеивает воедино два потенциала, две судьбы.

– Что это за искусство?

– Это искусство, которое оперирует языком чувств, давно позабытым людьми. Мы, тайшины, пользуемся этим языком, и поэтому мы получаем возможность разгадать тайну женского и мужского начала и воспользоваться невероятно могущественной силой, которая возникает в результате их позитивного взаимодействия. Это самая прямая дорога к Пустоте. Только используя язык чувств, мужчины смогут обрести силу и бесстрашие. Только говоря на этом языке, женщины смогут максимально осознать свою творящую сущность и избавиться от этих агонистических попыток убедить мужчин в том, что они могут быть гораздо сильнее их. Открытие сердца – вот то, что сможет подсказать людям пути к сближению. Язык чувств – вот то, что поможет им следовать Силе Пустоты. Искусство нежности – вот то, что поможет им обрести потерянную Любовь. Только говоря на одном языке, и мужчины, и женщины смогут понять друг друга и избавиться от страха, который искривляет их судьбы и заставляет совершать ужасные ошибки...

***

Горный Алтай. Телецкое озеро

– Здравствуй, Адучи, – старик, улыбаясь, смотрит на тайшина, застывшего в оцепенении на краю озерца. – Ты, я вижу, удивлен, увидев меня здесь?

– Ты... ты..., – Максим жадно хватал ртом прохладный воздух, чувствуя, что задыхается, – Аня была права?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты – Кайчи? Ты всегда был рядом? Старик смеется.

– Нет, Адучи, я не Кайчи. И Аня не была права. Но одно несомненно – я всегда был рядом.

– Что это значит? – Максим присел, чувствуя невероятную дрожь в ногах. – Зачем вы убили девушку?

Данилыч перестал смеяться и, погрузившись, посмотрел на расходящееся во все стороны кровавое пятно на поверхности воды.

– Ее действительно жаль. Мы ждали до последнего, надеялись, что она одумается и оставит тебя в покое. Но Зеда слишком глубоко проникла в ее суть – бедная девочка уже просто не могла остановиться. Мы чудом успели обезопасить тебя от ее последнего прикосновения. Выбор был скудным: либо она тебя, либо мы – ее.

Ковров удивленно переводил взгляд с Данилыча на Арамову, не зная, верить его словам или нет.

– Так это, что же... получается... Она – зедарка?! Та самая? Внучка Кайчи?

Данилыч кивнул.

– Да, Адучи. И чтобы у тебя не оставалось больше сомнений в моих словах, подойди к ее куртке. Там ты найдешь массу интересных вещей.

Максим только сейчас обратил внимание, что куртка Арамовой осталась лежать там, где несколько минут назад сидела ее хозяйка. Он подошел и, наклонившись, осторожно приоткрыл кончиками пальцев внутренние карманы куртки. Там лежали какие-то склянки, мотки проволоки, медицинский скальпель в пластмассовом футляре.

– Посмотри повнимательнее на ее руки, – Данилыч махнул рукой в сторону мертвой девушки.

Максим нагнулся над водой и присмотрелся к рукам Анны, скрюченным судорогой и словно сжимающим что-то даже в посмертии.

247

– Они блестят. Что это? Яд?

Данилыч встал и, разминая, встряхнул затекшие ноги.

– Да. Содержимое этих склянок – медвежий жир и змеиный яд. смешанные с растительными экстрактами. Еще бы чуть-чуть, и ее последнее рукопожатие действительно стало бы для тебя последним.

Максим пнул ногой куртку, стремительно отдергивая ногу, словно рискуя отравиться от одного прикосновения к вещам молодой ведьмы. Зедарка. Вот, оказывается, кто был всегда рядом, изучая его окружение, его внутренний мир, его возможности и его философию. И место это она выбрала неслучайно. Он сам подсказал ей его вчера во время их круиза по Телецкому озеру. Камень Дюльбегеня. Девушка обставила все со вкусом, превратив ритуал в мистическую драму, а не в заурядное убийство. И он даже не мог почувствовать ее потаенную сущность, настолько искусно зедарка носила доверительный облик Ани Арамовой.

– Ты думаешь, почему не смог раскусить ее сразу? – Данилыч стоял и любовался окрестной тайгой, тоже стараясь не глядеть в сторону залива. – В этом и заключается их коварная особенность. Даже я далеко не сразу понял, что за существо скрывается внутри этой хрупкой и красивой девушки.

– Но ты ведь знал, да?

– Конечно, знал. Мы знали о появлении зедарков, мы обнаружили их, и мы следили за их передвижениями на поверхности планеты. Но вот об этой девушке нам фактически ничего не было известно. Видимо, ее и готовили особым образом, потому что она оказалась не столь убийственной, как ее палаша, но гораздо более искусной в умении перевоплощаться и влиять на людей.

– Я думал, что зедарка погибла в подземелье.

– Нет, там погиб только ее отец. А та, которую Всеволод принял за ведьму, сегодня спасла тебе жизнь.

Ковров обернулся на девушку в сером балахоне, которая улыбнулась ему издали.

– Кто это?

Данилыч махнул людям в сером рукой, и те одновременно покинули свои места, спускаясь вниз, к заливу.

– Это тайшины, Адучи, кто же еще?

Максим изумленно смотрел на приближающиеся серые балахоны, и сердце его забило с невероятной скоростью, словно вскипела кровь внутри и избыточное давление погнало ее по венам подобно неуправляемой горной реке.

– Тайшины?

– Да, Тайшины Кок Бюри. Воины Синего Круга. Чародеи...

– Я... не думал, что кто-нибудь остался...

– Они всегда были рядом. Этих воинов, можно назвать телохранителями Камкурта. В их первоочередную задачу входила защита тебя от зедарков и вообще ликвидация зедарков как существ, угрожающих целостности Щита.

Тайшины подошли и сняли капюшоны с лиц. Максим увидел незнакомые лица двух мужчин и двух женщин. Только одно из них было покрыто татуировкой – лицо девушки, которая выпустила первую стрелу в зедарку и которую, судя по всему, встретил в подземелье Барнаула Санаев.

– Значит, вы использовали меня в качестве живца?

Данилыч снял с себя темно-зеленую рыбацкую ветровку, в которую был одет, и, закинув ее за плечо, задумчиво проговорил:

– Это была наша совместная битва. Мы искали наемников Ситанов, ты искал свой самый сильный Страх – Zurdha. Кстати, это имя в древнем переводе означает – «Сотканный из ужаса». Теперь ты можешь использовать новые знания и ощущения, полученные в результате этой схватки. Это даст тебе реальный шанс обратить Зеркальщика, своего темного духа, в Союзника, который откроет тебе невообразимые грани этого мира и мира Силы, который ты только начинаешь постигать. Но мы еще поговорим об этом позже, – старик посмотрел на небо, – солнце скоро будет уже высоко, и нам нужно успеть прибраться за собой.

– А что будет с ней? – Ковров кивнул на мертвое тело ведьмы.

– Тайшины займутся ей. С зедарками, даже мертвыми, нужно обращаться очень осторожно. Невозможно предугадать, какие сюрпризы они могут приготовить даже в своем видимом посмертии. К восходу солнца здесь не должно остаться и следа от этой ужасной мистерии. И туристы, которые придут сюда с первым экскурсионным катером, вряд ли увидят здесь что-нибудь необычное. Разве что особо чувствительные ощутят нечто в воздухе, привкус чужих миров, приоткрывших свои двери на месте гибели зедарки. Но и это ощущение скоро исчезнет под влиянием свежего ветра, дующего с этого священного Озера.

Тулан-Ту. «Змеиная гора». На ее вершине сидят на поляне шесть человек. Внизу открывается захватывающий пейзаж: гора, похожая на перевернутую лодку, бликующая на солнце гладь Телецкого озера, две деревни, расположенные друг напротив друга, на разных берегах озера – Иогач и Артыбаш. Крохотные домики в деревнях, затерянные в зелени деревьев, подернуты лежим дымком. Именно здесь берет свое начало река Бия. Место ее начала так и называется – «Глава порогов». Также внизу раскинулась уникальная при прителецкая тайга, изобилующая густой насыщенной растительностью, где даже кедры имеют раздвоенные и растроенные верхушки стволов, жадно тянущихся к небу, нависшему над Алтаем прозрачным синим пологом.

– Чем ты планируешь заниматься дальше, Максим? – Данилыч, прищурившись, смотрит на Коврова, жуя во рту травинку, сорванную тут же.

– Не знаю, – Ковров мучительно переборол накатывающуюся на него дрему, неизбежную

после бессонной, наполненной столь динамичными переживаниями ночи, – возможно, опять займусь информационным бизнесом или возглавлю «Темный Ветер». А может быть, объединю воедино и то, и другое.

– Тебя наверняка ждет много интересного впереди, – Данилыч, подмигивая, кивает ему, – помни, прошлое может предстать перед тобой в самых необычных обликах.

Максим слабо соображает, о чем говорит ему старик. Восприятие плывет, словно утреннее солнце плавит его своими жаркими лучами.

– Ты наверняка встретишь людей, которые будут идти с тобой рядом. Это будут сильные люди, потому что Сила притягивает Силу. А ты уже накопил достаточно силы, чтобы начать исполнять взятые на себя обязательства.

– О чем речь? – каждое слово дается Максиму тяжело, и он еле ворочает языком, стараясь не раскиснуть совсем и не потерять нить разговора. Слова Данилыча доносятся до него приглушенно, словно издалека.

– ...возрождение древнего боевого искусства и расширение границ восприятия...

Потом он все-таки потерял сознание, потому что когда вновь пришел в себя, то понял, что Данилыч что-то рассказывал тайшинам про местные достопримечательности.

– ...находится перевал Обога, – старик показывает рукой в очередном направлении, – О, а вот и Максим в себя пришел. Макс, вон там, прямо под нами, бьет из-под земли Серебряный Источник, освященный христианской церковью и источающий удивительно вкусную и полезную воду. Сейчас мы спустимся туда, ты умоешься свеженькой водичкой и придешь в себя.

– Я был там, – кивает Максим, – и мне именно там вспомнились твои слова о двух мощнейших эгрегорах, взаимодополняющих друг друга здесь, на Алтае.

Он посмотрел на Данилыча.

– Ты знаешь, я вообще стал по-другому относиться к себе, своей личной истории и истории места, где я оказался волею судеб. Зедарки растормошили мое внутреннее пространство подобно урагану. И я теперь заново смотрю на мир, где многое из того, что было для меня важно, рассыпалось в прах и перестало существовать.

Старик смеется.

– Да уж, зедарки основательно встряхнули твою сущность, но скорее ты сам погрузился в пучины своего сумеречного «Я», безжалостно подталкиваемый обстоятельствами, которые спровоцировали эти наемные колдуны. Ты же знаешь: основа Тай-Шин – пробуждение Джал – таинственной Пустоты, скрытой в глубинах нашего существа. Касаясь Пустоты, воин-тайшин прикасается и к своему прошлому, пробуждает информацию, дремлющую в генофонде, и обретает знания предков, давно ушедших за грань этого мира. Это и есть один из аспектов битвы с Союзником. Но есть еще один, тот, который ты игнорировал, будучи подавленным обстоятельствами минувшего утра.

Данилыч смотрел на Коврова вопросительным взглядом, словно ожидая, что тот сам догадается, о чем идет речь.

– Ты не привык доверять Знакам, Символам этого мира, которые действуют тогда, когда тайшин использует для восприятия мира свое сознание. Ты не задумывался, например, почему твоя битва происходила именно с женщиной-зедарком? Почему она вообще напала на тебя?

Ковров задумчиво развел руками.

- Наверное, потому, что во мне существует конфликт?
- Конфликт, безусловно, есть, но почему именно женщина-зедарк?
- Я так понимаю, что это имеет отношение к конфликту мужского и женского?

Данилыч удовлетворенно кивнул.

– Именно. Одна из фундаментальных проблем человека – уравнивание мужского и женского внутри своей сущности. Это основа дальнейшего постижения мира вокруг нас. Именно поэтому темное отражение твоей «внутренней женщины» пыталось уничтожить тебя, принести тебя в жертву. Что-то в тебе пытается разрушить тебя самого, и именно этим конфликтом управляют противники, которые приходят к тебе в этом мире. В этом заключается двуликость Союзника. Уравновесь самого себя, и у «внешнего» не будет оснований наносить тебе столь сокрушительные удары.

Ковров напряженно думал о чем-то.

– Постой, Данилыч, но ведь это был мой противник. А убила его, – он обернулся на девушку с татуированным лицом, которая сидела чуть позади него и улыбнулась ему, – Тамис.

– Таковы превратности битвы с Союзником, – Данилыч смотрел куда-то на далекий горизонт, и в его взгляде появилось выражение задумчивости или даже печали, – ты сумел уйти достаточно далеко в прошлое, чтобы поднять на поверхность связи, притянувшие к тебе необходимых людей, которые тоже оказались участниками этой битвы. Тамис ведь тоже оказалась здесь не случайно, как и все остальные члены группы. Зедарки убили ее отца, теперь она убила одну из них. Все вокруг связано прочными нитями, которые тянутся через пространство и время, создавая вот такие узоры на ткани окружающего нас мира. К тому же Тамис – тоже женщина, и возможно, что она также является отражением твоего внутреннего женского потенциала, который проявляет себя самым непредсказуемым образом.

– Мое прошлое, – Ковров тоже смотрел на горизонт, расписанный белыми рунами облаков, – я чувствую множество тайн, скрытых в нем, но не знаю, как дотянуться до них. И зедарка эта тоже пришла из прошлого... Оно что, будет постоянно преследовать меня?

Данилыч засмеялся и встал, разминая затекшие от долгого сидения ноги. Тайшины тоже поднялись на ноги и пошли к узкой тропинке, ведущей вниз, к основанию горы. Старик сделал Коврову знак, чтобы тот задержался.

– Прошлое отягощает нас так же, как отягощает нас и настоящее, каждую секунду превращаясь в прошлое. Но Тай-Шин и было создано для того, чтобы обрести свободу от этих тяг. Помнишь, как зедарк напал на нас в моем саду?

Максим кивнул, вспоминая ту жуткую схватку и ощущая мелкую дрожь в теле, порожденную этим воспоминанием.

– Как ты думаешь, почему он не смог прикоснуться ко мне? Почему его намазанные ядом руки не смогли отравить мое старческое тело?

Максим вспомнил, как провалился в пустоту изумленный этим невероятным обстоятельством зедарк.

– «Пустенье»? Я помню, как ты рассказывал мне про это.

Данилыч закрыл глаза и тихо пробормотал, словно изымая это знание из своего внутреннего пространства:

– «Пустенье»... Когда-то, давным-давно здесь, на Алтае, жили очень древние и очень странные племена. Они называли себя «Джаксины» – «Люди с сердцем, наполненным Пустотой». Одно из поселений Джаксинов было и на том месте, где выстроен сейчас Барнаул. Так вот скорее всего именно Джаксины оставили нам магию ИТУ-ТАЙ: простое знание о том, что мир вокруг и внутри нас на самом деле не является плотным. Мы придумали его для того, чтобы стать его заложниками, чтобы обрести мнимую уверенность в твердой почве под ногами. Но жизнь постоянно выбивает эту почву из-под наших ног, и тогда мы чувствуем растерянность и бессилие. Пока ты будешь чувствовать себя изолированным от этого мира, он будет снова и снова доказывать тебе, что ты его неотъемлемая часть и, будучи таковой, тоже являешься пустотой. Пустотой, понимаешь? А Пустоту невозможно поймать и уж тем более убить. Стать пустым и почувствовать себя частью этой беспредельной пустоты значит стать свободным.

Он открыл глаза и, не давая Максиму осознать услышанное, повел его вслед за скрывшимися в зелени кустов тайшинами.

– Пойдем, Максим, позавтракаем. Ты обещал показать кафе, где подают чудесного жареного хариуса и телецкого сига. А потом мы попьем чаю на берегу озера, и я расскажу тебе о битвах, которые еще ожидают нас всех в будущем.

Увидев озадаченное выражение лица Коврова, Данилыч хлопнул его рукой по плечу, словно подталкивая вперед, и громко рассмеялся.

«Воин редко может определить победителя сразу по окончании сражения. Движение борьбы порождает вокруг себя огромную энергию, и вот наступает момент, когда одинаково возможны и победа, и поражение. Лишь время скажет, кто одолел и кто проиграл, но воин знает, что с этой минуты он уже ничего больше не сможет сделать: судьба сражения – в руках Бога. В такие минуты воин не тревожится за исход битвы: это не заботит его. Он внимательно прислушивается к своему сердцу, он спрашивает его: «Это был Праведный Бой? Я сражался как должно?» Если сердце отвечает ему утвердительно, он предается отдохновению. Если же ответ отрицательный, он берется за меч и вновь начинает упражняться».

Пауло Коэльо

«Книга воина света»

Стоило солнцу зайти за линию гор, как в воздухе сразу стало холодно, будто нарушилось равновесие мироздания и далекая еще зима уже заявила свои права, нетерпеливо подув издали ледяным дыханием суровых северных ветров. Массивные серые тучи заполнили небо, которое будто потяжелело от них и нависло над землей угрюмой пеленой, угрожающей раздавить даже многовековые скалы, оцетинившиеся копьями остроконечных вершин. Все живое вокруг замерло, будто почувствовав, что что-то должно произойти. Замолчали даже птицы, спрятавшись в гуще древесных крон. А шум горных рек стал приглушеннее, будто речные духи боялись потревожить тишину, предшествующую великой Битве.

Человек в сером одеянии вышел на вершину одной из гор и остановился на отвесной каменной площадке, с которой открывались захватывающие дух горизонты.

Разноцветные горы и разноцветные реки Алтая раскинулись внизу подобно таинственной стране, подлинное величие которой можно было увидеть либо с высоты птичьего полета, либо с вершины горы, на которой замер пораженный увиденным зрелищем закутанный в серое человек. Он медленно опустился на одно колено и, раскинув в стороны руки, запел древнюю песню. Он пел о своем доме, о своих родных и близких, о своей любви к этой горной стране, давшей ему новое ощущение жизни.

Над головой зашелестели огромные крылья, и большая величественная птица, спикировав с небес, приземлилась в нескольких шагах от человека. Орел замер и теперь смотрел на поющего, словно прислушиваясь к звукам человеческого голоса. Но Туан не заметил присутствия небесного гостя. Перед его глазами мелькали картинки грядущего сражения, окровавленные тела убитых и раненых, ярость и боль, пропитавшие воздух. Ему казалось, что он уже слышит движение вооруженных воинов там, внизу. Он видел их лица и слышал бряцанье оружия и громкие шаги по тоннелям тайных ходов, ведущих ургудов в пещеры и затем далее, наружу. Он чувствовал их злобу, и его песня наполнялась этим страшным ощущением. Завтра, когда небо потемнеет от того, что потемнеет солнце, откроются тайные ходы на поверхность земли и сотни ужасных существ хлынут наружу, прячась в пещерах до вечера. А вечером...

Туан посмотрел вниз, на зеленые пятна тайги, соседствующей с многовековыми камнями. Там ждут своего часа десятки тайшинов, закутанные в черную одежду и разукрашенные ритуальными письменами Света и Тьмы. Как только сумерки накроют землю, завтра он поведет их в бой,

может быть, последний бой для многих воинов Тай-Шин. Но где-то там, в поселениях, люди тоже готовятся к этой грозной битве. Сотни богатырей сидят вокруг костров и думают о том, что завтрашний день, возможно, будет их последним днем в этом мире. Песня изменила ритм, человеческие слова стали превращаться в громкие звуки, которые зазвучали из самой глубины бесконечного внутреннего пространства, наполненного переживаниями и предчувствиями. Еще через мгновение они и вовсе превратились в вой, который срывался с отвесного каменного козырька и летел вниз, подхваченный легкими горными ветерками. Орел вздернулся, но остался сидеть на камне, словно его не пугала ни человеческая речь, ни волчий вой, зазвучавший боевым кличем на вершине горы.

Свет и Тьма. Горы безмолвно взирали, как камлает великому духу Алтая то ли человек, то ли волк, замерший между небом и землей, словно серая тень, сливающаяся с серым цветом скальных пород.

Камкурт открыл глаза и поднялся на ноги. Внутри не было ничего: ни грусти, ни страха, ни тоски. Эти чувства бесследно растворились в песне, спетой миру, погруженному в надвигающиеся сумерки. Туан раскинул в стороны руки, будто приглашая своего немого слушателя – орла взмыть в темнеющее небо. Он чувствовал себя легче ветра, кружившего вокруг, настолько опустошила его эта песня, открывшая дорогу великой и таинственной Пустоте, скрытой в глубинах собственного существа. Грядущая битва не имела значения. Она была лишь одной из битв, которые были впереди, за гранью времени и пространства, в далеком будущем и не менее далеком прошлом. Камкурт улыбнулся...